

логох в султанскую казну. Такого фирмана у Салиха-аги не было, да и платить что-либо султану не входило в планы Мурад-бей. Стотысячная контрибуция с Александрии была отменена⁷.

В марте 1786 г. в консульство доставили два необычных письма. Одно было от Ибрахим-бей, а другое – от «поручика грузинской артиллерии» Максима Качкачова. Ибрахим-бей, один из двух фактических правителей Египта, приглашал фон Тонуса безотлагательно приехать к нему на встречу для обсуждения важного вопроса. А во втором письме незнакомый консулу грузинский офицер намекал, что речь идет, ни много ни мало, о намерении мамлюкских беев выйти из-под власти Порты при условии признания и поддержки Россией египетской независимости.

Поручик грузинской артиллерии Манучар Качкачишвили, подписывавшийся порусски «Максим Качкачов», прибыл в Египет в январе 1786 г., чтобы повидать своего родственника⁸. У него были рекомендательные письма к беям от царя Картли-Кахетии Ираклия II. Многие мамлюкские беи имели грузинские и абхазские корни и сохраняли связи с родиной. Принятый Ибрахим-беем, Манучар Качкачишвили был, конечно, не первым, от кого беи узнали о заключении Георгиевского трактата между Россией и Картли-Кахетией в 1783 г. Однако приезд Качкачишвили дал беям возможность получить свидетельство о происходящем из первых рук. Пример независимого грузинского царства Картли-Кахетии под покровительством России был довольно привлекательной моделью для подражания. Однако сам Качкачишвили не имел никаких официальных полномочий, и беи вызвали для обсуждения возможности сближения с Россией консула из Александрии.

Выбор, перед которым оказался фон Тонус, был сложным. Если бы о подобных переговорах стало известно, дипломатический кризис в отношениях России и Турции был бы неизбежен. Кроме того, Ибрахим-бей и Мурад-бей воевали на стороне Мухаммада Абу-з-Захаба против Али-бей. Непросто было поверить в искренность предложения о сотрудничестве с Россией, когда оно исходило от тех, кто с оружием в руках

сорвал предыдущую попытку подобного сближения. Приглашение беев могло на поверку оказаться провокацией. Кроме того, фон Тонус имел все основания полагать, что Мурад-бей не простил ему ту роль, которую консул сыграл в противостоянии жителей Александрии с Салихом-агой. В этих обстоятельствах поездка в Каир могла оказаться опасной ловушкой. В то же время и прямой отказ могущественным мамлюкским беям сулил множество неприятностей.

Фон Тонус прибегнул к традиционной восточной тактике – стал выжидать. Приняв приглашение беев, он отложил свой приезд, объяснив отсрочку необходимостью получения из посольства в Стамбуле соответствующих высокому статусу беев подарков. Очевидно, что кроме подарков, консул ожидал также инструкций от Якова Ивановича Булгакова, российского посланника в Турции, у которого находился в подчинении.

1 мая 1786 г. в Александрию прибыл Манучар Качкачишвили. При нем были письма, написанные по-грузински. Часть из них – личные послания высокопоставленных мамлюков Ираклию II – были скреплены печатями, другие – не подписаны. Качкачишвили объяснил, что беи, видя, что приезд консула затягивается, уполномочили его самого передать их просьбу непосредственно российскому послу в Стамбуле. Ни сам Качкачишвили, ни его миссия фон Тонусу не понравились, и он приказал изъять письма. Возможно, консул не поверил в подлинность этих писем, или же, наоборот, пытался уничтожить компрометирующие документы, которые, попади они в руки чиновников Порты, могли быть использованы в качестве улики. Возможно, последней каплей, переполнившей чашу его терпения, была содержащаяся в письме на имя Я.И. Булгакова просьба беев о назначении Качкачишвили консулом в Египет – на место фон Тонуса.

Впрочем, утрата рекомендательных писем не смутила энергичного поручика артиллерии. В докладной записке князю Потемкину, составленной годом позже, Качкачишвили писал, что после того, как у него отобрали по распоряжению фон Тонуса письма, он обратился к Ибрахим-бею с просьбой дать

ему еще одно рекомендательное письмо. При этом он не был до конца откровенен с Ибрахим-беем и написал, что предыдущее письмо «уронил в воду». Несмотря на подобное небрежное отношение грузинского офицера к вверенной ему конфиденциальной корреспонденции, Ибрахим-бей немедленно откликнулся и снабдил Качкачишвили еще одним рекомендательным письмом. Было ли об этом известно консулу, мы не знаем, но он задержал отъезд Качкачишвили. Тогда тот попытался апеллировать к Ибрахим-бею, пожаловавшись на действия консула⁹. Ибрахим-бей написал консулу, требуя разрешить Качкачишвили отъезд или вернуть его письма. Фон Тонус был очень недоволен и угрозами заставил Качкачишвили успокоить Ибрахим-бея уверениями в скором отъезде.

Тем временем над беями стали сгущаться тучи. 11 мая 1786 г. были зачитаны на заседании дивана в Каире требования Порты о присылке в 30-дневный срок задержанной дани и положенного для Мекки и Медины зерна и выплат¹⁰. 12 июня в Александрии бросили якорь несколько турецких кораблей. В воздухе витали слухи о скором прибытии большого турецкого флота. В этой ситуации слишком близкие контакты с беями становились все более опасными. Когда Качкачишвили сообщил консулу, что он еще раз встречался с представителем беев и те снова просили от него гарантий помощи со стороны России, фон Тонус приказал посадить поручика под домашний арест и взял с него обещание не предпринимать впредь подобных шагов.

2 июля из Стамбула прибыл ага с требованиями скорейшего выполнения беями всех обязательств перед Портой. Слухи о прибытии основных сил турецкого флота подтвердились – правитель Акко, Ахмад ал-Джазар, прислал беям по этому поводу достоверное сообщение. Ибрахим-бей поспешил отправить послания с уверениями в своем подчинении Порте, визирю и капудан-паше¹¹.

6 июля в Александрию прибыл капудан-паша Гази Хасан-паша. Через короткое время он отправился с войсками в Розетту, готовясь к походу на Каир. В донесении Я.И. Булгакову фон Тонус писал: «Беи

весьма сожалеют, что не зарезали консулов до прибытия капитан-паши в Александрию, и обещаются сие исполнить по окончанию какого-либо с капитаном пашею решения... предпочитая виновность мне больше других консулов»¹².

В этот момент, по версии, которую Качкачишвили изложил позже в докладной записке князю Потемкину, беи прислали консулу письмо с просьбой примирить их с капудан-пашой: «И все, что он попросит, мы уплатим». Если сведения, сообщаемые Качкачишвили, верны, то можно только посочувствовать фон Тонусу: беи, которые то хотели убить консула, то требовали от него гарантий, чтобы начать военные действия против Турции, теперь жаловались на нехватку сил и обращались к консулу за помощью в урегулировании многолетнего конфликта со стамбульскими властями.

По свидетельству Качкачишвили, фон Тонус, не зная, как ему поступить, обратился за советом к своему более опытному коллеге – французскому консулу. Тот посоветовал переслать письмо в махкаму (суд), с тем чтобы кади передал паше просьбу об урегулировании. Но оглашение письма, содержащего сетования на бедственное положение мамлюкских беев, привело к обратному результату и только ускорило выступление капудан-паши в поход на Каир. Получив подтверждения слабости беев, капудан-паша не захотел идти с ними на примирение. При этом французский консул позаботился о том, чтобы беи узнали, как предательски поступил с их письмом российский консул.

В такой трактовке событий есть, однако, немало противоречий. Вряд ли российский консул был достаточно авторитетной фигурой в глазах турецкого адмирала, чтобы использовать его в качестве третейского судьи. Зато таким авторитетом был сейид Наджм ад-Дин, которого современники характеризовали как «почтенного законоведа, именитого, высокоодаренного и выдающегося ученого»¹³. Наджм ад-Дин находился в Стамбуле в 1784–1785 гг., помогая Хасан-паше готовить экспедицию в Египет. По прибытии в Александрию Наджм ад-Дин был назначен на должность кади, городского судьи.

Соблюдением законности старался завоевать расположение жителей и сам капудан-паша. Через два месяца паша Египта потребовал от каирских купцов погашения долга по уплате пошлины на ввоз пряностей. Купцы предъявили бумаги о том, что деньги уже взысканы с них Ибрахим-беем, имевшим в тот момент статус каймакама, заместителя паши Египта. Когда паша отказался признать эти выплаты законными (собранные деньги Ибрахим-бей ему не передал) и потребовал вторичной уплаты, купцы обратились за помощью к капудан-паше. Тот посоветовал им обратиться в шаритатский суд, где и была подтверждена правота купцов¹⁴.

Если письмо фон Тонусу с просьбой беев содействовать им в примирении действительно существовало, то решение вручить это письмо кади представляется вполне оправданным шагом. Кроме того, предавая письмо огласке, фон Тонус одновременно отводил от себя и возможные подозрения в поддержке беев. Дальнейший ход событий был трудно предсказуем. Никто не мог дать однозначного ответа на вопрос о том, дойдет ли дело до военного противостояния или нет, а если дойдет, то на чьей стороне будет победа. Сохранение нейтралитета в конфликте между представителями Порты и ее мятежными подданными представляется единственно правильным на тот момент поведением.

8 августа 1786 г. Хасан-паша без боя вступил в Каир. Ибрахим-бей и Мурад-бей отступили в Верхний Египет. Было организовано преследование, капудан-паша хотел решающего сражения до того, как понизится уровень вод Нила, что затруднило бы передвижение турецких кораблей. 26 октября произошло ожесточенное сражение у ал-Маншийи. Обе стороны понесли потери, но решающего перевеса не получила ни одна из них. Беи остались в Верхнем Египте, а Хасан-паша вынужден был запросить у Порты подкреплений.

По утверждению Манучара Качкачишвили, все еще находившегося в Александрии, после битвы у ал-Маншийи с ним снова связались представители беев. Желая избавиться от надзора фон Тонуса, Качкачишвили пытался уехать из города, отпросив-

шись на богомолье в Иерусалим, но консул запретил ему покидать Александрию. Наконец, заверив консула в том, что он желает только одного – вернуться поскорей на родину, поручик получил разрешение на отъезд. Понимая, что, имея на руках одни только неподписанные письма по-грузински, будет трудно убедить посланника в Стамбуле в каком-то особом задании, полученном от мамлюкских беев, Качкачишвили уговорил драгомана консульства дать ему сопроводительное письмо для Я.И. Булгакова.

В январе 1787 г. Качкачишвили, наконец, добрался до Стамбула. Однако и Я.И. Булгаков отнесся к его рассказам с большой настороженностью. Поддержка беев означала разрыв отношений с Турцией, которого Россия в тот момент все еще пыталась избежать. Кроме того, доверие к инициативам грузинского офицера могло быть подорвано известиями о переговорах, которые вел в этот момент Ираклий II с Сулейман-пашой Ахалцским в нарушение Георгиевского трактата. Прождав два месяца в Стамбуле и не получив ответа, Манучар Качкачишвили отправился в Россию, где позже написал несколько докладных записок князю Потемкину о положении дел в Египте, о проектах по установлению отношений с Эфиопией и даже предлагал свои услуги в качестве посла в Эфиопии¹⁵.

С начала 1787 г. Высокая Порта стала активно готовиться к войне с Россией. В рамках этих приготовлений из Египта стали постепенно отзывать войска. Хасан-паша вынужден был свернуть свои операции в Верхнем Египте. 26 июля 1787 г. Турция предъявила России ультиматум с территориальными претензиями. Одним из пунктов ультиматума было требование отозвать российских консулов из Ясс, Бухареста, а также из Александрии¹⁶. 24 августа посол России в Стамбуле Я.И. Булгаков был заключен в Семибашенный замок – война началась.

19 сентября 1787 г. российского консульства в Александрии спустили флаг, и барон фон Тонус выехал из Египта. 27 сентября в Каире на заседании дивана был оглашен султанский указ об отзыве Хасан-паши в Стамбул, чтобы возглавить «джихад

против Московии»¹⁷. 6 октября капудан-паша покинул Каир, поручив управление Нижним Египтом Исмаил-бею – одному из доверенных мамлюков Али-бея.

Проследовав через Сицилию в начале октября, фон Тонус добрался до Италии (вероятно, Ливорно), откуда 16 ноября он отправил докладную записку вице-канцлеру Остерману о своей деятельности в Александрии. Проанализировав состояние Египта, фон Тонус указал и на возможность «произвести перемену в правлении тамошнем» – другими словами, выдвинул проект отторжения Египта из-под власти Порты¹⁸.

Этот проект был во многом похож на предложения, высказанные в докладных записках Качкачишвили, однако грузинское, абхазское или славянское происхождение тех или иных беев играло в предполагаемом сотрудничестве второстепенную роль. Речь шла, прежде всего, о поддержке сепаратистских устремлений мамлюкских беев, желавших избавиться от контроля со стороны Порты. Разница в отношении к проектам Качкачишвили и фон Тонуса была обусловлена не столько их внутренними отличиями, сколько изменившимися внешними обстоятельствами. Начавшаяся война развязала руки для любых контактов с мятежными беями. Отъезд капудан-паши и вывод турецких войск изменили баланс сил в Египте. На Балтике готовилась к отправке на Средиземное море эскадра, чтобы повторить успехи Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.

В случае осуществления задуманного плана отделение Египта могло обеспечить русскому флоту операционную базу в Восточном Средиземноморье, лишить Порту важного источника снабжения продовольствием, оттянуть часть турецких сил с европейского театра военных действий. И все это – без существенных затрат и вложений. По сути дела, речь шла о координации совместных действий, отсутствие которой во многом определило неудачу попытки сближения с Али-беем. Проект фон Тонуса появился в нужное время и попал в нужные руки. В конце ноября 1787 г. на заседании Государственного совета были зачитаны известия об отъезде консула из Александрии, а в начале декабря рассмотрен и его доклад

от 16 ноября¹⁹. Ознакомившись с докладом, Екатерина II распорядилась немедленно вызвать фон Тонуса в Петербург. 15 февраля 1788 г., уже находясь в Петербурге²⁰, барон подготовил меморандум с развернутым описанием своего проекта. Через три дня состоялось заседание Государственного совета, на котором прошло обсуждение. Государственный совет утвердил проект фон Тонуса.

На заседании присутствовал специально приглашенный адмирал С.К. Грейг, который должен был возглавить русскую средиземноморскую эскадру. В рамках проекта фон Тонуса предполагалось снабдить мамлюкских беев, испытывавших недостаток в артиллерии, медными пушками и боеприпасами. Все это должно было быть доставлено на кораблях эскадры Грейга. Совет решил также, в качестве жеста доброй воли, запретить все нападения на суда под египетским флагом. Такая мера была призвана продемонстрировать беям серьезность российских намерений и способствовать успеху переговоров. Соответствующие распоряжения были сделаны адмиралом Грейгом, в обязанности которого входил надзор за действиями арматоров – каперов, действующих по российским патентам²¹.

21 февраля в Совете заслушали письмо Грейга на имя вице-канцлера, в котором адмирал изъяснял свое мнение об осуществлении проекта фон Тонуса. Решение Государственного совета и письмо Грейга послужили основой высочайше подписанного секретного наказа фон Тонусу, зачитанного в Совете 28 февраля 1788 г. В наказе говорилось: «4-е. Дабы со стороны беев египетских нашли вы полную доверенность при известном добром их к вам расположении, снабдили МЫ вас, первое, грамотою НАШЕЮ к ним, и второе, полною мочью, по которой вы можете с ними подробно изъясниться, и узнав, в чем им прямая надобность, с пользою НАШЕЮ соединенная, быть может, сделали с ними предварительные условия сперва под апробацию адмирала Грейга, а потом уже НАША ратификация последует.

5-е. Сверх уверений, содержащихся в грамоте НАШЕЙ к беям, вы присовокупите на словах, поелико²² воздаем МЫ справед-

ливость усердию их ко благу края, под управлением их пребывающего, и сколь приятно НАМ будет видеть их исторгнутыми из-под обладания постороннего, пользующихся независимостью и безопасностью; что время теперь к этому самое способное, которое упустя нельзя уже будет найти подобного. Неприятель НАШ занят войною против НАС и союзника НАШЕГО императора Римского. Сверх многочисленных сухопутных армий, разделяющих все силы его от гор Кавказских до Адриатического моря, и сверх флота, на Черном море ему грозящего, флот НАШ в Средиземное море сею же весною посылаемый с немалым числом сухопутного войска, уже столько его озаботит, что не будет он в состоянии отделить что-либо для нового угнетения или опустошения Египта...»²³.

Особо оговаривалась в наказе необходимость сохранения строгой тайны: «Какую вам для сей поездки избрать дорогу, чрез Триест ли и Рагузу и оттуда на наемном судне под купеческим видом, или ж чрез Италию, мы то оставляем на лучшее ваше усмотрение, подтверждая одно только в осторожность вашу, что в обоих случаях нужно сохранение тайны до такой степени, чтоб никто отнюдь и догадываться не мог о предмете вашего отсюда отъезда, чего ради вы здесь скажете, что едете к своему семейству, и там будете ожидать или прибытия флота, или употребления к какому-либо праздному месту, для вас сходственному...»²⁴.

Получив императорскую грамоту, инструкции и письма от адмирала Грейга, барон фон Тонус незамедлительно покинул Петербург. Он приехал в столицу майором, а уезжал уже подполковником. Коллегия иностранных дел прилагала все усилия для обеспечения успеха секретной миссии. Послу в Вене князю Д.М. Голицыну было отдано распоряжение организовать доставку исходящих от фон Тонуса донесений курьерами. Это указание графа Безбородко доставил в Вену сам фон Тонус²⁵. Через российского посланника во Флоренции графа Моцениго капитан пакетбота «Российский орел» К.Г. Апонсоли получил приказ о том, что его пакетбот со всеми снарядами переходит в подчинение подполковника Тонуса²⁶.

10 мая 1788 г., посетив несколько портов в Италии, фон Тонус прибыл в Геную под видом страсбургского купца Петра Лормана. Предъявив Акиму Григорьевичу Лизакевичу, русскому поверенному в делах, высочайший указ, он попросил помощи в организации его отправки в Египет. Благодаря связям А.Г. Лизакевича с Антонио Казилари, неофициальным консулом Рагузской Республики в Генуе, был заключен договор с рагузским корабельщиком Михаилом Турчиновичем об аренде 3-мачтового судна «Вирго Потенс и Сант Иоганесс Баптиста». Согласно договору, корабельщик обязывался отвезти «Петра Лормана» на Мальту, в Акру, в Дамьетту – в любое место, куда тому заблагорассудится ехать для покупки товаров. Договор был заключен сроком на 6 месяцев с оплатой по 2 тысячи ливров или 130 червонных венецианских в месяц. За 4 месяца было уплачено вперед, а плата еще за два отсрочена, чтобы корабельщик внимательней прислушивался к пожеланиям своего арендатора. Договор был официально заверен у нотариуса и засвидетельствован Антонио Казилари. Заботясь о сохранении тайны, А.Г. Лизакевич, не доверяя никому, собственноручно зашифровал составленное перед отплытием донесение фон Тонуса вице-канцлеру Остерману²⁷.

31 мая 1788 г. судно вышло из Генуи, но из-за «противных ветров» вынуждено было вернуться в порт, и только 5 июня, в восемь часов вечера, фон Тонус отправился в свое последнее путешествие. Несколько месяцев о нем не было никаких известий. 24 октября А.Г. Лизакевич получил письмо с Занте, одного из Ионических островов, где видели «Петра Лорманова». Рагузское судно он отпустил на Мальте, где приобрел у «славного корсара Гульельми» другой корабль. На этом корабле он заезжал летом на остров Занте, где многие хорошо знали консула. «И кои не оставили всеконечно уведомить об нем своих друзей в том месте, куда он направил путь, что сведают там прежде его прихода», – сетовал Лизакевич²⁸.

О дальнейшем ходе событий мы знаем в основном из косвенных источников, и поэтому о многом можем лишь строить предположения и догадки.

Что заставило подполковника фон Тонуса изменить планы? Почему, посетив Мальту, он не направился сразу на юго-восток, к африканскому побережью и в Египет, а повернул на северо-восток, в сторону Греции? Причина, вероятно, в том, что весной 1788 г. в Средиземном море начала активные боевые действия легкая каперская флотилия под командованием майора Ламброса Кацониса. К июню под его командой находилось 10 хорошо вооруженных судов с общим экипажем около 500 человек²⁹. Выйдя из Триеста весной, Ламброс Кацонис ничего не знал о решении, принятом в связи с миссией фон Тонуса. Враждебные действия российских каперов против египетских торговых судов могли существенно осложнить контакты с беями, подорвав доверие к словам фон Тонуса. Имея на руках письма от адмирала Грейга и высочайший указ, фон Тонус мог искать личной встречи с Ламбросом Кацонисом, база которого находилась на острове Занте, для того, чтобы поставить его в известность о своей миссии и убедить воздерживаться от атак на египетские суда. В отсутствие самого Ламброса Кацониса можно было оставить ему соответствующие распоряжения через русского вице-консула на острове Занте – Загуриского.

Однако на Занте фон Тонус никого не нашел. В середине лета флотилия Кацониса осаждала и принудила к сдаче турецкий гарнизон островной крепости Кастель Россо, недалеко от побережья Малой Азии. После чего продолжила крейсировать в Восточном Средиземноморье.

Предполагаемым поиском встречи с Ламбросом Кацонисом можно объяснить неожиданное изменение маршрута и посещение острова Занте. Однако это не объясняет, почему фон Тонус внезапно отказался от соблюдения секретности и, отпустив арендованное рагузское судно, отправился к заветной цели своего путешествия почти в открытую. Почему же барон перестал следовать полученным предписаниям? Имеющиеся косвенные сведения позволяют выдвинуть две гипотезы.

Первая связана с утечкой информации о миссии фон Тонуса. 21 февраля 1788 г., на том же заседании Государственного совета,

на котором обсуждали мнение адмирала Грейга, было зачитано сообщение о том, что австрийский император Иосиф II, в соответствии со своими союзническими обязательствами перед Россией, направил в Стамбул ноту об объявлении войны. При этом австрийский посол граф Кобенцль сообщил о попытках венского двора установить контакт со скутарским пашой, бунтовавшим против Порты. В ответ на эту откровенность Государственный совет принял решение поставить в известность австрийскую сторону и о российских «принятых уже здесь мерах к сношению с тем пашой», а также и «вообще о всех до военных действий наших касающихся предположениях»³⁰.

В рамках политики открытости по отношению к союзной державе австрийская сторона была поставлена весной 1788 г. в известность и о миссии фон Тонуса. Это сообщение произвело неожиданный эффект. 29 мая русский посол в Вене князь Д.М. Голицын получил «министеральную записку» от австрийского канцлера Кауница, из которой с удивлением узнал, что венский двор решил направить в Египет для переговоров с мамлюкскими беями собственного посланника, графа Штаремберга.

Узнав об этом решении австрийского двора, Екатерина II отреагировала быстро и решительно. 13 июня 1788 г. она написала Голицыну: «Князь Дмитрий Михайлович! Польза, которую со стороны египетских беев для войны настоящей с турками заимствовать можно, была у нас уважена при самом начале той войны. По воле Моей послан туда находившийся в Александрии генеральным консулом подполковник барон Тонус, а сверх того взяты меры, чтоб, если помянутые беи решатся утвердить свою независимость и сделать диверсию неприятелю к стороне Сирии, подать им помощь во время плаванья флота Моего в Средиземное море; но говоря с Вами откровенно, я опасаясь, чтоб граф Штаремберг или другие от венского двора посылаемые не нанесли затруднения в успехе дела сего, где нам нужна глубокая тайна, то чем меньше употребляется людей, тем надежнее; сверх того, чтоб они не вздумали над бароном Тонусом присвоить себе какую-либо верхов-

ность, чем дело и более испорчено будет, в таком уважении всего лучше казалось бы, если бы венский двор ограничил свои по сему делу подвиги и содействие обнадеживанием беев египетских покровительством императора, во всяком случае, советами воспользоваться временем настоящим к свержению ига турецкого, учиняя ему диверсию для утверждения их независимости и спокойствия на времена будущие, и внушением, что как со стороны нашей посылается флот в Средиземное море, то и могут они на его пособие надеяться и для того ближе и подробнее с присылаемым от России объясниться. Я полагаюсь на Ваше усердие и осторожность в том, что вы изъяснениями вашими с князем Кауницем предохраните, дабы из сей посылного венского двора не вышло какого вреда или помешательства для нашей, давно уже сделанной»³¹.

5 июля, получив с курьерской почтой указ Екатерины II, князь Голицын заявил резкий протест российской стороны и добился от австрийцев отмены плана отправки в Египет собственного посланника. Однако непоправимое уже произошло.

Граф Штаремберг, которого венский двор собирался направить для переговоров с беями, находился в момент принятия этого решения в Салониках, в Греции. Ему было послано распоряжение немедленно прибыть в Вену для получения соответствующих инструкций. Это распоряжение попало в руки австрийского дипломатического агента в Триесте, купца Доменико Франческо Беллети. Понимая, как много пройдет времени, пока граф Штаремберг получит отправленный ему вызов, доберется из Салоник до Триеста, где будет должен пройти обязательный карантин, пока попадет в Вену за инструкциями, пока сможет, наконец, отправиться в Египет, Беллети проявил несанкционированную инициативу. Он решил отправить в Египет «надежного человека», который бы подготовил почву к приезду Штаремберга. «Для сего предмета найден нами один почтенный отец Агабиус, магистр Базилианского ордена, монах, генеральный викарий и игумен монастыря Спасителя на Ливанской горе, уроженец дамасский, человек, удачно кончивший мно-

гие предприятия римского и французского дворов... человек, в тонкостях знающий Египет и арапский язык ему природный, коему по взятии с него присяги в сохранении тайны и сообщили мы дело»³².

Возможно, за инициативой Беллети стояла забота о собственных коммерческих интересах. Отец Агабиус был двоюродным братом партнера Беллети – графа Кассиса Фараона. Беллети собирался направить с Агабиусом письма в Египет – к своим и графа Кассиса «тамошним друзьям», с которыми у партнеров имелись «старые предприятия». После приезда в Египет графа Штаремберга Беллети предлагал использовать игумена Агабиуса в качестве переводчика. Отправляя Агабиуса в Александрию на рагузском судне, Беллети снабдил его шифром для корреспонденции.

Однако австрийский дипломатический агент в Триесте, откуда отправилась в боевой поход весной 1788 г. легкая флотилия под командой Ламброса Кацониса, хорошо понимал, от кого зависит успех операции. «Осмелюсь всенижайше повторить, – писал Беллети в мае в Вену, – как уже о том неоднократно я доносил, что нужно уведомить российский двор о всем прямо, или посредством посла его в Вене, пребывающего чрез князя Кауница, или же посредством графа Кобенцля; дабы начальник российского флота действовать мог согласно с нами»³³.

Когда в начале июля 1788 г. австрийское правительство отказалось от планов направить в Египет собственного представителя, игумен Агабиус уже находился в Александрии. Было решено послать ему через Беллети и графа Кассиса указание согласовывать все его действия с фон Тонусом, «дабы он ничего не предпринимал сам собою или вопреки тому, что от барона Тонуса предпринято или учинено будет»³⁴.

Отправившись в море в начале июня из Генуи, сам фон Тонус ничего не подозревал ни о миссии Штаремберга, ни об отце Агабиусе. Известия о неожиданном конкуренте или о наличии в Александрии человека, подготовившего все необходимое для приезда, могли быть получены фон Тонусом на острове Занте. И любое из этих известий, вероятно, заставило бы его откорректировать свои планы.

Другой причиной, побудившей торопиться прежде осторожного консула, могли быть распространившиеся ложные слухи о смене власти в Египте. В хронике ал-Джабарты говорится о том, что когда посланный Исмаил-беем с подарками для султана гонец прибыл в Стамбул, там царило сильное волнение, вызванное слухами о возвращении Ибрахим-бея и Мурад-бея из Верхнего Египта в Каир и о бегстве Исмаил-бея. Приезд посланца с подарками успокоил возникшую панику. Гонец Исмаил-бея вернулся в Египет в середине июля³⁵, поэтому распространение ложных слухов можно отнести к началу лета 1788 г. Смена власти в Каире могла быть удобным моментом для начала переговоров.

Упомянув о прибытии российского посланника, ал-Джабарты приводят ретроспективу всех контактов между беями и представителями «московского царя». Согласно ал-Джабарты, «узнав о [предстоящей] посылке турецких войск в Египет (под командованием Хасан-паши), московский царь еще в самом начале послал письмо к мамлюкским эмирам с предупреждением об этом. Письмо было послано через консула, находившегося в Александрии. В нем эмиры побуждались к укреплению порта и к тому, чтобы воспрепятствовать высадке Хасан-паши. Консул, приехав в Каир, уединился с эмирами и поставил их обо всем в известность, но эмиры, не проявив никакого интереса, оставили все это без внимания. Консул возвратился, не получив ответа. Когда же Хасан-паша прибыл, то эмиры поняли, [какое значение имело предупреждение], они пытались вызвать консула, но его не оказалось»³⁶.

В основе этого описания ал-Джабарты, очевидно, лежит визит в Каир Манучара Качкачишвили, поскольку, как мы знаем, фон Тонус не поехал на встречу с Ибрахим-беем. Кроме того, информация о готовящейся экспедиции поступала к беям из разных источников, в том числе и по официальным каналам из самого Стамбула.

Далее ал-Джабарты пишет: «Произошло то, что произошло: эмиры отступили в Верхний Египет. Они написали консулу, тот переслал послание своему царю, а сам на быстроходном верблюде приехал к эми-

рам, встретился с ними. Это случайно совпало с происшедшим в прошлом году событием при ал-Маншийе. Египтяне тогда потерпели поражение, а было разнесено слух об их возвращении».

Данная запись у ал-Джабарты следует за прибытием фон Тонуса в Дамьетту в 1788 г. Таким образом, «прошлый год» должен быть 1787-м, а битва при ал-Маншийе произошла в 1786-м г. На первый взгляд, налицо явное противоречие, но ал-Джабарты не ошибся в своих выкладках. Битва при ал-Маншийе произошла в самом начале 1201 г. хиджры – 3 мухаррама (26.X.1786), а прибытие фон Тонуса – в самом конце 1202 г. хиджры, в месяце зу-л-хидджа (2.IX.1788–1.X.1788). Манучар Качкачишвили упоминает в докладах о своих контактах с беями после сражения у ал-Маншийе, хотя и пишет, что не смог к ним поехать. Однако представляется вероятным, что речь именно об этих контактах. Ездить «на быстроходном верблюде» к беям в 1786 г., во время их отступления, фон Тонусу не имело смысла.

Примечателен третий эпизод, о котором пишет ал-Джабарты: «Московский царь в помощь им уже послал своих солдат, суда и послания с упомянутым лицом. В конце рамадана посланник прибыл в Дамьетту. Здесь он обнаружил положение вещей, противоположное тому, что говорили. [Прибывшие], напав на порт, захватили некоторое количество судов, как об этом уже упоминалось. Возвратившись в свою гавань, посланник написал царю, поставив его в известность о положении дел, о том, кто же теперь в Каире, кто эмиры по происхождению, а также о том, что османы не прекращают насилия над ними»³⁷.

Нападение на Дамьетту, упоминаемое ал-Джабарты, произошло в июне 1788 г. В конце рамадана (5.VI.1788–5.VII.1788) известие о том, что «в дамиеттском порту христиане захватили двенадцать судов»³⁸, достигло Каира. Фон Тонус в этот момент еще был на пути к Мальте. Вероятно, именно там он и получил известия о совершенном нападении на Дамьетту и принял решение плыть к Занте, базе Ламбреса Кацони-са, чтобы не допустить повторения подобных атак на египетские порты и корабли.

Хотя со слов ал-Джабарти можно заключить, что все контакты с беями осуществлялись посредством консула, по всей видимости, барон фон Тонус впервые встретился с беями, только высадившись в Дамiette в начале сентября 1788 г. «Приехав в Дамiette, он тайно дал знать о своем прибытии и потребовал личной встречи»³⁹. Исмаил-бей прислал к фон Тонусу своего доверенного офицера Филлаз заф Омера⁴⁰, но подполковник продолжал настаивать на свидании с самим Исмаил-беем. В конце концов Исмаил-бей доставил фон Тонуса в гавань Каира, Булак, и поселил там под надзором в одном из дворцов. 17 сентября было созвано заседание дивана, на котором фон Тонус зачитал привезенные им грамоты, в которых содержался призыв освободиться от власти турок. Россия обещала свою помощь и поддержку и в восстановлении мамлюкского правления в Сирии⁴¹.

Фон Тонус не получил никакого ответа на свое обращение. Заседание дивана, на котором присутствовали, помимо беев, также и представители Порты, постановило отправить сообщение о русском посланнике властям в Стамбул. Таким образом, Исмаил-бей отводил от себя возможные обвинения в предательстве интересов султана и одновременно выигрывал время, ожидая дальнейшего развития событий. Сам фон Тонус был взят под стражу и помещен в одно из помещений крепости, но содержался не как пленник, а скорее как почетный гость.

Сведения об аресте фон Тонуса достигли Санкт-Петербурга в декабре 1788 г. — сначала от консула в Ливорно, Каламая, а позже пришло подтверждение и от Лизакевича из Генуи⁴². Почти год о дальнейшей судьбе фон Тонуса было ничего не известно, но в декабре 1789 г. были получены сведения об «умерщвлении подполковника барона Тонуса»⁴³. Подробности его смерти стали известны позже. В июне 1790 г. А.Г. Лизакевич препроводил к вице-канцлеру Остерману полученное им из Александрии письмо. В этом письме корреспондент Лизакевича, Карл Фантоцци, сообщал: «Один капидежи, присланный сюда из Константинополя с фирманом Оттоманской Порты, требовал, дабы поручили ему помянутого друга наше-

го для доставления его в означенную столицу, о чем я узнал от коменданта. Исмаил-бей, страшась, что если сие исполнится, то чтоб не принудили его мучением или другим чем открыть какое-нибудь условие, произошедшее между ими, издумал лучше умертвить его, нежели поручить помянутому капидежи. И так заключили его в крепостную башню. Ночью же пошли в оную четьре палача, чтобы задушить его, но он, защитившись от того, долженствовал напоследок умереть от ударов палок помянутого рода людей»⁴⁴. Произошло это, предположительно, 28 сентября 1789 г.⁴⁵

Посланник, приехавший из Стамбула с требованием выдачи фон Тонуса, был не первым. Ал-Джабарти сообщает о том, что в январе 1789 г. из Порты уже приходил указ о присылке «заложников-европейцев»⁴⁶. Однако, вероятно, в тот момент Исмаил-бей еще ожидал скорого прибытия российской эскадры и не решился причинить вред своему пленнику. К концу лета стало ясно, что никакая эскадра на Средиземное море не придет. Начавшаяся летом 1788 г. русско-шведская война, о которой ни фон Тонус, ни беи ничего не знали во время дивана в Каире, исключила всякую возможность присылки флота с Балтики. Это означало, что Россия не сможет оказать египетским беям реальную поддержку в борьбе против Порты. Исмаил-бей сделал свой выбор.

Был ли у Кондратия фон Тонуса шанс избежать гибели? Вероятно, да. Карл Фантоцци пишет в своем письме: «Таковой был бедственный его конец, к которому он сам, можно сказать, довел себя: ибо многожды давали ему время и одобрение к побегу, который, почитая таковой поступок предосудительным его званию, пренебрег оные». Так же вел себя в схожей ситуации и сидевший в Семибашенном замке русский посол в Стамбуле. Когда Я.И. Булгакову передали, что французский фрегат будет ожидать его в Константинопольском проливе и что ему остается только тайно приготовиться к отъезду, он ответил, что «за личную свою безопасность он не пожертвует честью престола и отечества»⁴⁷. Первый российский консул в Египте, подполковник Кондратий фон То-

нус, с честью выдержал экзамен на верность державе, служить которой он присягнул.

* * *

Автор выражает глубокую признательность Г.И. Джапаридзе (Институт востоковедения им. Г. Церетели Академии наук Грузии) за плодотворную дискуссию на ранней стадии данного исследования; С.В. Кукушкину (Российская государственная библиотека) за помощь в сборе материалов; Н.В. Бородиной (АВПРИ) за советы по организации архивных поисков; В.В. Белякову (ИВ РАН) за замечания и комментарии в процессе написания статьи.

Литература

1. Русский биографический словарь. В 33-х томах. Т. 27. М., 1999.
2. *ал-Джабарти*. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). Т. II. М., 1978.
3. *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке. Эпизод третий. Первый русский консул в Александрии // *Азия и Африка сегодня*, № 9, 1987.
4. *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004.
5. *Мачарадзе В.Г.* Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века. Тбилиси, 1967.
6. Архив Государственного Совета. Т. I. Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб., 1869.

Примечания

¹ В литературе утвердилось мнение, что фон Тонус происходил из прибалтийских немцев. Однако в послужных списках Ямбургского карабинерного полка указано, что «барон Кондратей фон Тонус» – «цесарской нации». (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489, оп. 1, д. 7152, л. 231 об. – 232).

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89, оп. 8, т. 2, д. 964.

³ Русский биографический словарь (РБС). В 33-х томах. М., 1999, т. 27, с. 137. Русский биографический словарь (в 25-ти томах) издавался Санкт-Петербургским Императорским Русским историческим обществом под наблюдением его председателя А.А. Половцова с 1896 по 1918 г. Неопубликованные до 1918 г. материалы к «Русскому биографическому словарю» в 8 томах подготовлены к изданию под наблюдением М.П.Лепехина.

⁴ АВПРИ, ф. 89, оп. 8, т. 2, д. 968.

⁵ Написание арабских имен дается согласно академическому переводу хроники ал-Джабарти: «Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798)». М., 1978, т. II.

⁶ *ал-Джабарти*. Указ. соч., с. 154–155.

⁷ Такую версию приводит ал-Джабарти. Согласно РБС, с. 137, Салих-ага освободил от уплаты контрибуции только европейских консулов, взяв с «христиан-туземцев».

⁸ Своего дядю М. Качкачшвили в живых уже не застал. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 19–20 (4-е письмо Качкачшвили). Письма цитируются по переводу, сделанному В.Г. Мачарадзе и впервые опубликованному в его книге «Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века». Тбилиси, 1967.

⁹ Там же.

¹⁰ *ал-Джабарти*. Указ. соч., с. 160.

¹¹ Там же, с. 163.

¹² АВПРИ. Ф. 89, оп. 8, т. 2, д. 675, л. 15–17. Цит. по: *Мачарадзе В.Г.* Указ. соч., с. 5.

¹³ *ал-Джабарти*. Указ. соч., с. 201.

¹⁴ Там же, с. 188–190.

¹⁵ РГАДА. Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 17, 18; разр. XI (ф. 11), д. 948, л. 53.

¹⁶ *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке. Эпизод третий. Первый русский консул в Александрии // *Азия и Африка сегодня*, № 9, 1987, с. 52.

¹⁷ *ал-Джабарти*. Указ. соч., с. 234.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 89, оп. 8, т. 2, д. 977.

¹⁹ Архив Государственного совета. Т. I. Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб., 1869, с. 511, 515.

²⁰ В развернутом меморандуме Тонуса, написанном по-французски перед обсуждением его плана в Государственном совете, указано: «SPb, 4 fevre 1788, Conrad Baron Thonus, Mayor a Consul general on Egypte» (АВПРИ. Ф. 89, оп. 8, д. 977, л. 11).

²¹ Архив Госсвета, с. 536–537.

²² Неразборчиво в тексте. Возможный вариант – «подлинно».

²³ АВПРИ. Ф. 89, оп. 8, т. 2, д. 980, л. 2–3

²⁴ Там же, л. 1 – 1 об.

²⁵ АВПРИ. Ф. 32, оп. 6, д. 723, л. 4.

²⁶ АВПРИ. Ф. 48, оп. 2, д. 46, л. 50–53 об.

²⁷ Там же, л. 40–45.

- ²⁸ Там же, д. 48, л. 10.
²⁹ *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004, с. 23.
³⁰ Архив Госсовета, с. 537.
³¹ АВПРИ. Ф. 32, оп. 6, д. 713, л. 89–90.
³² Там же, д. 716, л. 56–56 об.
³³ Там же, л. 58
³⁴ Там же, д. 717, л. 22 об.
³⁵ *ал-Джабарти*. Указ. соч., с. 262–263.
³⁶ Там же, с. 267.
³⁷ Там же, с. 267–268.
³⁸ Там же, с. 264.
³⁹ Там же, с. 268.
⁴⁰ *Перминов П.* Указ. соч., с. 53.

- ⁴¹ Ход этого заседания подробно описан в указ. соч. П. Перминова, с. 54, а также в его книге «Улыбка сфинкса». М., 1991, с. 209–210.
⁴² Архив Госсовета, с. 637; АВПРИ, ф. 48, оп. 2, д. 48, л. 105–105 об.
⁴³ Архив Госсовета, с. 755.
⁴⁴ АВПРИ. Ф. 48, оп. 2, д. 58, л. 120–121 об.
⁴⁵ РБС, с. 138.
⁴⁶ *ал-Джабарти*. Указ. соч., с. 285.
⁴⁷ Цитата из биографической статьи о Я.И. Булгакове в «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Евфрона».

О.М. Курникова

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ОПИСАНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА РОССИЙСКИМИ МОРЕПЛАВАТЕЛЯМИ XVIII в.

Иван Михайлович Берсенов – военный мореплаватель и исследователь Крымского полуострова, имя которого стоит в ряду таких знаменитых ученых и путешественников по Крыму XVIII в., как В.А. Зуев, К.И. Габлиц, П.С. Паллас.

Для более полного восприятия личности Ивана Михайловича Берсенева следует сказать несколько слов о его вхождении в морское дело и в целом о его жизненном пути¹.

Свое восхождение по карьерной лестнице Иван Берсенов, как и большинство представителей дворянских семей его времени, начал с ранней военной службы – кадетом Морского корпуса, куда поступил 12 марта 1761 г. 31 мая 1765 г. ему было присвоено звание гардемарина. С 1765 по 1769 г. Иван Берсенов ежегодно находился в кампании в Балтийском море. 1 мая 1768 г. он был произведен в мичманы на новый 66-пушечный корабль «Ростислав». В 1769 г. на этом судне И. Берсенов прибыл из Архангельска в Копенгаген, где был переведен на линейный корабль «Северный орел», который входил в состав эскадры адмирала Г.А. Спиридова во время 1-й Архипелагской экспедиции. По пути из Копенгагена в Средиземное море, 23 октября, на корабле «Северный орел» открылась сильная течь, и он вернулся в Портсмут. Там Берсенов был переведен на корабль «Европа», которым командовал тогда еще капитан 1-го ранга Ф.А. Клокачев. Линейный корабль «Европа», так же, как и «Северный орел», был в составе эскадры адмирала Г.А. Спиридова. И уже на корабле «Европа» Иван Михайлович прибыл в Средиземное море. На протяжении всей 1-й Архипелагской экспедиции Берсенов служил на этом корабле. Он участвовал в Чесменском сражении в 1770 г., был в крейсерстве в Архипелаге до Дарданелл в 1771 г. и принимал участие в десантной высадке на о. Тендос и в атаке на Метелино, в 1772–1774 гг. крейсировал между портами Ауза и Ливорно. 30 апреля 1772 г. Иван Михайлович Берсенов был произве-

ден в лейтенанты. В 1774 г. военные действия в Архипелаге закончились, все уцелевшие в сражениях корабли со своими экипажами вернулись в Россию. В 1775 г. на корабле «Европа» Иван Берсенов возвратился в Кронштадт.

Иван Берсенов, как упоминалось выше, закончил Морской шляхетский кадетский корпус в Петербурге, который готовил морских офицеров, геодезистов и картографов. После возвращения из Архипелагской экспедиции Берсенева перевели в Петербург, и с 1776 по 1778 г. он разбирал и готовил к печати карты Архипелага². За год до смерти Ивана Берсенева его работа была по достоинству оценена Екатериной II. В 1788 г. в Черноморское адмиралтейское правление была отправлена золотая табакерка с бриллиантами – подарок Екатерины II капитану 2-го ранга Ивану Михайловичу Берсенову за составление «Атласа Архипелага»³. Но произошло это только через десять лет, когда атлас был опубликован. А пока, по окончании этой интересной и творческой работы, И.М. Берсенов 1 января 1779 г. был произведен в капитан-лейтенанты и уже 16 февраля командирован из Петербурга на Новохоперскую верфь.

С 1782 г. Берсенов командовал фрегатом на Черном море, где исследовал юго-западное побережье, нашел бухту Ахтиар и рекомендовал ее для основания там города и порта Севастополь. 2 января 1784 г. произведен в капитаны 2-го ранга. Командовал тремя фрегатами, крейсировал в Черном море. С 1785 по 1787 г. возглавлял экспедицию по составлению описей побережья Крымского полуострова. С 1788 г. командовал фрегатом «Осторожный», который находился в составе севастопольской эскадры. В 1789 г. Берсенов скончался.

Иван Михайлович Берсенов был первым военным мореплавателем после присоединения Крымского полуострова к России, который сделал описание западного и южного берегов Крыма от Севастополя до

Керченского пролива. Составленные им судовые дневники, береговые описи и морские карты стали ценным материалом по изучению географии и истории Крымского полуострова.

Жизненный путь Ивана Михайловича Берсенева можно считать типичным для представителей мелкопоместного дворянства XVIII в., которые, самозабвенно отдавая себя службе Отечеству, приумножали его славу, были готовы терпеть лишения, не жалея сил и жизни, а в итоге оказались почти забыты, оставив лишь несколько скупых записей на страницах архивов.

Теперь о его экспедиции.

8 апреля (ст. ст.) 1783 г. был издан манифест императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, Тамани и Кубани к России. 28 июня указом Екатерины II все население Крыма получило российское подданство. Одной из первых задач после присоединения Крыма к России было подробное описание и детальное изучение новых земель. Решение этой задачи Екатерина II поручила Новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину-Таврическому. В Крыму было создано земское правительство под общим руководством командующего войсками, расположенными в Крыму, барона О.А. Игельстрома. Именно ему Г.А. Потемкин поручил составить подробное описание Крымского полуострова. В июне 1784 г. барон Игельстром представил Потемкину «Камеральное описание Крыма»⁴. В нем были собраны сведения о количестве всех христианских церквей; о числе всех христианских и татарских деревень и разделении их по каймаканствам и кадилкам, о собираемых налогах и сборах, о ханских доходах и т.д. Но географического описания земель Крымского полуострова в «Камеральном описании Крыма» не было сделано, так как подобная задача и не ставилась.

Тем не менее информация географического характера новоприобретенной территории была необходима. Нужны были сведения, отражающие месторасположение гор, рек, озер, различных городов, деревень и т.д. Очень важно было составить разнообразные карты как всего полуострова, так и

отдельных городов, крепостей, морские карты с указанием глубин вдоль побережья. Частично сведения подобного рода сообщались учеными-путешественниками, которым дорога в Крым открылась с его присоединением к России. Для получения более достоверной информации в Крым отправлялись различные научные экспедиции – как гражданские, так и военные.

В 1785 г. императрица Екатерина II издала указ, предписывавший Черноморскому адмиралтейскому правлению провести работы по составлению береговой описи Крымского полуострова. Главнокомандующий Черноморским флотом вице-адмирал Я.Ф. Сухотин и контр-адмирал Ф.Ф. Макензи выполнение этой задачи поручили капитану 2-го ранга И.М. Берсеневу.

К берегам Черного моря была направлена военная научная экспедиция с целью географического описания западного и южного побережья Крыма, промеров глубин моря и рек и составления карт. Результатами экспедиции стали подробные дневники-описания береговой линии западного и южного побережья Черного моря. Один из дневников⁵, а также переписка капитана 2-го ранга И.М. Берсенева с Черноморским адмиралтейским правлением⁶, были обнаружены автором в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

В 1785 г. И.М. Берсенов со своей командой отправился составлять описание западного берега Крымского полуострова. Во время плавания он вел подробный судовой журнал, который имеет заглавие: «При помощи Божией веденный сей журнал при береговой описи от реки Бельбека до Перекопа, а от оного к выдавшейся наружной косе от матерого берега против острова Тендры восточной оконечности, потом от оного пункта до Кинбурской наружной косе, а оттуда лиманом до голой пристани флота капитаном второго ранга Иваном Берсеновым [в] “1785” году».

Начинается судовой журнал с того, что Берсенов детально излагает предстоящее задание: «По повелению его высокопревосходительства господина вице-адмирала разных орденов кавалера над Черным и Азовским морями флотом и над херсонским портом главного командира Якова Филипо-

вича Сухотина, а мне по насланному от его превосходительства господина контр адмирала и кавалера Фомы Фомича Макензи, по которому велено неописанную часть от реки Бельбека до Перекопа, а от оного к выдавшейся наружной косе от матерого берега против острова Тендры и оконечности, где обстоятельно должно утвердить Тендру, потом от оного пункта до Кинбурской наружной косы <...> чинить меру до голой пристани, по окончании ж всей описи сочиняя черную аккуратную карту с назначением по берегу селений и произрастений, прочее найдено будет сочиненным журналом для делания белой карты, прибыть в Херсон и при всей оной комиссии для надобностей снаряжена шхунара курер и десятисельная шлюпка во исполнение выше писаного повеления, сего течения 15-го числа вверенною мне командою отправился из Севастополя в повеленный путь берегом <...> и по прибытии к реке Бельбек <...> стали чинить опись».

Далее в журнале идет описание плавания по дням, в котором очень точно отмечены географические координаты всего, что было встречено экспедицией по пути. Это были бухты, заливы, реки, озера, ручьи, источники с пресной водой, болота, оконечности полуострова, мысы, горы, курганы, возвышенности, ложбины, лощины, низменности, города, селения, маяки, сады, пашни и даже деревья. В некоторых случаях Берсенева просто указывал координаты того или иного объекта, как например: «Пеленговали курган» или «Начались пахотные места», но чаще всего вместе с координатами он сообщал и названия бухт, деревень, гор и т.д. «Пеленговали в лошине от берега деревня Лукула ее оконечность 30.82.00, по той же лошине назад оной большие деревья 30.54.30 ... гора Чатырда в середине деревни Лукула на одной линии 50.70.00 видимая к Кезлову оконечность берега NO.13.30». Или: «Пеленговали оконечность Херсонского мыса SW.48.15 при входе в Севастопольскую гавань».

В журнале-дневнике также отмечены погодные условия во время плавания: «В 16-ть день июня 1785 году ветер меж N и O посредственны погода пасмурна с дождем».

По окончании этой экспедиции И.М. Берсенева подал 16 января 1786 г. рапорт в Черноморское адмиралтейское правление, в котором, повторив полученное задание, доложил: «Сочиненную мною карту и веденую журнал равно ж с промером прошлого [1] 784-го года шхунаю “Сокола”, а 785-го года шлюпкою “Экстраты” имею честь представить в оригинале. Капитан второго ранга Иван Берсенева».

Черноморское адмиралтейское правление, получив подробные береговую опись и карты западного побережья Крымского полуострова, дало Ивану Михайловичу новое задание: составить береговую опись южного и восточного побережья Крымского полуострова, от Севастополя до Азовского моря. В протоколе Черноморского адмиралтейского правления за № 201 от 6 мая 1786 г. говорилось: «Как простирающийся берег от Севастопольской гавани до Азовского моря еще не описан, то для оного определения послать флота господина капитана Берсенева, которому и отправиться ныне в Севастополь на следующих туда пинках, о чем дать ему указ...».

И такой указ за № 263 от 7 мая 1786 г. Берсенева был дан: «Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Черноморского адмиралтейского правления флота господину капитану 2-го ранга Берсенева, по определению сего правления посылается Вы для описи простирающегося берега от Севастопольской гавани до Азовского моря с имеющимися ныне при вас штурманскими чинами и служителями бывшими при таковых же описях в прошлом в 1785 году...».

В упомянутом выше протоколе говорится о том, что был дан указ № 264 от 7 мая 1786 г., за подписью адмирала Н.С. Мордвинова, капитану 1-го ранга М.И. Войновичу, который находился в Севастополе, о предоставлении капитану 2-го ранга И.М. Берсенева дополнительных людей в команду экспедиционных кораблей. Последовал также указ в интендантскую экспедицию о предоставлении всех необходимых материалов и прошение за № 265 от 7 мая 1786 г. за подписью адмирала Н.С. Мордвинова к генерал-аншефу М.В. Каховскому с

просьбой о помощи И.М. Берсеневу в составлении описи.

В соответствии со всеми предписаниями и указами Черноморское адмиралтейское правление создало для экспедиции И.М. Берсенева и его команды все надлежащие условия. В июне 1786 г. он отправился в плавание для составления береговой описи от Севастопольской гавани до Азовского моря. В августе 1786 г. экспедиция прибыла в Феодосию, откуда Иван Михайлович направил в Черноморское адмиралтейское правление следующий рапорт: «Сего августа 7-го числа с вверенной мне командой прибыл в Феодосию, и чинимую опись берега продолжить буду к Еникалскому проливу. Команда обстоит благополучно, больных разных чинов три человека...». К 16 августа корабли Берсенева достигли Керчи, и Иван Михайлович направил новый рапорт в Черноморское адмиралтейское правление, в котором сообщил о прибытии в Керчь и спрашивал о дальнейших для него предписаниях. «В силу данного мне из Черноморского адмиралтейского правления прошлого мая 7 числа указа, по которому велено с командой следовать для описи части Черного моря берега от мыса Херсона до Азовского моря, и во исполнение одного указа с определенной мне комиссией сего августа 16 числа дошел до Керчи, того ради Черноморскому адмиралтейскому правлению сим донеся и требую по окончании оной комиссии куда следовать, одного в указе не предписано, для описи ж оставшейся части от мыса Фонаря до Перекопа или в Керчи остаться для сочинения карт до пред будущего года, на что и ожидаю от Черноморского адмиралтейского правления резолюции...».

К сентябрю 1786 г. опись южного побережья Крымского полуострова от Севастопольской гавани до Азовского моря была завершена. Но на этом путешествие Ивана Михайловича и его команды не закончилось, так как в Черноморском адмиралтейском правлении было принято решение о продолжении составления описи побережья Крыма. В протоколе Черноморского адмиралтейского правления от 2 сентября 1786 г. зафиксировано, что Берсеневу предписывают по возможности продолжить делать опись. «По рапорту флота капитана 2-

го ранга Берсенева о прибытии его с чинимой описью до Керчи, определили: послать к нему указ и делать оную продолжить по удобному ныне времени и дальше».

4 сентября 1786 г. указ № 488 был отправлен И.М. Берсеневу, но, видимо, задержался где-то в пути. Поэтому 11 и 16 сентября 1786 г. Берсенов направил еще два рапорта в Черноморское адмиралтейское правление, в которых сообщил об окончании составления описи, по достижении Азовского моря, как и было ему поручено; он также вновь запросил указаний относительно дальнейших действий. Доложил, что ввиду наступления осени остается с командой на зимовку в Керчи, и просил дать предписания капитану 2-го ранга Дмитриеву, который находился в Керчи при порте, обеспечить его и команду провиантом и прочими материалами на период зимовки, так как отпущенная денежная сумма истрачена и его команда питается только сухарями.

Указ № 488 от 4 сентября 1786 из Черноморского адмиралтейского правления И.М. Берсенов получил только в конце сентября и сразу же направил следующий рапорт: «В силу данного мне из Черноморского адмиралтейского правления прошедшего мая от 7-го числа указа, по которому и послан я с командой для описи простирающегося берега от Севастопольской гавани до Азовского моря, и во исполнение одного указа сего месяца 11 числа опись кончена, о чем от меня Черноморскому адмиралтейскому правлению и рапортовано неоднократно, а сего ж месяца 21-го числа полученным мною из одного правления указа, писанного сего ж месяца от 4-го числа по № 488, в котором и предписано оную опись продолжать от Керчи по удобному ныне времени и дальше, и в оном указе не предписано, до какого места и где оную прекратить, а по окончании, куда возвратиться; а ныне по осеннему времени оную опись продолжить весьма трудно, а отпущенная на внезапный случай и на провиант денежная сумма уже вся в расходе, и находящийся при Керчи флота господин капитан 2-го ранга Дмитриев для продовольствия служителей провиант и другой надобный материал без особого повеления отпуску не чинит, а имеющийся со мною гальет "Верблюд",

то оный куда повелено будет отправить, о чем Черноморскому адмиралтейскому правлению предоставляю и на оное ожидаю резолюции...».

Рапорт Берсенева в Черноморском адмиралтейском правлении был получен 30 сентября 1786 г., и 2 октября в протоколе правления, отразившем обстоятельства пребывания Берсенева и его команды в Керчи в сентябре 1786 г., было определено: «Если еще удобно, то опись продолжать до Перекопа, а по не возможности оной ныне чинить, остаться до повеления в Керчи, и потребный на удовольствие служителей провиант получать от капитана Дмитриева, которому и галлет «Верблюд» отдать в ведомство для отправления в Таганрог, о чем и к нему, Дмитриеву, послать указ».

И Берсенов, и Дмитриев получили указы под №№ 609 и 610 с предписаниями, о которых сказано в вышеприведенном протоколе. Берсенов с командой остался на зимовку в Керчи, а Дмитриев обеспечил их провиантом и всем необходимым. Составление описи от Керчи до Перекопа было отложено до наступления весны.

Галиот «Верблюд» И.М. Берсенову было приказано отдать в распоряжение капитана 2-го ранга Дмитриева для отправки его в Таганрог. На это Иван Михайлович в своем следующем рапорте от 26 октября 1786 г. в Черноморское адмиралтейское правление писал, что галиот «Верблюд» не может быть отправлен в Таганрог, так как «на нем произведены работы по покраске» и он должен зимовать в Севастополе. «А как тот галиот вымазан новою подмазкою для испытания червей должен зимовать в Севастополе, которого по силе насланного от его высокоблагородия флота господина капитана 1-го ранга и кавалера, графа Войновича повеления отправил в Севастополь...». Капитан 2-го ранга Дмитриев направил похожий рапорт в Черноморское адмиралтейское правление относительно галиота «Верблюд». Черноморское адмиралтейское правление согласилось с доводами, и галиот «Верблюд» был отправлен для зимовки в Севастополь в распоряжение капитана 1-го ранга графа М.И. Войновича.

С приходом весны описание побережья Крыма экспедицией И.М. Берсенева могло

быть продолжено. В протоколе Черноморского адмиралтейского правления от 22 марта 1787 г. записано: «Как посланному флота господину капитану 2-го ранга Берсенову указом велено: при открытии нынешней весны продолжить опись берегам от мыса Фонаря до Перекопа, а чтоб в исполнении препорученной ему комиссии в области Таврической всякое пособие чинено было, определили: писать к командующему войсками господину генерал-аншефу и кавалеру Михаилу Васильевичу Каховскому и областному правителю господину действительному статскому советнику и кавалеру Каховскому». М.В. Каховский снова отдал предписания о содействии и помощи И.М. Берсенову в его плавании для составления описи берега от мыса Фонаря до Перекопа. И экспедиция готовилась отправиться в плавание, но в апреле подготовка была прервана в связи с новым решением Черноморского адмиралтейского правления. В протоколе правления от 12 апреля 1787 г. записано: «По мало имению во флоте, состоящем в Севастополе, штурманских чинов, определили: послать указ флота господину капитану 2-го ранга Берсенову и велеть находящихся в команде его штурманских чинов всех отправить по почте немедленно в Севастополь флота к господину капитану 1-го ранга и кавалеру графу Войновичу; а за тем и повеленную сим правлением опись от мыса Фонаря до Перекопа оставить и самому с достанною командою прибыть в Севастополь же и явиться у одного капитана Войновича, а ему распределять их по командам, припасы же и материалы, принятые для описи, равно и отпущенные деньги от керченского казначейства, за употреблением на заплату прогонов отдать флота господину капитану 2-го ранга Дмитриеву, о чем ему и графу Войновичу дать указами, и по исполнении [в] правление рапортовать».

Таким образом, в связи с недостаточным количеством штурманских чинов на флоте экспедиция И.М. Берсенева и его команды по составлению береговой описи от мыса Фонаря до Перекопа была приостановлена и не закончена. В сохранившейся документации, переписке Черноморского адмиралтейского правления с капитаном 2-го ранга

Берсеновым, последним является рапорт Ивана Михайловича от 5 мая 1787 г. «По силе посланного ко мне из Черноморского адмиралтейского правления прошлого апреля от 13-го числа под № 464 указа, коим велено мне, и по определению оного правления по малоимению в Севастополе на судах штурманских чинов, и затем находящихся в команде моей при описи берегов штурманских чинов всех отправить по почте в Севастополь, которым и явиться там флота господину капитану первого ранга и кавалеру графу Войновичу, принятые же для описи припасы и материалы велено отдать в керченские магазины, равно же и отпущенные деньги от Керченского казначейства суммою сто рублей за употреблением на заплату прогонов отдать флота господину капитану второго ранга Дмитриеву! И ВО ИСПОЛНЕНИЕ оного указа бывших в команде моей штурманских чинов, кроме штурманского ученика Григория Заморужева, которой оставлен в Керченском морском лазарете с болезнью, а прочие с формулярным описанием сего месяца 5-го числа отправлены, которым и выдано на заплату прогонов по указной цене из числа ста рублей двадцать дано отправлению оных чинов куплено, мною в Керчи повозок две, из коих за одну заплачено тридцать, а за другую пятнадцать, и к тому ж надобные хомутов три и принадлежащие к повозкам нужные вещи, за что заплачено десять рублей; всего суммою и прогонами семьдесят пять рублей, а остальные двадцать пять рублей оставил в счет заслуженного мною за прошлую январную сего года треть денежного жалованья, принятые ж для описи припасы и материалы отдал обратно в Керченские экипажные магазины...».

Так была завершена экспедиция И.М. Берсенева.

К сожалению, дневники второй экспедиции И.М. Берсенева автором в архиве пока не обнаружены. Но то, что опись южного побережья была составлена, видно из переписки И.М. Берсенева с Черноморским адмиралтейским правлением.

Примечания

¹ Общий морской список, III ч. СПб., 1890, с. 166–167.

² Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. М., 1997.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 432, оп. 1, д. 402, л. 1–47.

⁴ В данный момент эти документы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве, ф. 52, оп. 1, д. 336. Ф.Ф. Лашков опубликовал данное «Камеральное описание Крыма 1784 г.» // Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 2, 3, 4, 6. Симферополь, 1887, 1888.

⁵ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 87, л. 1–13 об.

⁶ Там же, ф. 168, оп. 1, д. 111, л. 1–29 об.

А.Ш. Кадырбаев

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ АДМИРАЛА Е.В. ПУТЯТИНА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1849–1850)

Личность Евфимия Васильевича Путятин, видного военного и государственного деятеля России XIX в., дипломата, так много сделавшего для расширения ее границ, казалось бы, не обделена вниманием со стороны исследователей и даже писателей. Однако больше известна его деятельность на дипломатическом и военном, точнее, военно-морском поприщах. Вместе с тем многие яркие страницы его биографии на службе Отечеству пока еще не нашли достойного отражения на страницах ни академических, ни художественных изданий. При жизни Е.В. Путятин это не всегда было возможно, учитывая то обстоятельство, что ряд его заслуг перед Отечеством относился к деятельности на секретной стезе разведывательных операций российских спецслужб. На одну из таких тайных операций, где Е.В. Путятин играл ключевую роль, позволяют пролить свет материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), а конкретно – рапорт генерал-адъютанта контр-адмирала Путятин от 8 июля 1850 г. на имя начальника Главного Морского штаба Российской империи адмирала, генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова. «Согласно предписанию Вашей Светлости от 5 декабря 1849 года № 590, – сообщается в этом документе, – возвратясь, по исполнению возложенного на меня по высочайшему повелению поручения в Англии, чрез Средиземное и Черное море, я имею честь представить на благоусмотрение Вашей Светлости собранные мною на пути сведения о состоянии турецкого и египетского флотов»¹.

К этому времени Османская империя, несмотря на крупные сдвиги в ее социально-экономическом и политическом развитии, с 1839 г. получившие название «эпоха реформ» – Танзимат, тем не менее превратилась к середине XIX в. в «больного человека» Европы. Она все более попадала в

финансово-экономическом отношении в кабалу к западноевропейским государствам, как никогда раньше являлась объектом соперничества великих империй той эпохи – Великобритании, Франции, России, Австрии, оспаривавших с переменным успехом влияние на нее друг у друга. Османская империя, хотя и начала сокращаться, но все еще оставалась обширной, и только наличие современных, модернизированных при Танзимате вооруженных сил позволяло ей сохранять остатки былого величия и достаточный оборонительный потенциал, с чем не могли не считаться великие державы. Поэтому национальные вооруженные силы в истории Турции являлись важнейшим фактором ее не только внутри-, но и внешнеполитической жизни.

С 1829 по 1840 г., после победы в очередной русско-турецкой войне, Россия оказывала преобладающее влияние на политику османского правительства по сравнению со своими соперниками, что выразилось в обращении падишаха Османской империи Махмуда II к российскому императору Николаю I за военной помощью в борьбе против своего мятежного вассала, египетского паши албанца Мухаммеда Али. В 1833 г. российские войска высадились в Стамбуле, сохранив еще почти на столетие власть османов. До 1840 г. проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты для всех иностранных военных флотов, кроме русского. Но к 1850 г. ситуация изменилась. Османская империя начала отходить от союза с Россией в пользу более тесного сотрудничества, в том числе и в военной области, с Великобританией, Францией и даже Пруссией, через полтора–два десятилетия ставшей ядром Германской империи. Известно, что в 40-х годах XIX в. военным инструктором в османских сухопутных войсках служил будущий знаменитый немецкий военный теоретик Мольтке.

Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. перечеркнули полученные ранее преимущества России. Османская империя опять стала потенциальным противником Российского государства. Угроза с ее стороны возрастала по мере оформления союзнических отношений с Великобританией и Францией, чьи правящие круги уже нацелились на подготовку войны с Россией, разразившейся через несколько лет и известной как Крымская, или Восточная, война.

Не приходится сомневаться, что предчувствие военной угрозы и обусловило задачи, поставленные перед миссией контр-адмирала Путятина в 1849–1850 гг. и касавшиеся определения степени готовности Османской империи к войне, в первую очередь состояния ее вооруженных сил. Тем более, что кандидатура Путятина, человека, хорошо знакомого со странами и народами восточного Средиземноморья и Причерноморья, где проходила его военная служба уже с 1827 г., как нельзя лучше соответствовала сложности порученного ему дела. В этой связи достаточно взглянуть на послужной список нашего героя к этому времени.

За плечами Путятина – участие в кругосветном плавании из Кронштадта вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн на фрегате «Крейсер» в звании мичмана под началом капитана 2-го ранга М.П. Лазарева (одного из первооткрывателей Антарктиды) в 1822–1825 гг. к северо-западным берегам Америки, т.е. к владениям Российско-американской компании, и первая награда – орден Святой Анны III степени². В 1826 г. на корабле «Азов» Путятин совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В 1827 г. на этом же корабле, где также служили П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомин, будущие победители Синопского сражения и герои обороны Севастополя, молодой мичман Путятин направился из Кронштадта через британский порт Портсмут в состав российской средиземноморской эскадры и принял участие в Наваринском морском сражении, где объединенная российско-англо-французская эскадра нанесла поражение османо-египетскому флоту. Затем в течение двух лет, с 1828 по 1830 г., произведенный в лейтенан-

ты и награжденный за мужество, проявленное в Наваринском бою и русско-турецкой войне 1828–1829 гг., орденом Святого Владимира IV степени³, Путятин служил в составе русской эскадры, крейсеровавшей в Эгейском море, участвовал в блокаде Дарданелл. За участие в морских кампаниях в 1830 г. награжден орденом Святого Георгия. Отозванный в том же году в Кронштадт, он только через три года возвратился в Севастополь – уже в качестве офицера по особым поручениям (говоря современным языком, офицера разведки) при своем прежнем начальнике, ставшим контр-адмиралом за боевые заслуги в Наваринском бою, позже вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом М.П. Лазарев⁴. В активе Путятина за предшествовавшие три года на Балтике – служба на корабле «Нарва» в Финском заливе, командование брига «Диомид» при переходе от Кронштадта до Данцига (ныне Гданьск) и награждение орденом Святого Георгия IV степени. В 1833 г. он был опять командирован на флагманском корабле Черноморского флота «Память Евстафия» из Севастополя в Галлиполию и Дарданеллы, где вместе с лейтенантом В.А. Корниловым, будущим адмиралом и героем обороны Севастополя в Крымскую войну, произвел тайную рекогносцировку проливов с их укреплениями. Карта, составленная Путятиным и Корниловым, была представлена императору Николаю I и получила его высокую оценку. За съемку и описание Дарданелл оба были представлены к награде⁵.

Затем Путятин вернулся в Феодосию, крейсировал на Черном море, был награжден орденом Святого Станислава III степени и османской золотой медалью. В 1834–1835 гг. он командир корвета «Ифигения» в Эгейском море, произведенный в чин капитан-лейтенанта. В 1836 г. командовал тем же корветом в Черном море и был награжден греческим орденом Спасителя. С 1837 по 1839 г. сражался в Кавказской войне с горскими народами Западного Кавказа – адыгами (черкесами) и абхазами. Во главе фрегата «Агатополи» участвовал в десантных операциях российских войск против горцев при захвате мыса Адлер, местностей Туапсе и Шапсухо, за что был награжден

орденом Святой Анны II степени и произведен в капитаны 2-го ранга⁶. Во всех этих высадках сухопутных войск участвовали военные моряки, сводным флотским десантным батальоном которых командовал Путятин. Чин капитана 1-го ранга он получил за командование кораблем «Силистрия», где ранее командиром был Нахимов, и за успешное десантирование войск на берега Абхазии в местностях Субаши и Шахо, когда из-за сильного сопротивления горцев флотский десантный батальон понес большие потери убитыми и ранеными, а сам Путятин был ранен пулей в ногу⁷.

В 1840 г. Путятин отозвали с Черного моря и направили в Великобританию, назначив офицером по особым поручениям при начальнике Главного Морского штаба князе А.С. Меншикове⁸. В 1841–1842 гг. Путятин послан на Каспийское море для борьбы с туркменскими пиратами, терроризировавшими своими набегами побережье Персии, как тогда назывался Иран, и русских рыбопромышленников. Путятин также выполнял в Персии поручения российского канцлера и министра иностранных дел К.В. Нессельроде, возглавил там российскую дипломатическую миссию и добился отмены ограничений для торговли русских купцов в Персии у правительства этой страны. Он также способствовал установлению регулярного сообщения на Каспийском море между Россией и Персией, за что удостоился персидского ордена Льва и Солнца 2-й степени со звездой от персидских властей и чина контр-адмирала.

С этого времени Путятин назначают на высшие посты. В 1842–1844 гг. он председатель комитета судостроения России, в 1843 г. разработал проект экспедиции по исследованию Тихого океана, в котором предлагал изучить юго-западное побережье Охотского моря с целью переноса Охотского порта и исследования Сахалина. В 1844 г. Путятин командирован на фрегате «Аврора» из Кронштадта в Великобританию, а с 1846 г. он в свите российского императора Николая I.

Путятин преуспел не только в практических навыках своей профессии, но и обладал талантом теоретика. Он был также ученым и инженером, много сделавшим как

для технической модернизации российского военно-морского флота, так и для развития судостроительной и горной промышленности. В 1847 г. он был назначен членом Ученого комитета корпуса горных инженеров⁹, а в течение 1844–1850 гг. представил в комитет по судостроению чертежи пароходов с подводным двигателем¹⁰. Путятину принадлежала инициатива приобретения в Англии «отвесного инструмента для установления [артиллерийских] орудий по крену судна»¹¹. Впоследствии, во время Крымской войны, 5 октября 1854 г., российские военные моряки из гарнизона осажденного англичанами, французами и османами Севастополя упредили первую бомбардировку союзниками города, применив на пароходо-фрегатах искусственный крен для увеличения дальности стрельбы. При этом стрельба велась по невидимым русским артиллеристам береговым целям согласно указаниям боевых постов, размещенных на высотах. В результате почти все батареи противника были разбиты, а многие корабли англо-французско-османской эскадры были выведены из строя, благодаря чему тогда удалось сорвать штурм Севастополя. В 1849 г. контр-адмирал Путятин был произведен еще в генерал-адъютанты.

Неудивительно, что с подобным послужным списком Е.В. Путятин оказался на высоте требований, предъявленных ему руководством России, о чем и свидетельствует его рапорт. Он прежде всего внимательно отслеживал все изменения в османском военно-морском флоте, связанные с его модернизацией по западноевропейскому образцу, что выразилось в подготовке и стажировке османских офицеров на кораблях британского королевского флота, открытии начальных и высших военно-учебных заведений на западноевропейский манер, приобретении паровых судов, перевооружении военных кораблей и береговых подразделений современным западным оружием, в первую очередь в области корабельной и береговой артиллерии, привлечении иностранных военных инструкторов: на флот – англичан, а в сухопутные войска – немцев, прусских офицеров. При этом он обратил внимание на то, что, в отличие от недавних времен, карьерный рост был предоставлен

тем османским офицерам, которые получили военное образование по западным стандартам. Создается впечатление, что сведения об османских военно-морских силах почерпнуты Путятиным не только из турецких и египетских источников, но и из Англии, также одного из пунктов назначения его миссии, куда Путятин официально был направлен для заказа на британских судостроительных верфях парохода для высочайшей особы – императора Российской империи.

«Наблюдая нынешнее состояние турецкой империи и сравнивая его с прежним, нельзя не заметить, что по разным отраслям управления произведены значительные улучшения, хотя многое еще не приведено в устройство, но общий ход правительства, видимо, направлен к исправлению недостатков и к введению лучшего порядка вещей. Усовершенствования всего заметнее по военным частям, и не подлежит сомнению, что в последнее время как сухопутные силы, так и флот сделали успехи и продолжают постепенно улучшаться. Заведение училищ как для начальных, так и для высших военных наук вместе с употреблением в войске прусских офицеров, наиболее занимающихся образованием артиллерии, служит главным средством для формирования сухопутных войск; что же относится до морских сил, то для сего также приняты меры чрез образование турецких морских офицеров на английском (английском. – *Авт.*) флоте. Из таких офицеров уже около 15 человек употреблено на флоте и по разным частям морского управления и такое же число отправлено в Англию для усовершенствования себя в морском искусстве. В прежнее время этим офицерам, по возвращении их из-за границы, не давали никакого хода, отчасти из предрассудков и недоверия, но теперь многие из них занимают значительные места. Довольно упомянуть, что один из них, Мустафа-паша, пробывший в Англии 7 лет и служивший в звании мичмана на военных судах, занимает теперь место вице-адмирала турецкого флота, а другой, Осман-бей, командует одним из линейных кораблей»¹².

После начала Крымской войны, не позже 11 ноября 1853 г., накануне Синопского сражения, Мустафа-паша стал командовать

турецкими пароходно-фрегатами, вступившими в огневой контакт с русским парусным фрегатом «Флора» близ мыса Пицунда. Он по достоинству оценил мастерство русских морских артиллеристов и блестящее умение русских моряков поймать ветер в невыгодных для себя обстоятельствах при управлении парусными кораблями, о чем и докладывал военным и морским властям в Синопе, где тогда сосредоточились главные силы османского военно-морского флота. В этом бою Мустафа-паша проявил себя как опытный мореход с классической восточной и европейской выучкой. Осман-бей, ставший через три года, ко времени Синопского сражения, пашой, т.е. адмиралом, командовал в этом неудачном для турок бою османским флотом, мужественно сражался с русской эскадрой и попал в плен полумертвым от ран и ожогов, не покинув ходового мостика своего корабля, пока силы не оставили его.

«Кроме того, наружный вид большей части судов не позволяет сомневаться, что не находилось на каждом по крайней мере по одному офицеру, знающему морское дело», отмечалось в рапорте¹³. Здесь поражает профессионализм Путятина как военного моряка, которому достаточно одного взгляда на корабль с внешней стороны, чтобы оценить его командира. «На днях принят во флот в род наставника на 3-летний срок английский (английский. – *Авт.*) капитан Слейд (Slade), тот же самый, который находился на корабле капитана-паши (капудан-паша, главный адмирал османского военного флота. – *Авт.*) в последнюю нашу войну с турками в 1829 г. Он отправлен на флот, сопровождавший султана во время плаванья его по архипелагу, и, вероятно, при помощи обученных на английском флоте офицеров [намерен] заставить капитана-пашу не в бездействии проводить время в море»¹⁴.

Капитан британского королевского флота Адольф Слейд получил в османском флоте чин контр-адмирала и был известен под именем Мушавер-паша. Впоследствии, во время Синопского сражения, Слейд командовал пароходно-фрегатом «Таиф» (два 10-дюймовых орудия, четыре 36-фунтовых, шестнадцать 24-фунтовых орудия), сража-

ясь против двух российских парусных фрегатов «Кагул», «Кулевча» и пароходо-фрегата «Одесса». В экипаже «Таифа» были турки. Следуя приказам своего капитана, «Таиф» отменно маневрировал под убийственным огнем русских фрегатов и удачно отбивался от них. В дуэли с «Одессой» и подоспевшими пароходами «Крым» и «Херсонес» османские артиллеристы показали себя с очень выгодной стороны, а мотористы-турки и палубная команда, тоже из османов, сделали все, чтобы уйти в сторону Трабзона. Под покровом тумана «Таиф» затем ушел к Босфору. За мужество и умелое командование Мушавер-паша был награжден османским правительством¹⁵.

«Обозрение турецкого флота, стоявшего на якоре у Тенедоса и частию расположенного у Константинополя в Золотом роге, не дает возможности судить о степени искусства, с которым эти корабли могут управляться в море и в военное время, но не менее того, смотря на наружный вид, они кажутся хорошо вооруженными и содержатся в порядке и чистоте. Все турецкие корабли имеют большое количество орудий, на некоторых... поставлено 96 и даже до 100 пушек, а на одном фрегате имеется 76 орудий. Большая часть кораблей огромных размеров и построена по планам, составленным американским кораблестроителем Родсом, состоявшим некоторое время в турецкой службе», отмечалось в рапорте¹⁶.

Таким образом, в создании современных для того времени вооруженных сил османам помогали не только британцы и немцы, но и граждане Северо-Американских Соединенных Штатов, хотя российско-американские отношения, в отличие от российско-британских, были дружественными, как, кстати, и отношения России с Пруссией. «Многие из кораблей вооружены в обоих доках английскими (английскими. — *Авт.*) чугунными бомбическими (т.е. стрелявшими разрывными снарядами. — *Авт.*) пушками, а медные орудия, составлявшие прежде всю турецкую морскую артиллерию, ныне сохранились только на шканцах кораблей и на открытых батареях мелких судов. Сверх вооруженных 6 кораблей и 8 фрегатов имеются еще 2 вновь перетимберованных (модернизированных. — *Авт.*) ко-

рабля, которые в непродолжительном времени могут быть изготовлены к плаванию в море. За тем остальные суда турецкого флота вовсе негодны для службы, хотя некоторые из них предполагается перетимберовать. Число всех пароходов, принадлежащих правительству и частным лицам, простирается до 23. Из них четыре в 450 сил имеют каждый 26 орудий с закрытою батареею подобно пароходам «Камчатка» и «Смелый». Два из них в действии, а на других двух устанавливаются машины, привезенные с завода Модсли и Филд, которые однако же, судя по величине корпусов, не довольно сильны и не будут в состоянии дать пароходам большого хода. Остальные не вооружены артиллерией и 7 из них имеют от 60 до 40 сил. Прилагаемые списки лучше всего покажут нынешнее состояние всего флота»¹⁷.

Подробно освещались в рапорте и вопросы комплектования османского военного флота личным составом, открытия военно-учебных заведений по подготовке унтер-офицерских и офицерских кадров, поддержания дисциплины, сроков службы, состояния кораблестроения и материальной части его снабжения, обеспечения тыловой инфраструктуры флота, необходимой для жизнеобеспечения и надлежащего функционирования военно-морских служб. «Существующим постановлением матросы для флота набираются из всех городов и деревень, отстоящих от морских берегов не далее как на 10 часов пути, но большая часть поступает из жителей Анатолийского берега Черного моря и Малой Азии. Каждый рекрут может однако же освободиться от службы, если представит другого на свое место. Для портовых работ употребляется до 2000 греков и армян, кои работают большею частию в отдельном заведении Иплик-Хане, на флоте греков вовсе не имеется, а армяне, хотя и бывают, но не в большом числе»¹⁸.

Как видно из текста документа, христианские подданные не пользовались доверием турецких властей и были ограничены в праве занимать посты в «святая святых» — военной организации империи, традиционно почитаемой турками. Хотя греки, например, имели длительную историческую тра-

дицию мореплавания и в свое время их представители, перешедшие из православия в ислам, бывшие пираты Средиземноморья, ставшие османскими адмиралами – Пири Реис и Хайраддин Барбаросса – Рыжебородый с братьями Аруджем, Элиасом и Исхаком, выходцы с острова Лесбос, – стояли у истоков создания османского военного флота, равно как и армяне, чьи пираты из Киликии известны с античных времен.

«Срок службы для матроса определен 10-летний, но редко случается, чтобы кто из них успел получить увольнение прежде 12 лет. В военное время турецкие суда комплектуются по числу орудий, полагая на каждое по 15 человек, но теперь имеется на них только половинный комплект. Командиры судов имеют право подвергать нижних чинов за обыкновенные проступки телесному наказанию, аресту и пр. Но за важные преступления они предаются суду Морского совета, который в случаях затруднительных передает производство дела Шейх-уль-исламу-капусси (главному мусульманскому священнику османского военного флота), решения которого уже не подлежат апелляции. Морская школа для 300 воспитанников, основанная несколько лет тому назад при Адмиралтействе, теперь переведена на один из Принцевых островов, Халки. Все преподаватели, за исключением учителей французского и английского языков, из турок, обучавшихся в Европе. Ученики выходят из школы не прежде 17-летнего возраста и, выдержав экзамен, поступают на флот не в офицерском чине, но в звании английского мичмана. В константинопольском Адмиралтействе имеются два дока, из коих один может вмещать корабли самых больших размеров. В теперешнее время главный док занят 3-дечным корветом “Махмудие”, который совершенно вновь перестроен и в скором времени будет выведен из дока. В другом стоит фрегат, столь ветхий, что исправление его потребует не менее времени и издержек, чем построение нового. Все работы адмиралтейские обращены теперь на окончание двух пароходов в 450 сил и на клингах нет ни одного нового судна в построении. Мастерские не имеют никаких механических приспособлений и вообще содержатся не в

весьма удовлетворительном виде, но запасы в магазинах довольно значительны. В разных местах разложено немалое количество лесов, из коих большая часть привозится с анатолийского берега Черного моря, остальная же часть из заливов Святой Горы, Кассандры и Салоникского. Мачтовой лес доставляется с Дуная. Пенька идет из Требизонда (Трабзона) и Самсуна, а таке-лаж изготавливается на заводе Иплик-Хане в предместьи Ейюб. Парусина большею частью получается из России, но некоторое количество привозится из Англии. Сверх обыкновенных парусов на каждом судне имеется комплект других из бумажной парусины для употребления в летнее время. Медь доставляется в кусках из рудников Требизондских, и в самом Адмиралтействе выкатывают из нее листы, тянут болты и делают всякого рода отливки. Якоря, цепи и разные вещи больших размеров привозятся из Англии, равно как и часть земляного угля, но главные запасы одного добываются из копей Анатолийских. В недавнем времени устроен у мыса С. Стефано в Мраморном море большой завод для делания паровых машин, но до сих пор он недостаточно снабжен мастерскими и никаких значительных работ не производит»¹⁹.

Заметное внимание в своем рапорте Путятин уделил состоянию и мерам османских властей по укреплению с участием иностранных военных специалистов оборонительных сооружений Стамбула – столицы Османской империи. «В береговых укреплениях Босфора и Дарданелл не последовало никаких перемен противу планов, снятых к.-адмиралом Корниловым и мною во время пребывания нашего флота в Турции в 1833 г., за исключением нескольких вновь построенных казарм. Главное улучшение, сделанное с того времени, состоит в перемене старых станков и лафетов новыми и в приведении всей артиллерии в лучший порядок. Это особенно заметно в Дарданеллах, где прусский офицер, живущий в главном замке Чанак-Кале, занимается ежедневным обучением артиллеристов и два раза в неделю производит пальбу ядрами в цель. На Босфоре такого рода учения менее удобны и делаются реже, как по причине близости батарей к загородным домам по-

сланников, так и для того, чтоб не возбуждать внимания иностранцев, непрерывно разъезжающих по Босфору»²⁰.

Из рапорта очевидна осведомленность российской военной разведки относительно ситуации в высших военно-морских кругах Османской империи. «Главным управлением флота и всеми морскими делами заведует ныне в звании капитана-паши Солиман-паша (Сулейман-паша. – *Авт.*), начальствовавший в 1848 г. войсками в Валахии (Румынии. – *Авт.*). Власть его зависит от большего или меньшего доверия, коим он пользуется при Министерстве (военно-морском. – *Авт.*), но вообще он может производить в чины и лишать оных всех младших офицеров до командира брига, начиная же с командира корвета представления о повышении и понижениях делаются чрез визиря (главу правительства) султану и им утверждаются. При Адмиралтействе находится совет, составленный из морских пашей (адмиралов) и беев (старших офицеров) под председательством Ферик Рауф-паши. Совет этот определяет, какого рода построения должны производиться в Адмиралтействе, утверждает цены для покупки материалов и вообще решает все дела»²¹.

В рапорте содержатся сведения не только об османском флоте, но и об египетских военно-морских силах. Египет фактически был независим от Османской империи уже около полувека, де-юре являясь ее частью. Однажды правитель Египта Мухаммед Али даже разгромил турецкую армию и создавал угрозу правящей династии Османов. Тем не менее, как показали события Крымской войны, египтяне составили заметную часть османского воинского контингента, воевавшего с российскими войсками в Крыму. Уже в 10-х числах августа 1853 г., к началу Крымской войны, в Мраморном море стояла египетская эскадра боевых кораблей, посланная хедивом Аббас-пашой – правителем Египта на помощь своему сюзеру султану Абдул-Меджиду в составе двух 84-пушечных парусных линейных кораблей и четырех 60-пушечных парусно-фрегат, которые были полностью укомплектованы экипажами, снабжены боеприпасами и готовы к бою. Поэтому интерес Путятина к состоянию египетского военно-

го флота оказался вполне оправданным, тем более что в его воссоздании после Наваринской битвы принимали участие французские корабельные мастера. «При начале египетский флот состоял из судов, купленных или построенных по заказу Мегмета Али (Мухаммеда Али. – *Авт.*) в иностранных портах, но после Наваринского сражения, в коем большая часть египетских судов подверглась истреблению, приступлено было к устройству в Александрии Адмиралтейства со всеми принадлежностями. Для сего был вызван из Тулона корабельный инженер Серизи и с 1829 г. начаты работы по составленному им плану на песчаном берегу длинной косы, образующей северо-восточную часть старого порта Александрии. Главные построения, в то время произведенные, и доселе существуют». Но ко времени написания рапорта египетский военный флот «уже два года как не выходит в море. Исправление старых судов вовсе оставлено, и не принято никаких мер к сохранению оных в гавани от влияния климата и непогоды. Если бы потребовалось вооружить флот, то александрийское Адмиралтейство в теперешнее время никак не в состоянии выслать в море более 3 кораблей, 5 фрегатов, 5 корветов и 4 пароходов, из коих самый большой имеет 320 сил. Такое положение не предвещает долгого существования египетскому флоту, и если система управления Аббас-паши не изменится, то Египет потеряет значение морской державы гораздо в меньшее число лет, нежели сколько нужно было Мегмету-Али-паше для образования своих морских сил»²². И все же, как уже отмечалось выше, несмотря на кризисное состояние военно-морских сил, Египет оказался в состоянии сформировать вполне боеспособный военно-морской и армейский контингенты для участия в составе османских вооруженных сил в Крымской войне.

Рапорт содержит не только информацию о состоянии османского и египетского военных флотов, но и планы военных операций российских армии и флота на случай войны с османами, учитывая возможность вмешательства на их стороне англичан. Эти прогнозы Путятина, как показали последующие события, оказались верными. Если

«сравнить числительное состояние турецкого флота, взятого даже вместе с египетским, с числом кораблей и прочих судов Черноморского флота [России], [то имеется] значительный перевес в пользу последнего. Это превосходство в числе еще более увеличивается при сравнении качеств обоих флотов, но при всем том в случае разрыва России с Турцией должно ожидать, что из морских держав, по крайней мере Англия, будет готова помогать Порте своими морскими силами. В этих обстоятельствах успех всех наших действий будет зависеть от быстроты, с которою последует наступление на Константинополь. При нынешнем усовершенствованном состоянии пароходов, скорость, с которою могут быть перевозимы войска, и правильность сообщений достигли той степени, что в расчете времени едва ли можно ошибиться более одних суток на переходах, какие предстоят от северных берегов Черного моря до Босфора, за исключением известных времен года, в которые, если бы и последовало замедление, то большею частию от господствующих северных ветров на возвратном пути; а потому прибавлением нескольких сильных пароходов к Черноморскому флоту наступательная сила его неимоверным образом может быть увеличена. Если предположим, что к 15 кораблям, составляющим сей флот, будет присоединено такое же число пароходов, тогда при предстоящих военных действиях на корабли и пароходы можно будет посадить до 40000 сухопутного войска и, взяв первые на буксир вторыми, достигнуть на третий день Босфора. Для избежания сосредоточения большого числа войск на одном месте часть оного могла бы быть собрана в Сухуме или Редут-Кале, откуда доставление их в Босфор совершится еще поспешнее. Высадив войска на европейском берегу в Килии и на азиатском в Риве, в несколько часов можно достигнуть береговых укреплений Босфора. Ни один из сих фортов и батарей, атакованных с тылу, не может представить никакой обороны; все они поочередно могут быть взяты в самое короткое время, и орудия на них заклепаны и сброшены со своих мест. Тогда откроется чистый проход, в который можно решиться проникнуть с флотом, даже при

уничтожении батарей только на одном берегу, если бы обстоятельства не позволили сделать это на обоих. Вообще следует заметить, что укрепления Босфора слабые и по местности своей представляют менее опасности флоту, прорывающемуся в пролив, чем дарданелльские. Сии последние, будучи вооружены бомбическими и частию огромного калибра орудиями, если будут снабжены искусными артиллеристами, то представят непреодолимую преграду всякому флоту, который дерзнет проходить под их огнем. Из всех босфорских укреплений одно последнее на азиатском берегу, Анадоли-Кавах, может нанести значительный вред судам как по числу больших орудий, так и по местности, дающей ему возможность действовать продольным огнем по судам»²³.

Вместе с тем Путятин надеялся избежать войны с Османской империей, полагая, что в интересах и России, и Турции был бы военный союз между ними, как это было в 1799 и 1833 гг.: «При вступлении флота в Босфор и при движении войск вдоль берегов его первым требованием должно быть немедленное занятие Дарданелл совокупными силами России и Турции, чтобы воспрепятствовать флотам других наций проникнуть сквозь оные. Убедив на это Порту и заняв однажды сообщая с нею все укрепления дарданелльские, кроме важных выгод, представляющихся от распространения нашего влияния на Востоке, южные пределы России и в особенности восточный берег Черного моря будут вполне обеспечены от всяких нападений морских европейских держав»²⁴.

Наблюдая развитие ситуации в 1849–1850 гг., Путятин видел сближение османов с западными державами в ущерб интересам России. «Последний вход английской эскадры в Дарданеллы ясно показал, что трактаты с Турцией мало обеспечивают наши южные пределы и что при всяком столкновении наших выгод с английскими или с выгодами других морских государств Порты охотнее передается на сторону сих последних. Все эти предположения сделаны однако на том основании, что Порты, утраченная появлением нашего флота и войск у стен Константинополя, не-

медленно согласится на сделанное ей требование. В случае же отказа с ее стороны, кораблям, вошедшим в пролив, следует, не отлагая, атаковать турецкий флот. В последствиях этой битвы едва ли можно сомневаться, как по числительному, так и моральному превосходству нашего флота пред оттоманским. Вместе с тем пароходы по высадке первого десанта должны немедленно отправиться за вторым и чрез 4 или 5 дней привести вновь на берега Босфора 15000 человек. Повторив это действие еще в третий раз, можно иметь не более как чрез 10 дней после первой высадки до 70000 войска под стенами Константинополя. Первым делом в сих обстоятельствах должен быть наискорейший перевоз на флоте части войск в Дарданеллы для занятия укреплений пролива, даже вооруженною рукою, если бы то потребовалось. Трудно однако ожидать, чтоб при появлении таких сил Порты стала упорствовать, и прежде, нежели могут к ней прибыть пособия от английской (английской. — *Авт.*) или других эскадр, Дарданеллы могут быть заняты и дело приведено к окончанию. Против такого плана действий могут быть сделаны следующие два возражения: не противопоставит ли Порты равного или большего числа войск при самой высадке или немедленно после оной, и чем обеспечится продовольствие войск? На первый вопрос можно отвечать, что если все приготовления будут сделаны негласно и с другою по-видимому целью, то едва ли Порты успеет вдруг сосредоточить достаточное число войска. Узнав же однажды о высадке наших войск, она, конечно, станет собирать все свои силы под стены Константинополя и там уже будет ожидать нападения, если решится сопротивляться требованиям России. Внезапность и быстрота действий должны быть главным предметом в такого рода предприятии, и от них в большей мере будет зависеть успех предполагаемой экспедиции. В случае, если бы войскам и пришлось вступить в сражение, то нет повода предполагать, чтоб оно повлекло за собою какие-либо неудачные последствия»²⁵.

Вероятно, Путятину представлялось в тот исторический момент вполне возмож-

ным исполнение многовековой мечты русских славянофилов и царской династии о присоединении к Российской империи Стамбула, который не только русская общественность, но и официальные круги России с упорством, достойным лучшего применения, называли Константинополем. Константинополь — исторический центр православного христианства, «Второй Рим», на византийское духовное наследие которого претендовали русские цари и русская православная церковь, пал под натиском османов еще в 1453 г. и не существовал с тех пор под таким названием на карте мира. Но, тем не менее, как видно из приводимых здесь материалов, и накануне Крымской войны данный стереотип, отражающий настроения русского общества и правительства об овладении Константинополем как о заветной мечте поколений, был весьма устойчив.

«На второй вопрос можно сделать следующее замечание: с десантом на флоте должно следовать двухнедельное продовольствие. При перевозе же второго и третьего десанта пароходы могут брать на буксир транспорты, нагруженные провиантом, а по окончании перевозки войск главное употребление пароходов и будет состоять в снабжении войск всякого рода запасами»²⁶.

В предстоящей войне с Османской империей Путятин учитывал важный фактор наличия в ее владениях заметного числа православного и вообще христианского населения, на симпатии и поддержку которого русские рассчитывали. Только православных христиан в Османской империи тогда жило 10 миллионов человек. Известно, что в Османской империи государствообразующий, или, как ныне говорят, «титальный» этнос — турки-османы составляли в лучшем случае половину населения. «При том в окрестностях столицы столь многолюдной, как Константинополь, и с большим христианским народонаселением, всегда готовым помогать русским, не может представить[ся] затруднений в продовольствии войск. К подобным действиям не иначе можно приступать, как выжидая, во-первых: чтоб Турция сама подала к тому справедливый и основательный повод, ко-

торый в нынешнее время не замедлит представиться, и во вторых: благоприятных для России перемен во взаимных отношениях главных европейских государств. Если Россия при этом не будет иметь в виду распространения своих пределов и предоставит другим нациям пользоваться выгодами торговли на прежних основаниях, то хотя бы в первое время и возникло в Европе против нее негодование, большая часть государств, не теряя существенных своих выгод, должна будет покориться силе обстоятельств. В нынешнем положении Турции, покуда наше влияние не делается господствующим, столкновение между Россией и прочими государствами будет возникать при всяком вопросе, предлагаемом оттоманскому правительству, и с каждым разом будет труднее противоборствовать замыслам наших соперников»²⁷.

И здесь Путятин затрагивает важнейший вопрос во взаимоотношениях России не только с Османской империей, но и с западными державами; вопрос, послуживший одной из причин разразившейся через несколько лет Крымской войны, и только в последние годы обративший на себя должное внимание исследователей²⁸. Это проблема принадлежности святых для всего христианского мира мест в Палестине и Иерусалиме, где «Гроб Господень» стал предметом раздора между православной и католической церквями. Выбор османским падишахом его покровителя в пользу католиков в ущерб православным, сделанный под нажимом Франции, заставил Россию выступить в качестве покровителя православных подданных Османской империи: греков, южных славян – сербов, болгар, македонцев, а также румын, арабов, албанцев. «Поданное Порте в последнее время требование французского кабинета об отдаче Святых мест в Иерусалиме и во всей Палестине исключительно в ведение римско-католического духовенства никогда бы не могло иметь места, если бы Россия имела участие в охранении Дарданелл. Требование это, касающееся всех римско-католических государств, если будет настойчиво предложено Порте от лица нескольких держав, может вовлечь ее в большое затруднение, ибо трудно предполагать, чтоб все греческое,

славянское и арабское православное народонаселение без сопротивления сделало такого рода уступку. Однажды приобретенное вышепредложенною мерою влияние России на Востоке могло бы справедливо быть обращено в пользу Церкви (православной. – *Авт.*), которой мы обязаны первым нашим христианским просвещением. Оказанием большого покровительства Россия могла бы предупредить опасность, которой подвергаются восточные церкви, будучи с одной стороны подрываемы рвением римско-католических миссионеров, с другой – учением протестантских проповедников, разрушающих всякую духовную дисциплину, опасность, против которой, по всем вероятностям обыкновенного хода событий, без своевременной помощи церквям этим трудно устоять. Вместе с сим покровительством единоверных племен, доселе возлагающих всю свою надежду на Россию, может быть, представится возможность исправить беспорядки, вкравшиеся в устройство церквей, столь долго бывших в угнетении»²⁹.

Как видно из приведенного текста, османы подвергались сильному давлению со стороны Франции, поддержанной Великобританией и римским папским престолом, с целью изменения статуса святых мест в пользу римско-католической церкви. О ключах к христианской церкви в Вифлееме писали тогда много и в западных, и в российских газетах. Полемика разгорелась между православными и католиками из-за принадлежности ее ключей, прав ремонтировать купол иерусалимского храма и водрузить серебряную звезду в алтаре вифлеемской церкви, в ходе которой ни одна из сторон не уступала друг другу. Речь шла о переделе сфер влияния – особенно духовных и моральных, в которых Россия традиционно имела огромный авторитет на Ближнем Востоке. И уже за этим последовал бы передел в военной и экономической сферах, который также был целью развязанной против России позднее Крымской войны.

Рекомендации Путятина ставили целью использовать все влияние России и побудить российские власти оказывать большее покровительство Иерусалимской право-

славной церкви, оказавшейся под натиском французской дипломатии и римской католической церкви по вопросу о принадлежности христианских святых мест в Палестине, эти рекомендации не остались без внимания. В сентябре 1851 г. российский император Николай I собственноручно написал письмо падишаху Османской империи Абдул-Меджиду с просьбой соблюдать преимущественные права православного духовенства на Святых землях, что побудило османские власти распустить профранцузскую правительственную комиссию и сформировать новую, которая подготовила султанский указ от февраля 1852 г., «даровавший» Иерусалимской православной церкви преимущественные права на христианские святыни. После ряда уступок со стороны падишаха в пользу католиков, допущенных под нажимом Франции, Николай I направил в Стамбул своим чрезвычайным и полномочным послом князя А.С. Меншикова, добившегося от султана согласия на издание еще двух фирманов (указов) в пользу Иерусалимской православной церкви, нейтрализовав последние уступки французам, допущенные османами после фирмана от февраля 1852 г. Именно вышеупомянутые фирманы – от февраля 1852 и апреля 1853 гг., полученные под давлением российской дипломатии, легли в основу так называемого «порядка вещей», или статус-кво святых мест в Палестине и Иерусалиме, который сохраняется и поныне.

В заключительной части рапорта Путятин предложил программу подготовки Черноморского флота к войне, рассматривая комплекс мер по объему финансирования этих мероприятий, в первую очередь по вводу в строй новых боевых кораблей, при опоре на отечественное судостроение, хотя он и не исключал использования возможностей иностранных верфей: «Вышеупомянуто, что если бы оказалось нужным предпринять предполагаемые действия против Турции, то для успеха необходимо иметь в Черноморском флоте число больших пароходов, равное числу кораблей, а как ныне таких пароходов находится только 7, то сверх сего числа еще потребовалось бы иметь 8. Опыт показал, что для выигрыша времени, равно как и для сбережения расходов, выгоднее всего заказывать машины

в Англии, самые же суда могут быть построенные в портах черноморских, где кораблестроение, за исключением качества леса, производится столь же хорошо, как и в Англии. Именно пароход “Владимир” и несколько других, ни в чем не уступающих лучшим военным пароходам англинского (английского. – *Авт.*) флота, можно было бы избрать между ними образцами и по оным строить предлагаемые пароходы, имея главное в виду не уменьшать размеров, дабы быть в состоянии помещать на них большой десант. Для 8 машин в 400 сил каждая, со всеми принадлежностями и доставкой, потребуется ассигновать около 1200000 рублей серебром, и если приступить к этому без отлагательства, то укомплектование Черноморского флота по предлагаемому проекту могло бы быть приведено в исполнение к 1853 году»³⁰.

Интересно отметить, что согласно вышеприведенному документу, проект Путятин отводил программе подготовки Черноморского флота к войне три года, т.е. до 1853 г. Прогнозы Путятин оказались верными, именно в этот год началась Крымская война.

Разведывательная деятельность Путятин, его оценка ситуации на Ближнем Востоке и рекомендации российскому монарху и правительству относительно сохранения влияния православия на святых местах в Палестине и Иерусалиме, благодаря которым были предприняты меры, сохранившие их статус и поныне, его планы и разработки по ведению предстоящих военно-морских и десантных операций и обстоятельный многосторонний анализ добытых разведанных обеспечили российское военное командование достоверной информацией о военно-морских силах и береговой обороне османов. Они во многом предрешили успешные действия Черноморского флота на первом этапе Крымской войны, до вмешательства в нее на стороне Османской империи Великобритании и Франции, когда адмирал П.С. Нахимов разгромил османский военноморской флот в Синопском сражении. Так, последним в мировой истории сражением парусных флотов, каковым стала Синопская морская битва, закончилось существование османского военного парусного флота, начавшееся еще в XV в. Оставался

один шаг до установления российского контроля над проливами Босфор и Дарданеллы и захвата Россией священного для всего православного мира города, Константинополя – вожаемой мечты русских политиков многих поколений. Однако интервенция западных держав – Великобритании, Франции, а затем и примкнувшего к ним Сардинского королевства, через полтора десятилетия ставшего ядром объединенной Италии, вступивших в войну на стороне османов, похоронила тогда эту мечту. Стамбул так и не стал Константинополем, оставшись столицей ислама, поскольку там правил османский султан, обладавший титулом халифа – духовного главы мусульман-суннитов всего мира. Но Путятин, к тому времени ставший вице-адмиралом, не участвовал непосредственно в сражениях этой войны, для готовности России к которой он столько сделал. В 1852 г. он, после очередного посещения Великобритании, на этот раз с официальной целью составления проекта преобразования российского военно-морского флота, а также с разведывательными задачами по поводу намерений англичан в отношении России и ее действий в странах Востока от Стамбула до Эдо (Токио) и Пекина, был направлен на Дальний Восток, к берегам Японии, Кореи и Китая, где его ждала громкая слава и дальнейшая служба на благо Отечества, обессмертившие его имя. Но это тема для другого рассказа.

Литература

1. *Шеремет В.И.* П.С. Нахимов – труженик войны // *Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева.* М., 2007.
2. *Кузьмина С.* Адмирал Корнилов. М., 2007.
3. *Шеремет В.И.* Синоп – 1853. Новое прочтение // *Восточный архив*, №17, 2008.
4. Материалы по истории русского морского флота. М., 1954.
5. *Шеремет В.И.* Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996.
6. *Бесов А.Г., Зеленина Л.В., Шеремет В.И., Якушев М.И.* О мифах и стереотипах,

о тайнах и парадоксах Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов. М., 2006.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, ед. хр. 172, л. 1–12. Канцелярия Морского министерства.
- ² Там же, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 1193, л. 12, 18, 19, 26, 28, 33, 41, 48, 64. Военная по флоту канцелярия.
- ³ *Шеремет В.И.* П.С. Нахимов – труженик войны // *Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева.* М., 2007, с. 313.
- ⁴ РГА ВМФ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 487, л. 1, 6. Фонд А.С. Меньшикова; там же, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 449, л. 2, 4, 12. Канцелярия начальника Главного Морского штаба.
- ⁵ *Кузьмина С.* Адмирал Корнилов. М., 2007, с. 69–70.
- ⁶ РГА ВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 1505, л. 3–15. Канцелярия начальника Главного Морского штаба.
- ⁷ Там же, ф. 283, оп. 1, ед. хр. 4149, л. 1–7. Инспекторский департамент Морского министерства.
- ⁸ Там же, л. 3.
- ⁹ РГА ВМФ, ф. 167, оп. 1, ед. хр. 9, л. 47–48 об. Всеподданнейшие отчеты по флоту и Морскому ведомству; там же, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 186, л. 3. Фонд А.С. Меньшикова; *Кузьмина С.* Указ. соч., с. 91.
- ¹⁰ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 460, л. 4–5.
- ¹¹ Там же, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 22240, л. 1–27. Инспекторский департамент Морского министерства.
- ¹² Там же, ф. 410, оп. 3, ед. хр. 172, л. 7–8.
- ¹³ Там же, л. 8.
- ¹⁴ Там же, л. 9–12.
- ¹⁵ *Шеремет В.И.* Синоп – 1853. Новое прочтение // *Восточный архив*, №17, 2008, с. 23; Материалы по истории русского морского флота. М., 1954, с. 252–253.
- ¹⁶ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, ед. хр. 172, л. 2.
- ¹⁷ Там же, л. 3.
- ¹⁸ Там же, л. 4.
- ¹⁹ Там же, л. 5.
- ²⁰ Там же, л. 6.
- ²¹ Там же, л. 7.
- ²² Там же, л. 8.
- ²³ Там же, л. 9.
- ²⁴ Там же, л. 10.
- ²⁵ Там же, л. 9.
- ²⁶ Там же, л. 11.
- ²⁷ Там же, л. 12.
- ²⁸ *Шеремет В.И.* Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996, с. 492; *Бесов А.Г., Зеленина Л.В., Шеремет В.И., Якушев М.И.* О мифах и стереотипах, о тайнах и парадоксах Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов. М., 2006, с. 3, 6–7, 10–14.
- ²⁹ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 172, л. 1–24.
- ³⁰ Там же, л. 12.

Н.Ф. Лещенко

ПОСОЛЬСТВА Н.П. РЕЗАНОВА (1803–1805) И Е.В. ПУТЯТИНА (1852–1855) В ЯПОНИЮ

На рубеже XVI–XVII вв. Япония под- держивала внешние связи с народами ше- стнадцати государств, стремясь завязать с ними выгодные торговые связи. Но под давлением серьезных обстоятельств, отра- жавших изменения как во внутренней, так и в международной обстановке, японские власти целым рядом указов резко ограни- чили общение страны с внешним миром. Единственным европейским государством, для которого было сделано исключение, была Голландия.

Давая разрешение на торговлю гол- ландцам, правительство учло то обстоя- тельство, что артиллерия голландского флота помогла в подавлении крестьянского Симабарского восстания (1637–1638 гг.) на о. Кюсю. В течение второй половины XVII в. и до 80-х годов XVIII в. европей- ские суда, за исключением голландских, появлялись у берегов Японии лишь в чрез- вычайно редких случаях. Север Тихоокеан- ского бассейна в то время не привлекал особого внимания предпринимателей и торговцев Западной Европы, их интересо- вал юг Китая, Индонезия и Филиппины.

Русские торговцы и предприниматели проявляли в этот период значительную ак- тивность, осваивая необжитые районы се- верной части Тихоокеанского бассейна. В конце 30-х годов XVII в. русские вышли на берег Тихого океана и их суда начали пла- вать вдоль побережья. Но хотя Россия и стала соседом Японии, русские в то время весьма мало знали об этой стране. В конце 30-х годов XVIII в. два русских судна вто- рой экспедиции Беринга появились у бере- гов о. Хонсю. Японцы побывали на этих судах, а первые русские ненадолго сошли на берег¹. Эти события получили отраже- ние в японских документах того времени, и их можно охарактеризовать как начало японско-русских контактов.

В конце XVIII в. заинтересованность России в установлении торговых отноше- ний с Японией усилилась в связи с необхо-

димостью снабжать население русских ти- хоокеанских владений продовольствием и различными товарами, доставка которых из европейской части России кругосветным морским путем или через Сибирь требовала много времени и больших расходов. По- этому в 1792 г. в Японию было отправлено первое русское посольство во главе с Ада- мом Лаксманом, главной задачей которого было добиться от японского правительства открытия одного из портов для торговли с Россией. Вместе с посольством на родину возвращались три японца, которые по воле случая попали в Россию в 1783 г. Екатери- на II отправила экспедицию Лаксмана от имени иркутского губернатора И.А. Пиля, имея в виду придать этому мероприятию полуофициальный характер, чтобы не уро- нить свой престиж в случае отказа Японии и не возбудить подозрения Голландии от- носительно активизации политики России на Дальнем Востоке. Русские получили бу- магу с гербом сёгуна, реального правителя страны, согласно которой разрешался при- ход одного русского судна в Нагасаки и, что самое главное, разрешалась высадка экипажа на берег при условии соблюдения закона о запрещении христианства². По ря- ду причин царское правительство не вос- пользовалось сразу этим разрешением, и эта непростительная медлительность свела на нет положительные итоги экспедиции Лаксмана. На одну из причин указал еще В.М. Головнин: «Неизвестно, почему по- койная государыня не приказала тотчас по возвращении Лаксмана отправить корабль в Нагасаки. Вероятно, что беспокойства, причиненные в Европе французского рево- люцией, были тому причиною»³.

О японской лицензии вспомнили лишь в начале 1802 г., чтобы наладить снабжение продуктами Охотск и Камчатку из Японии, вместо того чтобы с великими трудностями вывозить их из Якутска. Кроме того, пред- седатель Российско-американской компа- нии, созданной в июле 1799 г., акционером

которой являлся и Александр I, Н.П. Резанов выдвинул идею отправлять провизию и необходимые материалы на Аляску не сухопутным путем через Сибирь, а морским. Главное правление Российско-американской компании в донесении Александру I просило разрешения отправить из Кронштадта в свои тихоокеанские колонии первую русскую кругосветную экспедицию, в задачу которой входило и наладить торговлю с Японией. 13 февраля 1803 г. министр коммерции Н.П. Румянцев представил Александру I записку «О торге с Японией». Он отметил, что после изгнания португальцев только голландцы сохранили выгодную торговлю с этой страной. Он напомнил о попытках России установить отношения с Японией (возвращение трех японцев с экспедицией А. Лаксмана, организация колонии на Урупте). «Сама природа, поставя Россию сопредельною Японии и сближая обе империи морями, дает нам перед всеми торговыми державами преимущества и удобность к торговле, к которой ныне купечество наше, как кажется, ожидает токмо единого от правительства одобрения». Румянцев советовал отправить в Японию посла и поручить ему дать японскому двору правильное представление «о достоинстве Российской империи», установить дружественные отношения между обеими соседними державами, а также доставить товары из Северной Америки в Кантон и Манилу, выяснить возможности торговли с Китаем, Филиппинами и другими странами, которые экспедиция посетит во время кругосветного плавания⁴.

7 августа 1802 г. начальником этой экспедиции был назначен капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн, но ввиду важности поставленных перед экспедицией задач в ее руководстве вскоре произошли изменения. Дело об экспедиции из Министерства коммерции было передано в Министерство иностранных дел, что свидетельствовало о намерении России установить с Японией дипломатические отношения. 10 июля 1803 г. Александр I издал рескрипт о назначении Н.П. Резанова уполномоченным Российско-американской компании в колониях, начальником первой кругосветной экспедиции и главой миссии в Японии вме-

сто Крузенштерна. Функции морского офицера были ограничены «управлением во время вояжа судами и экипажем и обеспечением ононого», ему было предписано руководствоваться советами Резанова во всем, что касается выгод и интересов компании⁵. Кроме того, 23 марта Резанов был награжден орденом Св. Анны и пожалован званием камергера⁶. Следует отметить, что перемена в руководстве экспедицией вызвала неприязнь к ее новому руководителю со стороны Крузенштерна.

30 июня 1803 г. Александр I подписал грамоту императору – в России, как и в Европе, не знали, что обращаться следует к сёгуну, но уже были осведомлены, что заходить надо только в порт Нагасаки. Резанову поручалось вручить «сию грамоту по надлежащему обряду с истинным уважением» и объявить о намерении Александра I утвердить дружественную связь с японским императором и исполнить все его требования, если он разрешит «купечеству моему, а паче жителям Кадыякских, Алеутских и Курильских островов, яко вам соседственным, приставать не токмо в Нагасакскую гавань и не токмо кораблю, но и многим и в другие гавани с теми избытками, какие вам благоприятны будут; я же, с моей стороны, отверзаю все пределы царства моего к дружелюбному принятию верноподданных ваших». На инструкции министра коммерции Румянцева «Господину действительному камергеру и кавалеру Резанову, отправляющемуся по высочайшему повелению в качестве посланника к японскому двору», царь лично начертал: «Быть по сему, 10 июля 1803 г.» Резанову повелевалось «держатъ путь к берегам японским и, войдя в порт Нагасаки, известить японское правительство о причинах прибытия вашего, руководствуясь в том данной инструкцией». В инструкции предписывалось не заходить ни в какой другой порт, кроме Нагасаки; соблюдать японские обычаи, быть учтивым; «для вас необходимо будет соображаться со всеми обычаями японцев, не огорчаться не сходству их с нашими и не ставить того в унижение. Важнейшим предметом обязанности вашей состоит в открытии ТОРГА (так в оригинале. – *Авт.*) с Японией»⁷.

Царское правительство придавало большое значение этой экспедиции, тщательно готовился не только текст «Проекта высочайшей грамоты японскому императору», но и ее внешнее оформление. Высочайшая грамота была переведена на китайский и японский языки, были сделаны две копии. Эти документы были написаны жидким золотом и положены в футляр из парчи. В состав экспедиции входил целый ряд ученых, для которых тоже была составлена инструкция⁸. В день отплытия экспедиции, 26 июля 1803 г., Александр I посетил Кронштадт. В качестве подарков были подобраны изделия русских заводов и фабрик: вазы, сервизы, около сотни зеркал, ковры, атлас, парча, сукна, бархат, изобретенные Иваном Кулибиным фонари, бронзовый часы-слон, украшенные драгоценными камнями.

Вместе с посольством в Японию возвращались четверо японцев. Резанов должен был обеспечить их всем необходимым, чтобы «они вообще ни в чем не нуждались», а также взять в качестве переводчика японца Петра Киселёва⁹. Во время плавания Резанов занимался японским языком и составил «Словарь японского языка», написал «Руководство к познанию японского языка» и отослал его с курьером в Российскую академию наук в Санкт-Петербург.

Посольство отправилось в Японию на кораблях «Надежда» и «Нева», которые были куплены в Англии, т.к. Россия в то время не располагала такими судами, на которых можно было бы отправиться в кругосветное плавание.

20 сентября 1804 г. Резанов передал Крузенштерну своего рода предписание о том, как вести себя морякам в Японии — строго соблюдать дисциплину, вежливо обращаться с японцами, придерживаться японского этикета без ущерба для достоинства русских; не высмеивать японские обычаи, какими бы странными они ни казались; не совершать открытого богослужения, не делать крестные поклоны и не показывать предметы религиозного культа¹⁰.

26 сентября 1804 г. «Надежда» вошла в Нагасакский залив, для японских властей это не было неожиданностью, поскольку голландцы еще за месяц предупредили их

об этом. Навстречу российскому кораблю вышло судно с чиновниками, которые приказали бросить якорь на внешнем рейде и сдать оружие. Против последнего категорически возражал Резанов, поэтому шпаги у офицеров и оружие у охраны посла японцы разрешили оставить.

Японские чиновники во время посещения «Надежды» допросили привезенных японцев и записали ответы русских относительно целей посольства. Они отобрали лицензию, выданную Лаксману, и скопировали японский перевод письма Александра I, которое Резанов согласился вручить только представителю правительства. Японцы осмотрели судно и груз, взяли образцы товаров. Резанову разрешили отправить с капитанами голландских судов краткое донесение царю о благополучном прибытии в Нагасаки при условии ознакомления губернатора с его содержанием. Состоялась и встреча Резанова с главой голландской фактории Х. Дёффом и другими голландцами под надзором японских чиновников, что в дальнейшем отрицательно сказалось на ходе переговоров.

Переговоры затянулись. Длительное время русским не разрешали сходить на берег. После настойчивых просьб Резанова, ссылавшегося на свою болезнь и необходимость предоставления отдыха экипажу после 16-месячного плавания, власти Нагасаки отвели русским морякам на окраине города место, окруженное с трех сторон морем. Там были построены склады и дом из девяти комнат. Русские находились под неусыпным надзором японских властей, что не могло не раздражать Резанова и его спутников. Система строго контроля касалась и контактов японских уполномоченных с русскими, их часто меняли и запрещали в одиночку посещать русский лагерь.

Между тем в Эдо развернулась острая борьба по поводу политики в отношении России и ответа на послание русского императора. Некоторые участники этой дискуссии высказывались за то, чтобы разрешить русским ограниченную торговлю в Нагасаки под контролем чиновников. Но на тот момент большую роль сыграла изменившаяся обстановка внутри страны. Правительство опасалось, что уступка, сделан-

ная России, создаст прецедент для других держав, которые настойчиво стучались в закрытые двери Японии, и растущая антисёгунская оппозиция использует это в своих целях.

24 марта 1805 г. на второй встрече с губернатором Резанову был зачитан ответ сёгуна Иэнари с отказом в установлении дипломатических и торговых отношений с Японией. После получения припасов русские должны были немедленно покинуть Нагасаки и более не приближаться к японским берегам. Японцы снабдили русских провизией на целых два месяца, причем не взяли за это никакой платы. 6 апреля русские покинули Нагасаки после более чем полугодового пребывания в этом городе¹¹.

Неудаче посольства Резанова в большой степени способствовали голландцы, постоянно твердившие об «агрессивных намерениях» России. В подтверждение этому можно привести выдержку из записки адмирала Рикорда. «В бытность мою в Англии я встретился с бывшим тогда в Портсмуте консулом Грейсом... Он спросил у меня, жив ли еще Резанов, и получив в ответ, что он уже скончался, сказал мне: “Видно, судьбе было угодно, чтоб этот человек не пережил свою славу”. При этом рассказал он мне подробно, с каким пламенным желанием японский император, узнав о прибытии Резанова, готов был склониться на вступление в сношения с Россиею; но ГОЛЛАНДЦЫ (выделено мною. – Авт.), желая удержать за собою исключительность выгоды торговли с Япониею, употребили все возможные меры, чтобы тому воспрепятствовать. Англия в то время вела войну с Голландиею; на взятом англичанами голландском корабле, между прочими бумагами, которые не успели истребить, найдено было донесение голландского в Японии консула к своему начальству. В этом донесении, описав расположение японцев к русским, которое заставило всех голландцев опасаться, что они готовы вступить в сношения с нашими соотечественниками, говорил, что *он употребил все силы и способы, чтобы расстроить всякое домогательство к тому русских* – и это он ставил в высокую себе заслугу; этому же содействовало и то, что Резанов имел неос-

торожность в переговорах своих употребить переводчиком самого директора Голландской компании»¹². Об этом же писал Н.П. Румянцев, бывший министр коммерции, в докладной записке Александру I от 11 октября 1805 г.: «Голландцы употребляют все меры к удержанию японского торгова в руках своих. Обергаупт голландской фактории уверял Резанова, что торговля нашими продуктами в Японии совершенно лишена, поелику японцы имеют у себя все то, что мы имеем»¹³.

В неудаче посольства современники обвиняли и Н.П. Резанова, считая, что его эмоциональное поведение вызвало недовольство японцев. Но вот мнение о нем политического деятеля Окума Сигэнобу (1838–1922): «Резанов первый разбудил Японию от глубокого сна». Окума обратил внимание на тот интересный, но совсем не известный и донныне в России факт, что о Резанове в Японии составилось весьма лестное мнение. На Резанова, по словам Окума, в течение долгих лет смотрели как на «праведника» вследствие той сравнительной тактичности, той выносливости, с какими ему пришлось ждать ответа из Эдо; слух же о самоубийстве Резанова в Сибири, который широко распространился по стране вскоре после его отъезда из Японии, истолкованный как следствие его неудачи в переговорах об открытии страны, покрыл его имя еще большим ореолом¹⁴.

Во время пребывания посольства Резанова в Японии было получено много интересных сведений о стране, собрана коллекция флоры, фауны, изделий ремесла, одежды и утвари. Трудолюбие и скромное поведение русских матросов в Нагасаки произвели хорошее впечатление на японцев.

Россия, несмотря на неудачу посольства Резанова, предпринимала попытки наладить торговые отношения с Японией, но на все отправленные письма ответа не получила. И было решено отложить решение этого вопроса «до благоприятного времени», что вполне соответствовало позиции канцлера Нессельроде.

XIX в. открыл новый этап во взаимоотношениях Японии с внешним миром. США, Англия и Франция предпринимали неоднократные попытки добиться прекра-

щения политики изоляции Японии, но неизменно наталкивались на противодействие правительства. Главную роль тогда играла Англия, обладавшая самым сильным военно-морским и торговым флотом. Победа Англии над Китаем в «опиумной войне» 1839–1842 гг. произвела в Японии огромное впечатление.

10 июля 1843 г. контр-адмирал Е.В. Путятин, хорошо знакомый с активной деятельностью и намерениями англичан в Тихом океане (еще молодым человеком он долгие годы жил в Англии и был женат на дочери одного из высших чиновников английского военно-морского флота), представил в Сибирский комитет докладную записку о снаряжении экспедиции в Китай и Японию. Он советовал отправить суда не в Нагасаки, а прямо в Эдо, политический центр страны, где жил сёгун и находилось правительство. Благодаря этому можно было избежать интриг голландцев и вступить в непосредственные переговоры с правительством. Путятин предлагал поручить экспедиции проверить правильность выводов Лаперуза, Броутона, Крузенштерна, которые утверждали, что лиман и устье Амура недоступны для морских судов, что Сахалин является полуостровом и на западном берегу нет удобных гаваней. Он считал, что следует спешить с разрешением этих задач, пока англичане не опередили русских. Эта идея получила одобрение Николая I, и Путятин был назначен начальником экспедиции¹⁵. Но проанглийски настроенный Нессельроде сумел убедить императора в нецелесообразности экспедиции. «Предполагаемое в сем году отправление особой экспедиции в Китай и Японию, кажется, было бы преждевременно и настоящим видам нашей торговли едва ли соответственно...». На докладной записке от 18 августа 1843 г. рукой императора карандашом написано: «Отложить до будущего года». Документ подписан министром финансов, но идея отмены экспедиции принадлежала канцлеру. Документ проходил под грифом секретно¹⁶.

Активизация деятельности Англии и США подвела русское правительство к необходимости принять меры к укреплению позиций России на Тихом океане, в частно-

сти, добиться открытия портов Китая и Японии. Россия не без основания опасалась, что если США и европейские державы опередят ее с заключением договора с Японией, то они добьются большего влияния в этой стране. 24 апреля 1852 г. для обсуждения основных вопросов политики России на Дальнем Востоке был учрежден Особый комитет, в состав которого вошли: начальник Главного морского штаба А.С. Меншиков, управляющий министерством финансов П.Ф. Брок, военный министр А.И. Чернышев, заместитель министра иностранных дел, директор Азиатского департамента Л.С. Сеньявин. Состав комитета из таких значительных лиц говорил о том, что правительство осознало необходимость предпринять еще один шаг, чтобы завязать торговые отношения с Японией. Комитет обсудил представленную Министерством иностранных дел «Записку по японским делам». В ней сообщалось о решении американского правительства «отправить новую морскую экспедицию», которая смогла бы «устрасить японское правительство и тем самым побудить оное к изъявлению согласия на требование американцев; в противном же случае принудить его к тому силой оружия». Учитывая неудачи прошлых попыток, Министерство просило комитет обсудить меры, которые следует предпринять, «дабы обеспечить для нашей торговли в будущем и некоторые выгоды, которых американцы, без сомнения, теперь достигнут». В ответ на «Записку» Особый комитет рекомендовал правительству отправить экспедицию во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятиным, который уже выезжал с рядом дипломатических миссий, заключал договоры и владел иностранными языками, считая его лучшим кандидатом для столь важной миссии. «Что касается до лица, на коего возложить сие важное поручение, то Комитет полагал бы избрать генерал-ад. Путятину, – того самого, который был назначен в 1843 г., – как по опытности в морском деле, приобретенной им в двухкратном плаваньи кругом света, так и потому, что он тогда же готовился к экспедиции в Китай и Японию и собрал все нужные предварительные о сих странах сведения... Необходимо будет послать с

ним разные подарки к японскому императору»¹⁷. Решение Особого комитета было утверждено Николаем I 18 мая 1852 г.

Учитывая важность миссии, министерство иностранных дел подготовило для Путятина подробную инструкцию, где отмечалось, что «желание правительства состоит в том, чтобы склонить японцев на наши предложения мирными путями и единственно посредством переговоров. Сущность же сих переговоров должна состоять в том, чтобы убедить японское правительство позволить нашим судам и нашим торговцам приставать, если не к разным пунктам Японии, то хотя бы к одному известному месту, имеющему удобный порт, и там разминиваться с японцами нашими товарами на произведения их государства... Что касается самих переговоров, когда обстоятельства Вам позволят приступить к оным, то Вы будете вести их, как выше сказано, *в миролюбивом и елико возможно дружеском смысле, указывая японцам на соседство обоих государств и на пользу взаимных политических связей*... Как вручать грамоту японскому императору – МИД воздерживается от положительных на счет сего указаний, опасаясь, что в Японии они могут оказаться “неудобоисполнимыми”. Но [МИД] подтверждает Вам только, чтобы при всем этом *елико возможно были сохраняемы честь и достоинство России* (здесь и далее выделено мною. – Авт.). Кроме письма к японскому двору, если возникнут затруднения в его передаче, МИД снабдит Вас письмом к японским властям, которое можно передать в том месте, где Вы станете, из этого письма будет ясен миролюбивый характер Вашей миссии; при подлинном письме имеется китайский перевод. Что касается голландцев... отношения Ваши с ними по наружности должны быть по возможности приятные, с соблюдением всех должных приличий, и чтобы они не замечали с Вашей стороны какого-либо к ним недоверия». Путятину напоминали, что голландцы «едва ли не были главной причиной неуспеха помянутого посольства» (т.е. Резанова). «Действовать надо с осторожностью, она должна быть постоянным Вашим правилом. Будет предоставлена и точная копия с японского листа, который

был некогда дан поручику Лаксману и коим разрешался приезд в Нагасаки одному нашему судну. Этим обстоятельством Вы могли бы воспользоваться, дабы яснее показать японцам всю основательность Ваших требований»¹⁸.

Вот некоторые выдержки из проекта Высочайшей грамоты к японскому императору от имени Николая I. «Находясь в мире и добром согласии со всеми не только соседними, но и отдаленнейшими странами и народами, и стараясь... поддерживать и всюду упрочивать таковой мир... мы намерены послать верноподданного нашего, российского флота вице-адмирала и нашего генерал-адъютанта Ефима Путятину к Вашему Величеству с самыми дружжелюбными и приязненными изъявлениями. <...> Соседство наших империй, как ровно и миролюбивый образ действий обоих правительств, побудили нас к таковой посылке, *единственная цель коей – вступить в дружественные связи с Вашим Величеством*, и чтобы подданные наши наслаждались плодами сей взаимной благоприязни. Согласно с этой целью поручено отправленному с сею Грамотою помянутому генерал-адъютанту Путятину испросить у Вашего Величества разрешения российским подданным приезжать беспрепятственно в порты Вашей империи для торговых дел их, дабы могли обменивать свои произведения на избытки произведений Вашего государства, от каковых торговых и совершенно миролюбивых отношений произойдет обоюдная польза. Мы надеемся, что Ваше Величество, взяв в рассуждение те уважительные причины, которые побудили нас к таковым предложениям, примите оные, яко добрый сосед, дружелюбно и благоприятно, и дадите в местах Ваших владений соответственное повеление о беспрепятственном допущении русских купеческих судов в Ваши порты. Отправляем некоторые вещи российского произведения как знак особенного дружественного нашего расположения к высокой Вашей особе. При этом просим также, Ваше Величество, *давать полную веру словам* генерал-адъютанта Путятина, яко облаченного всею нашею доверенностью.

Дана в престольном граде нашем Санкт-Петербурге, августа 23 дня 1852 г.»¹⁹.

Подготовка экспедиции в Японию была завершена, и 7 октября 1852 г. на фрегате «Паллада» Путятин покинул Кронштадтский рейд.

Отплытие русских кораблей в Японию вызвало явное беспокойство западных держав и США, хотя тайны из этой миссии Путятина Россия не делала. Поэтому вызывает недоумение, почему американский посланник в Петербурге Н.С. Браун по поручению Госдепартамента отправил ноту Министерству иностранных дел России. Он выразил удивление по поводу командирования русского фрегата с «неизвестной целью» в Тихий океан.

10 января 1853 г. Нессельроде ответил Брауну, что русское правительство не делало тайны из отправления судна и не скрывало мотивы, которыми оно руководствовалось. Это было вызвано необходимостью охраны владений России в Северной Америке и восточного побережья Азиатского материка, т.к. в последнее время русские воды в тех районах стали слишком активно посещаться иностранными судами. Опасения правительства усилились в связи с посылкой крупной американской экспедиции к берегам Японии, о размерах вооружения и месте назначения которой русское правительство узнало только через прессу. Россия была намерена сделать попытку, причем сугубо мирного характера, установить обоюдовыгодные отношения с Японией. 12 марта 1853 г. Браун передал Нессельроде письмо государственного секретаря США, где говорилось, что «президент счастлив был обнаружить в объяснениях его превосходительства графа Нессельроде полное подтверждение мнения, существующего в действительности, что у Соединенных Штатов нет основания для беспокойства и что если значительная сила России будет направлена в Японское море, то наша эскадра сможет смело рассчитывать на ее дружеское сотрудничество»²⁰. Но, как известно, «дружеского сотрудничества» со стороны американцев не случилось.

17 декабря 1852 г. Путятин приложил к письму Сенявину вырезку из английской газеты за 13 декабря 1852 г. (Путятин про-

был в Англии, в Портсмуте, с 31 октября 1852 г. до 6 января 1853 г.), где говорилось об экспедиции США в Тихий океан. Сведения об этом попали и на страницы журнала «Морской сборник» (1853, №1).

Уже по пути в Японию Путятин писал Сенявину 12 апреля 1853 г.: «Оба государства (т.е. США и Россия. — *Авт.*) имеют одинаковое намерение открыть торговые сношения с Японией, хотя в нашем случае употребятся миролюбивые средства, а американцы, без сомнения, приступят к военным мерам»²¹.

Особую озабоченность и беспокойство проявили голландцы, которые в 1844 г. пытались добиться открытия портов, но потерпели неудачу. В апреле 1852 г. Ф. Зибольд (1796–1866), немец по национальности, работавший врачом в голландской фактории на о. Дэсима в 1823–1829 гг., представил нидерландскому министру колоний доклад, в котором рекомендовал голландскому правительству выступить посредником в случае переговоров Японии с каким-либо иностранным государством. Записка Зибольда была одобрена, и он предпринял следующий шаг. 8 ноября 1852 г., через месяц после отплытия посольства Путятина из Кронштадта, Зибольд предложил свои услуги МИД России. Через барона П. Мейендорфа, российского посланника в Австрии в 1850–1854 гг., с которым Зибольд был знаком, он передал свои предложения по установлению русско-японских отношений. «Вследствие того я получил обязательное приглашение в С.Петербург (25 декабря), в следующих выражениях: “Ваше письмо и приложенный к нему мемуар, по надлежащем их рассмотрении, возбудили здесь желание собрать из Ваших уст пояснения и дополнительные сведения о вопросе, известном вам точнее, нежели другому европейцу”.

Как штаб-офицер нидерландо-индийской службы, находящийся в отпуску за границу, я считал ненужным просить Министерство колоний об особом позволении ехать в Петербург, тем более что я должен был был определить цель моей поездки и, по упомянутым политическим причинам, вероятно, не получил бы разрешения. Поэтому, в письме от 9 января 1853 г., я просто

уведомил министра колоний о предполагаемом мною путешествии в Россию и, действуя самостоятельно, принял на себя ответственность за возможные последствия.

Еще в бытность мою в Японии, пользуясь тайными советами умных и знающих туземцев, я составил проект к улучшению нидерландской торговли и достижению всеобщей торговой свободы. На этом проекте были основаны и представление мое министру колоний, и совет, который я имел случай предложить в Петербурге русскому правительству. Главные положения проекта, имевшего в виду благо самих японцев и всеобщий торговый интерес, остались те же самые; но некоторые изменения оказались необходимыми, потому что Россия находится в другом положении относительно Японии, нежели Нидерланды».

По мнению Зибольда, «русское посольство (Крузенштерна и Резанова в 1804–1805 гг. – *Авт.*) было до крайности дурно обдумано и, состоя из одного только военного корабля, могло доказать разве неуважение к Японии. Нам следует послать первоклассный линейный корабль, фрегат и два или три военных парохода и доказать японскому императору, что мы – великий народ, которого дружбой нельзя пренебрегать ни в каком случае»²².

Скорее всего, русские учли это замечание Зибольда, в Японию прибыла целая эскадра – фрегат «Паллада», шхуна «Восток», корвет «Оливуца» и транспорт «Князь Меншиков».

В декабре 1852 г. Нессельроде в докладной записке Николаю I информировал его о том, что «проживавший долгое время в Японии нидерландский полковник Зибольд, будучи лично знаком с тайным советником бароном Мейендорфом, направил ему письмо, в котором изложил свои соображения относительно возможности установления торговых отношений России с Японией. Основываясь на своем опыте общения с японцами, он предложил, в случае отказа японцев от установления торговых отношений, предпринять дополнительные шаги, которые заставили бы их пойти на уступки. В частности, в случае отказа правительства Японии пойти на установление торговых

отношений с Россией занять важные пункты на южной оконечности Сахалина в заливе Анива, в результате чего будут прерваны все отношения японцев с южной частью острова, которую, как видимо, они считают своей принадлежностью».

Местом для ведения переговоров Зибольд предлагал Нагасаки, так голландцам было бы легче следить за ходом переговоров. Кроме того, Зибольд представил проект выгодного для Голландии русско-японского договора. 15 декабря Нессельроде пригласил Зибольда в Петербург.

В результате консультаций с Зибольдом было решено заменить письмо Николая I японскому императору на письмо канцлера Нессельроде японскому Верховному совету, такое же письмо адресовалось и губернатору Нагасаки. Нессельроде просил губернатора оказать содействие Путятину как полномочному представителю России в виде важности его поручения, доставить без промедления письмо Верховному совету и попросить разрешения на поездку Путятину в Эдо для переговоров.

24 февраля 1853 г. Николай I утвердил проект первого договора России с Японией. В дополнительной инструкции Министерства иностранных дел Путятину регламентировалось его поведение на переговорах с японскими уполномоченными. Касаясь содержания проекта договора, Министерство извещало Путятину, что он может его изменить или дополнить в зависимости от хода переговоров.

27 февраля Л.Г. Сеньявин в письме Путятину указывал, что пришлось использовать не вполне удовлетворительный проект Зибольда, хотя в Министерстве «не могли не заметить, что Зибольд на все смотрел с голландской точки зрения и при составлении своего проекта едва ли не заботился более о голландцах, нежели о русских, имея паче всего в виду, чтобы нам не было против голландцев представлено больше прав и преимуществ». 28 февраля министерство иностранных дел отправило эти новые инструкции со специальными курьерами, предупредив о необходимости получения Путятиным этих документов до прибытия в Японию. 25 июля 1853 г. Путятин получил эти новые инструкции²³.

Министерство иностранных дел поручило Путятину «собрать на местах сведения обо всем, что происходило вдоль берега нашего Азиатского материка и у берегов северо-западных наших владений в Америке, где постоянно и особенно в последние годы увеличивающееся число чужеземных китоловов не может не быть без вредных последствий для края и для дел тамошнего нашего управления. Имеете Вы также, будь обстоятельства позволят, с осторожностью осмотреть остров Сахалин»²⁴.

Инструкция Министерства иностранных дел Путятину особо указывала: «Достижение всех целей во время Вашего плавания должно быть только путем переговоров и мирных средств, воздерживаясь до последней крайности во всех отношениях от всяких неприязненных действий, особенно противу японцев и китайцев»²⁵.

В связи с тем, что «на западном берегу Сахалина водится каменный уголь», Путятин вполне справедливо опасался, «что американцы не преминут обратить свои виды и на Сахалин, ни за кем никакими трактатами не упроченный». И пока «мы робко начинаем прививать торговую деятельность» на Камчатке и островах, «американские корабли с Сандвичевых островов и Сан-Франциско уже беспрепятственно проникают во внутренние заливы Охотского моря, где ловят китов и рыбу, рубят и жгут леса, отнимают тем средства к существованию у прибрежных жителей»²⁶. Депеши такого содержания слал Путятин из Нагасаки. (Согласно заключенному договору, Сахалин определялся как неразделенный между Россией и Японией).

Одной из главных задач посольства Путятин было решение вопроса о границах. В письме директору Азиатского департамента Л.Г. Сеньявину из Нагасаки Путятин писал: «При сем случае замечу, что дело об определении границ, по важности его, я до сих пор ставил на первом плане и буду продолжать выставлять его главной целью нашей экспедиции, особенно если японцы будут отказываться вступить во всякие другие связи»²⁷. Уже в пути Путятин получил письма к японским властям, утвержденные царем.

В одном из писем, адресованном «Верховному совету Великого Японского государства» от имени канцлера Нессельроде, объяснялось, что одной из целей посольства Путятин является «сделать также предложение, основанное на взаимной пользе подданным обоих государств и клонящееся к отвращению всяких на будущее время столкновений и недоразумений между Россией и Японией, следственно к утверждению мира и взаимного спокойствия. В сем последнем отношении желание Его Величества состоит, во-первых: в разделении границ между обеими империями... чтобы по обоюдному согласию определено было: какой ваш остров должен быть последним пунктом владений Японии к северу, и какой наш остров будет южным пределом в тех же морях владений России, а также объясниться насчет южной оконечности острова Крафто (Сахалин)». Далее пояснялось, что Россия «не нуждается ни в каких новых приобретениях», но «определение яснейших границ между государствами есть лучший залог их мирных отношений и спокойствия подданных»²⁸.

Кроме того, Путятину предписывалось «не соглашаться на сдачу оружия – это касается военных судов... Офицеры, на службе Его Императорского Высочества состоящие, имеют право носить при себе всегда и везде свое оружие и всякие знаки чина и отличия, им принадлежащие, и освобождаются от всякого рода обысков... Если японцы будут возражать, то следует напомнить, что Резанову (на военном судне «Надежда») разрешалось на берегу иметь при себе оружие и что этим же правом пользовалось и военное голландское судно “Palemang”, бывшее в Нагасаки в 1844 г. И особенно следует настоять насчет обысков, чтобы сия обоюдная формальность не распространялась на офицеров военных судов как оскорбительная для их чести»²⁹.

Решать все эти проблемы Путятину предоставлялось «в зависимости от обстановки». Следует отдать должное прозорливости Путятин, что он, ведя столь трудные переговоры, «настаивая твердо» на своих требованиях, тем не менее проявлял разумную умеренность, «дабы высокомерием не возбудить ненависти в народе, столь упор-

ном и противоположном во всех своих понятиях с нами, и тем не затруднить будущие наши с ним сношения»³⁰.

10 августа 1853 г. русская эскадра вошла в гавань Нагасаки. Японские власти были предупреждены голландцами о предстоящем прибытии русских. В этот же день на фрегат «Паллада» прибыли японский чиновник вместе с голландцами. Узнав, что о цели прибытия русской эскадры будет сообщено через письмо, адресованное губернатору Нагасаки, японцы спросили: «Зачем же с одним письмом прибыли четыре судна?» На что отвечали, что «по важности посланного к ним лица признано было нужным отправить с ним такое число судов».

Письмо губернатору Нагасаки было вручено 13 августа. Встречи с уполномоченным бакуфу состоялись 31 декабря 1853 г. и 3 января 1854 г. и ознаменовались двумя событиями. Во-первых, уполномоченные посетили иностранный, и притом вооруженный, корабль, и во-вторых, японцы прислали Путятину в подарок меч от имени сёгуна; поскольку мечи запрещалось вывозить из страны, русские расценили этот подарок как хороший знак³¹.

Но переговоры длились больше года, приходилось преодолевать многочисленные трудности и недоверие японской стороны. На замечание русских о медлительности японцев в решении вопроса о торговле японцы отвечали: «Торговля у нас дело новое (имелась в виду внешняя торговля. – *Авт.*), несозревшее; надо думать, как, где, чем торговать. Девуцу отдают замуж, когда она вырастет: торговля у нас еще не выросла».

Нельзя не отметить, что дополнительные трудности для России создавали враждебное отношение Англии и Франции и начавшаяся Крымская война. Путятин узнал о войне из бумаг, полученных из Шанхая. В связи с угрозой нападения англо-французской эскадры на русское Приморье в апреле 1854 г. Путятину пришлось покинуть Нагасаки. Объявив войну России, Англия и Франция направили свои суда в Тихий океан для захвата русской эскадры и нанесения удара по русским базам. С марта 1854 г. русские начали строить укрепления

в Петропавловске на случай нападения неприятельского флота. К середине августа туда подошла англо-французская эскадра, которая имела четырехкратное превосходство в численности военнослужащих и мощи своих орудий. Сражение длилось неделю и завершилось победой русских. В Лондоне и Париже это поражение расценили как оскорбление и потребовали принять меры для уничтожения Петропавловска и русских кораблей в Тихом океане. Было предпринято несколько бомбардировок русских владений. В сентябре 1855 г. англо-французская эскадра высадилась на о. Уруп и уничтожила фактории Русско-американской компании.

Известно, что США и Англия подписали с Японией договоры в 1854 г. Дж. Стирлинг, командующий английской эскадрой, который навязал Японии свой «договор о мире и дружбе», использовал свои встречи с японцами для того, чтобы посеять недоверие Японии к России. Он предупреждал, что его эскадра вступит в бой с русскими кораблями, если он их обнаружит в японских водах.

В таких неблагоприятных условиях заключение договора становилось для России жизненной необходимостью, ведь это обеспечило бы нейтралитет Японии, столь важный для России, в период Крымской войны. Американские, голландские, английские и французские корабли, прибывавшие в Японию из Шанхая, привозили газеты и сообщения телеграфных агентств о неудачах русской армии в Крыму. Это учитывали и японцы, понимая, что Россия еще долгое время не сможет посылать свои военные корабли к берегам Японии.

Переговоры были прерваны в связи с сильным землетрясением и гибелью фрегата «Диана» в декабре 1854 г. Но и это трагическое обстоятельство не сломило волю Путятина, сумевшего с достоинством выполнить возложенную на него важную миссию. Как это ему удалось – об этом лучше всего рассказал он сам в своем отчете об экспедиции: «Соображаясь с Высочайшей волею в Бозе почившего Государя императора и с данной мне от Министерства иностранных дел инструкцией, я начертал себе *систему действий* (выде-

лено мною. – *Авт.*) в сношениях с этим народом, в основаниях которой принял кроткое и дружеское с ним обращение, снисходительное исполнение тех законов и обычаев страны, которые не противны были достоинству нации и моего звания, и твердую, спокойную настойчивость в переговорах по возложенному на меня поручению. Следуя неуклонно этой системе, по мудрому указанию монарха, до последнего дня моего пребывания в Японии не только ни разу не нарушив доброго между мной и японскими властями согласия, но установив оное на прочных основаниях, смею думать, и надолго вперед»³².

Путятин не использовал тактику угроз или давления на японцев: «Глядя на японские батареи (в Нагасаки. – *Авт.*), где пушки стояли на старых станках или лежали вовсе без станков, мы могли сделать безошибочное заключение о жалком состоянии военного искусства в Японии. Берега эти не выдержали бы нападения самой незначительной силы с моря»³³.

Несмотря на многочисленные трудности и испытания, неблагоприятную международную атмосферу вокруг России, гибель фрегата «Диана», всяческое затягивание переговоров с японской стороны, Путятин проявлял благоразумие, такт, терпение, твердость и настойчивость, уважение к законам и обычаям Японии и сумел выполнить возложенную на него миссию – 7 февраля 1855 г. в городе Симода был подписан первый русско-японский трактат, установивший межгосударственные отношения между Россией и Японией. Договор был составлен на русском, японском, голландском и китайском языках. Подготовка текста велась на голландском языке, официальным считался текст на голландском языке. Перевод на русский язык был выполнен капитан-лейтенантом К.Н. Посьетом, входившим в состав посольства. Оригинал трактата на русском языке не сохранился, он сгорел во время бомбардировок Токио в 1945 г. Фотографии трактата между Россией и Японией сохраняются в архиве Токийского государственного университета. Вариант перевода текста на японский язык имел смысловые отличия от идентичных текстов на

голландском и русском языках, что впоследствии и привело к сложностям в трактовке территориальных вопросов. Согласно статье 2 «Трактата о торговле и границах, заключенного между Россией и Японией», вопрос о границах определялся следующим образом: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владения России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени»³⁴.

По мнению Путятина, в тех критических для России условиях более выгодного договора добиться было невозможно.

Путятин придавал большое значение Симодскому трактату. «После неоднократных и тщетных в прежнее время попыток нашего правительства совершилось заключение трактата о торговых и дружеских сношениях с Японией, которое при возрастающем развитии торгового мореплавания в нашем отечестве, при нынешнем распространении нашего народонаселения по берегам Восточного океана и соприкосновении российских границ с японскими, несомненно, приведет к самым благим последствиям для поддержания обоих государств»³⁵.

За подписание Симодского трактата Е.В. Путятину был пожалован титул графа, свидетельство об этом хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. На гербе Е.В. Путятина изображен щит, который поддерживает справа русский офицер с флагом чрезвычайного посольства, слева – японский солдат. Под щитом на серебряной ленте девиз, написанный черными буквами: «Не Нам, а Имени Твоему»³⁶.

Крымская война и агрессивные действия англо-французской эскадры на Тихом океане задержали обмен ратификационными грамотами Симодского трактата – это произошло лишь 25 ноября 1856 г. А 5 апреля 1857 г. Сенат постановил опубликовать Симодский трактат, все формальности для вступления его в силу были выполнены.

Литература

1. *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга (1725–1742). М.–Л., 1946.
2. *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.
3. *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.
4. [Головнин В.М.] Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. СПб., 1851.
5. *Новаковский С.И.* Япония и Россия. Токио, 1918.
6. *Зибольд Ф.* Действия России и Нидерландов к открытию Японии для торговли всех народов. Бонн, 1854 // Морской сборник, СПб., 1855, № 3.
7. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Одесса, 1890.
8. [Путятин Е.В.] Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852–1855 гг. // Морской сборник, СПб., 1856, № 10.

Примечания

¹ *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга (1725–1742). М.–Л., 1946, с. 173–182.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). СПб. Главный архив. I – 7, оп. 6, д. 1, п. 26, л. 53; *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890, с. 265; *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960, с. 52–64. Э.Я. Файнберг одной из первых разрешила ознакомиться с историческими документами в основных архивных фондах СССР, и она эту кропотливую работу выполнила добросовестно. Используя материалы, найденные в архивах, а также практически всю имевшуюся опубликованную литературу по данной теме начиная с XVIII в., в том числе и зарубежных авторов, она написала книгу, которая давно стала библиографической редкостью и до сих пор является основным пособием по теме русско-японских отношений. Сейчас Э.Я. Файнберг несправедливо обвиняют в том, что она не опубли-

ковала некоторые обнаруженные документы, забывая о том, в какое время была выпущена книга.

³ [Головнин В.М.] Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. СПб., 1851, ч. 1, с. 12.

⁴ АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 7, оп. 6, д. 1, п. 2, л. 6–9.

⁵ Там же, п. 28, л. 1.

⁶ Там же, л. 3.

⁷ Там же, л. 3–10, 56, 61–64.

⁸ Там же, п. 26, л. 2; п. 29, л. 1–40.

⁹ Там же, п. 23, л. 1–2.

¹⁰ Там же, п. 37, л. 189, 195.

¹¹ АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 9, оп. 8, д. 1, п. 15, л. 29; *Файнберг Э.Я.* Указ. соч., с. 82–86.

¹² АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 9, оп. 8, д. 18, л. 7–8.

¹³ Там же, оп. 781, д. 162, л. 61–65.

¹⁴ *Новаковский С.И.* Япония и Россия. Токио, 1918, с. 103.

¹⁵ *Файнберг Э.Я.* Указ. соч., с. 115.

¹⁶ АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 1, оп. 781, д. 153, л. 43–47.

¹⁷ Там же, д. 162, л. 48.

¹⁸ АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 9, оп. 8, д. 17, ч. I, л. 63–70, 78.

¹⁹ Там же, л. 123–125.

²⁰ *Файнберг Э.Я.* Указ. соч., с. 147.

²¹ АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 9, оп. 8, д. 17, ч. I, л. 58.

²² *Зибольд Ф.* Действия России и Нидерландов к открытию Японии для торговли всех народов. Бонн, 1854 // Морской сборник, СПб., 1855, № 3, с. 31–37.

²³ АВПРИ, СПб. Главный архив. I – 9, оп. 8, д. 17, ч. I, л. 165, 209, 284.

²⁴ Там же, л. 54.

²⁵ Там же, л. 55.

²⁶ Там же, д. 17, ч. II, л. 7.

²⁷ Там же, л. 44.

²⁸ Там же, д. 17, ч. I, л. 94–95.

²⁹ Там же, л. 227, 228.

³⁰ Там же, д. 17, ч. II, л. 12.

³¹ Там же, л. 107–110.

³² [Путятин Е.В.] Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852–1855 гг. // Морской сборник, СПб., 1856, № 10, с. 42–43.

³³ Там же, с. 49.

³⁴ Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Одесса, 1890, с. 731.

³⁵ *Файнберг Э.Я.* Указ. соч., с. 174.

³⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 388, ед. хр. 295, л. 1–13.

Н.А. Жерлицына

УСТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА В ТУНИСЕ И РОССИЯ

«Тунисский вопрос вышел на первый план» – так начинается донесение российского посла при Османской Порте Е.П. Новикова от 12 апреля 1881 г.¹ Захват Туниса Францией имел ощутимые последствия для всей системы международных отношений, затронув интересы и тех держав, которые не принимали участия в разделе африканского континента. К последним относилась Россия, которая оказалась перед угрозой значительного усиления противостоящего ей блока европейских держав – превращения двойственного германо-австрийского союза в тройственный, германо-австро-итальянский. Не могла оставаться равнодушной русская дипломатия и к влиянию франко-тунисского конфликта на взаимоотношения Франции с другими державами, в первую очередь с Германией, Англией и Турцией.

В течение более чем полувека Франция стремилась закрепиться в Тунисе, подорвав там турецкое влияние. Современник событий, известный русский географ и путешественник М.И. Венюков, считал, что решающую роль в судьбе Туниса сыграли итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Тунисия была приобретена для Франции ценою русской крови... кто же бы смел делить таким образом Турцию, если бы она предварительно не была расштатана русскими победами...»². Судьба Туниса была окончательно решена во время Берлинского конгресса. Державы предложили его Франции в качестве компенсации за потерю территорий в Европе.

Франции необходим был лишь повод для начала интервенции. С марта 1880 г. французская правительственная печать начала широко публиковать сведения о волнениях, якобы имевших место на алжиротунисской границе: племя крумиров, немногочисленное, но крайне воинственное, нападает на французские гарнизоны и французских подданных в Северной Африке. Пропаганда создавала впечатление, буд-

то французские граждане подвергаются преследованиям и опасности со стороны этих племен. Доселе никому в Европе неизвестные, крумиры стали предметом общественного интереса. Российский консул в Тунисе К. Ниссен счел необходимым сообщить следующие сведения в Санкт-Петербург: племена, обитающие в гористой местности неподалеку от алжирской границы, а именно нефза, могод, крумиры, учтета, мерезен, улед Али, бени мазен, улед Солтан, улед Мфодда, насчитывают приблизительно 15000 ружей, что говорит о наличии 70000 населения на территории от 250000 до 300000 гектаров. «Территория эта мало исследована, – писал консул, – из-за свирепого характера ее обитателей, народа дикого, независимого, самого нецивилизованного во всем регентстве. Крумиры, учтета и другие обитатели приграничных районов почти совсем не признают власти Бея, если только совсем номинально»³.

30 и 31 марта французские воинские части спровоцировали столкновения с крумирами, во время которых, по французским сообщениям, был убит французский солдат и еще один ранен. На следующий день французская правительственная печать подняла яростную кампанию по поводу «безвинно пролитой французской крови», и уже 7 апреля Палата депутатов по докладу председателя совета министров Жюльа Ферри, одного из создателей французской колониальной империи, ассигновала более 5 млн. франков на военную экспедицию в Тунис.

22 апреля три французских дивизии под командованием генерала Ф. де Боскенара вступили на территорию регентства и начали быстро продвигаться вглубь страны. Они заняли города Табарку, Бизерту, подошли к столице.

2 мая в Бизерте был высажен 8-тысячный французский десант во главе с генералом Бреаром, который осадил дворец бея в Бардо, расположив вокруг артиллерийские

батарей, оцепление и часовых. Генерал явился к бею в сопровождении консула Рустана для предъявления ультимативных требований. Позже бей Мухаммед ас-Садок направил премьер-министру Порты Саид-паше подробный отчет о происшедшем в Бардо. Генерал Бреар потребовал от бея подписать составленный французами договор, «способный разрешить существующие трудности», как он выразился, дав на размышление всего пару часов. «В таком случае, – ответил бей, – изучение содержания этого договора становится бесполезным, а настойчивость генерала не может быть истолкована иначе как давление на меня с целью получить согласие вопреки моей воле». «Убеденный, что любое сопротивление, кроме силового, бесполезно, – писал бей, – я вынужден был подчиниться, но не добровольно, а вопреки своему желанию. Моя ответственность перед богом и перед людьми заставила меня сохранить жизни и честь моих соотечественников. Я сказал, обратившись к генералу: “Так как Вы силой заставляете меня подписать договор, мне остается только подчиниться”. “Я предпринял действия, – ответил генерал, – положившие конец Вашей нерешительности”»⁴. Бей попросил французов не оккупировать столицу, чтобы сохранить престиж власти и избежать волнений. Франция удовлетворила просьбу.

Бардоский договор состоял из 10 статей. В соответствии с ним между Францией и Тунисом устанавливался «союз», бей давал свое согласие на оккупацию территории страны французскими войсками. Договор запрещал бею вести дела с другими иностранными державами без согласия Франции. Франция назначала министра-резидента Туниса, который выполнял обязанности министра иностранных дел, и командующего французским корпусом, руководившего и тунисской армией. Чтобы избежать недовольства европейских держав, статья 4 обязывала Францию уважать и гарантировать соблюдение всех договоров, заключенных между беем и другими государствами. Характеризуя этот документ, российский посол в Париже Н.А. Орлов писал, что «договор о гарантии, навязанный бею, ставит в действительности этого последнего под эф-

фективный протекторат Франции», а посол в Риме барон К.П. Икскуль уточнял: «Этот договор делает бея, так сказать, вассалом Франции»⁵.

С французской точки зрения, режим, установленный в Тунисе в соответствии с Бардоским договором, был более простым и выгодным по сравнению с аннексией, как это было в Алжире. Он имел несколько преимуществ: он сохранил за беем видимость власти, что успокаивало великие державы, желавшие сохранения статус-кво в регионе. И он облегчал принятие внутри страны нового порядка вещей местным населением, что, в свою очередь, помогло избежать военных расходов. Глава французской католической миссии в Тунисе кардинал Лавижери сказал по этому поводу: «Режим протектората в Тунисе позволил нам сэкономить на религиозной войне»⁶.

Реакцию России на захват французами Туниса можно охарактеризовать как стремление уклониться от какого-либо вмешательства, чтобы не осложнять отношения с Францией, возможным союзником против австро-германского блока. Первые обращения Порты к России носили характер дипломатического зондажа. В апреле 1881 г. премьер-министр Турции Саид-паша и министр иностранных дел Ассим-паша в беседах с русским послом в Константинополе Е.П. Новиковым просили его донести до российского правительства позицию Порты в тунисском вопросе. На что посол отвечал, что «Тунис слишком удален от нас и может представлять для нас только второстепенный интерес». Турецкие министры ответили на это: «Тунис находится далеко от вас, но Турция все-таки ваш сосед»⁷. Похожий ответ получил и турецкий посол в Петербурге Шакир-паша в беседе с управляющим МИД Н.К. Гирсом, посветовавшим турецкому правительству «не вступать в серьезную распрю с Францией»⁸. В депеше министра иностранных дел Порты Ассим-паши, направленной 12 июня 1881 г. послу этой страны Шакир-паше в Петербург, говорится: «Я даю вам распоряжение представить эту информацию серьезному и благожелательному вниманию его превосходительства министра иностранных дел России. Прошу вас заявить министру, что Вы-

сокая Порты настаивает на своих правах на Тунис более чем когда-либо и не в коей мере не признает за навязанным паше Туниса договором никакой силы и ценности»⁹. Посол в Константинополе Е.П. Новиков докладывал в Петербург: «Со своей стороны Порты также озабочена происходящим в Тунисе, который она считает частью Османской империи. Особое значение для султана имеет тот факт, что тунисцы являются мусульманами, и он в своем качестве халифа правоверных скорее склонен уступить иностранной державе греков в Фессалии, чем мусульман в Африке <...> Тунисский вопрос сильно беспокоит султана не только как главу государства и халифа, но и по причине распространения среди арабского населения Империи сепаратистских тенденций. Если он поступится Тунисом, связи Турции с арабским миром ослабнут еще больше»¹⁰. В донесении в Петербург от 19 апреля посол Новиков сообщал о реакции правящих кругов Турции на происходящее в Тунисе. Османская Порты намеревалась заявить Франции формальный протест. «А дальше?» – спрашивали иностранные представители министра иностранных дел Порты. «А дальше, – ответил Ассим-паша, – что мы можем сделать одни, если великие державы нас не поддерживают?»¹¹.

25 апреля 1881 г. Н.К. Гирс направил послу России в Константинополе Е.П. Новикову депешу, излагавшую официальную позицию России по поводу французских действий в Тунисе: «К нам обратился бей Туниса по поводу конфликта с Францией. Мы воздержались от ответа на это обращение. Германия и Австро-Венгрия поступили подобным образом. Я ответил Шакир-паше, что Тунис находится слишком далеко от нас и мы не имеем там национальных интересов. Для России представляется невозможным предпринимать какие-либо действия в этом отношении»¹².

Уже 16 июня 1881 г. Н.К. Гирс направил российскому консулу в Тунисе К. Ниссену указания по работе в новых условиях – условиях французского управления. «Министр иностранных дел был проинформирован, что некоторые из держав, а именно Германия и Австро-Венгрия, уже ответили положительно на циркуляр министра-рези-

дента Франции в Тунисе, в котором он призывает иностранных представителей в этой стране вступить с ним в официальные отношения. Мы считаем должным разрешить Вам действовать так же, если только у большинства Ваших коллег не возникнет с этим никаких проблем»¹³. То есть Россия признала факт перехода Туниса под управление Франции и согласилась с ним.

По крайней мере трижды – 26 апреля, 5 мая и 15 июля – Мухаммед ас-Садок направлял канцлеру России А.М. Горчакову телеграммы, прося о посредничестве в урегулировании отношений с Францией: «Мы обращаемся с призывом к нашему мудрому союзнику, Его Величеству, а также ко всем великим державам, подписавшим Берлинский трактат¹⁴, выступить посредниками между нами и Правительством Республики». Протесты тунисского бея были оставлены без ответа. Александр III начертал на этих документах: «Нам, я думаю, просто ничего не отвечать». Горчаков оставил на телеграммах тунисского бея следующие резолюции: «Попробовали бы мы сделать подобную штуку, как бы вся Европа восстала!», «Посмотрим, что намерены сделать прочие державы? Нас оно мало касается и интересует»¹⁵.

Вряд ли следует понимать все эти слова буквально. Правительство России было обеспокоено случившимся, и это беспокойство и даже раздражение чувствуются в вышеприведенных резолюциях. В Петербурге понимали, что захват Туниса приведет к серьезным изменениям в расстановке сил на дипломатической арене в пользу австро-германского блока. Реакция России объяснялась тем, что после Берлинского конгресса одной из приоритетных задач ее внешней политики стало укрепление сотрудничества со странами Европы, и в первую очередь с Францией. Российскую позицию в тунисском вопросе определял общеевропейский фактор, стремление координировать свои действия с позицией европейских партнеров.

В ряде донесений русских дипломатов из Парижа и Рима рассматривался вопрос о международных последствиях французского вторжения в Тунис. В депеше от 30 марта/11 апреля 1881 г. посол Д.А. Кап-

нист писал, что «это дело останется всегда зародышем враждебности между Францией и Италией, которая может со временем стать фактором большой важности в политической игре в Европе»¹⁶. «Князь Бисмарк, – писал Н.А. Орлов, – побуждая французов идти в Тунис, достиг очень важной цели. Франция отныне поссорена с Италией»¹⁷. Повлиял захват Туниса и непосредственно на русско-французские отношения. Российскую дипломатию беспокоило то, что крупные силы французской армии надолго останутся в Магрибе и никакая держава не сможет в течение длительного времени рассчитывать на ее практическую поддержку. Русский военный атташе в Париже полковник Л.А. Фредерикс указывал в донесениях, что к концу октября 1881 г. общая численность французских войск в Алжире и Тунисе составила 123 тыс. человек, то есть более четверти всех вооруженных сил Франции, из чего он делал вывод о значительном ослаблении военных позиций Франции в Европе¹⁸.

Высокая Порта заявила протест Франции еще в апреле 1881 г. и пыталась привлечь к тунисскому вопросу внимание европейских держав. Узнав об остром конфликте между беем Туниса и французским представителем, султан Абдул-Хамид попытался вмешаться в ситуацию, преследуя двойную цель: подтвердить свой сюзеренитет над Тунисом, закрепленный фирманом 1871 г., и выступить в качестве арбитра между Францией и Тунисом, соглашаясь при этом признать «особые интересы» Франции. В Константинополе понимали, что эта опасная ситуация требует неординарных мер. Султан планировал сместить бея Туниса Мухаммеда ас-Садока и поставить во главе Тунисского регентства генерала Хайрадина, бывшего премьер-министра Туниса, который после отставки в 1877 г. был приглашен Абдул-Хамидом в Константинополь и назначен великим визирем Османской империи. Об этих планах с тревогой сообщил в Париж французский посол в Константинополе Тиссо¹⁹. Хайрадин не хотел предпринимать какие-либо шаги без предварительных консультаций с представителями французского правительства. Ге-

нерал не скрывал, что если он займет место бея, то будет настаивать на принципе турецкого сюзеренитета над Тунисом, что, конечно же, не устраивало Францию. Порте пришлось отказаться от этих планов из-за угроз со стороны Франции послать в Ля Гулетт эскадру, которая бы воспрепятствовала высадке Хайрадина на тунисский берег.

Надежды тунисских и турецких лидеров на то, что великие державы придут на помощь Тунису, развеялись уже в первые недели мая. Призыв о помощи, прозвучавший из Турции 3 мая 1881 г., не получил поддержки. Российский посол в Берлине П.А. Сабуров информировал МИД о своей беседе с Бисмарком, во время которой канцлер сообщил, что получил одну за другой две телеграммы от тунисского бея Мухаммеда ас-Садока с просьбой о посредничестве в переговорах с Францией. «Я предлагаю ответить отказом и посоветовать бео самому договариваться с Францией», – был ответ Бисмарка²⁰. Английский посланник в Константинополе Гошен в ответ на призывы Порты о помощи заявил: «Англия не имеет в Тунисе никаких специальных интересов и не может отделяться от других держав»²¹.

Прямым результатом Бардоского договора стало падение правительства Б. Кайроли в Италии, сметенного бурей негодования. Французский посол в Риме в последующие несколько месяцев опасался за собственную жизнь, а перед зданием посольства происходили постоянные манифестации. Конфликт между Францией и Италией сохранялся в острой форме до 1883 г. Италия никак не хотела признать французский протекторат как свершившийся факт и усердствовала в создании своего рода итальянского государства в государстве тунисском. Подтвердились и наихудшие опасения российской дипломатии – захват Туниса был одной из причин, подтолкнувших Италию к вступлению в австро-германский союз 20 мая 1882 г. Враждебный по отношению к России двойственный союз превратился в тройственный.

Бей Мухаммед ас-Садок умер в 1882 г. Его брат и наследник Али подписал в 1883 г. франко-тунисскую конвенцию в Ля Марсе. Согласно этому документу, в Тунис-

се был установлен французский протекторат, бей терял контроль над внутренними делами Туниса.

Начали осуществляться продиктованные из Франции и разработанные в ее министерствах административная, юридическая и финансовая реформы. Сенат и палата депутатов Франции приняли 28 марта 1883 г. закон, устанавливающий французскую юрисдикцию в Тунисе. Декрет бея Туниса от 18 апреля того же года утвердил этот закон в Тунисе. В соответствии с ним в Тунисе был создан французский суд первой инстанции и шесть мировых судов. Проведение реформ было возложено на Поля Камбона, с 1882 г. занимавшего пост генерального резидента Франции в Тунисе и «управлявшего от имени бея всем Тунисом сверху донизу»²². Сохраняя видимость тунисского суверенитета, Камбон поставил страну под полный контроль Франции.

Уже в 1883 г. началось введение в Тунисе французского законодательства и организация французских судов. Французские реформы в Тунисе не могли начаться, пока продолжали действовать капитуляции. Полномочия французских судов не распространялись на иностранцев, которые подчинялись юрисдикции консулов своих стран, поэтому Франция не могла обеспечить исполнение инспирированных ею декретов бея без сотрудничества консульских властей. Другого выхода, кроме добровольного отказа всех держав от капитуляционных привилегий, не было. И Франция преуспела в получении этого отказа путем прямых переговоров с державами в 1882–1897 гг. Чтобы освободиться от такого препятствия, какое представляли капитуляции, Франция старалась заручиться согласием каждой европейской державы в отдельности, чтобы в конце концов изолировать Италию, которая сопротивлялась дольше всех. Благоприятное отношение со стороны Австро-Венгрии, России, Англии и Германии позволяли ей надеяться на скорое изменение позиции Италии. Италия, отвечая пожеланиям своей колонии в Тунисе, отказывалась договариваться по другим вопросам, кроме тех, что касались судов. 25 января 1884 г. она подписала протокол, согласно которому «в

Тунисе прекращало существование правосудие консульских судов»²³, их полномочия были переданы французским судам.

Французское законодательство должно было распространяться на всех иностранцев, проживавших в Тунисе, и поэтому большинство европейских стран согласилось отказаться от консульской юрисдикции, к которой они прибегали в защите от тунисского правосудия. Вот как описывал суть изменений российский консул К. Ниссен в донесении послу России во Франции А.П. Моренгейму: «До французской оккупации, когда возникал конфликт между местным жителем и европейцем, он выносился на рассмотрение шариатского суда, но судебное решение, вынесенное шариатским судом, не действовало в отношении европейца, пока не было официально подтверждено правомочным консулом. Без этой экзекватуры судебное решение оставалось недействительным. В связи с упразднением консульской юрисдикции право рассмотрения и исполнения было передано французским судам, ставшим, таким образом, представителями всех держав, а решения тунисских судов, как судов иностранных, не подлежали исполнению по отношению к европейцам, если только не были одобрены французскими судами»²⁴. Подданные России в Тунисе также подпадали под действие нового французского законодательства. Между французским посольством в Петербурге и МИД России завязалась по этому поводу переписка. Управляющий МИД Н.К. Гирс выразил согласие России на это нововведение: «Исходя из высоких чувств справедливости к французскому правительству, российское правительство полно решимости не высказывать ему никаких возражений против новой юрисдикции над русскими подданными. Российское правительство надеется, что другие великие державы, имеющие интересы в Тунисе, не найдут никаких препятствий тому, чтобы последовать за примером России»²⁵. Официально Россия отказалась от собственной юрисдикции в Тунисе в пользу французской 5 августа 1884 г., хотя и оговорила некоторые условия, например, в отношении лиц, состоявших под покровительством России.

Консул К. Ниссен сообщал в МИД России о трудностях, с которыми пришлось столкнуться властям протектората в ходе проведения юридической реформы: «Французам едва ли удастся победить упорное сопротивление мусульманского духовенства, и вместе с ним бея, и подчинить без насилия действию своего судопроизводства тунисских мусульман. Замена священного, обычного права (“шариат”) постановлением Наполеоновского кодекса²⁶ была бы для последних крайне тягостна. Пример неудачного опыта подобной замены налицо – в Алжире. Тамашнее население не может по сию пору свыкнуться с французским законодательством, противоречащим коренным образом складу жизни и верованиям мусульман»²⁷. Администрация протектората решила не вмешиваться в мусульманское религиозное правосудие. Бейский суд, рассматривавший уголовные дела тунисцев, продолжал работать в столице под присмотром французской администрации.

Таким образом, захват Туниса Францией имел серьезные последствия в области международной политики. Франция приобрела чрезвычайно враждебного противника в лице Италии. Заключение Тройственного союза подтолкнуло Россию к союзу с Францией. Так в конце XIX в. в Европе стала складываться система военно-политических союзов, противостоящих друг другу.

Литература

1. Венюков М.И. Современная Тунисия // Русская мысль. М., 1893, №4–5.
2. Нерсесов Г.А. К истории французского вторжения в Тунис в 1881 г. // Африканский сборник. М., 1963.
3. Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871–1891 годов. М., 1952.
4. Soumille P. Européens de Tunisie et questions religieuses (1892–1901). Paris, 1975.
5. Bardin P. Algériens et Tunisiens dans l'Empire Ottoman de 1848 à 1914. Paris, 1979.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. 1881. Д. 2883. Л. 9.
- ² Венюков М.И. Современная Тунисия // Русская мысль. М., 1893. № 4–5, с.1.
- ³ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482. 1881. Д. 1463. Л. 21–24.
- ⁴ Там же. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 2883. Л.14.
- ⁵ Нерсесов Г.А. К истории французского вторжения в Тунис в 1881 г. // Африканский сборник. М., 1963. С. 176.
- ⁶ Soumille P. Européens de Tunisie et questions religieuses (1892–1901). Paris, 1975. С. 5.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 2883. Л.9.
- ⁸ Там же. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470. 1881. Д. 37. Л. 137.
- ⁹ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1881. Д. 1463. Л. 8.
- ¹⁰ Там же. Л. 26.
- ¹¹ Там же. Л. 27.
- ¹² Там же. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 2883. Л. 13.
- ¹³ Там же. Л. 18.
- ¹⁴ Берлинский трактат заключен 13.7.1878 г. державами – участниками Берлинского конгресса, созванного для пересмотра Сан-Стефанского предварительного мира 3.3.1878 г. между Россией и Османской империей.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 2883. Л.15; там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1881. Д. 1463. Л. 37, 68.
- ¹⁶ Там же. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470. 1881. Д. 105. Л. 61.
- ¹⁷ Нерсесов Г.А. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁸ Там же. С. 183.
- ¹⁹ Bardin P. Algériens et Tunisiens dans l'Empire Ottoman de 1848 à 1914. Paris, 1979. С. 91.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470. 1881. Д. 28. Л. 365.
- ²¹ Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871–1891 годов. М., 1952. С. 287.
- ²² Венюков М.И. Указ. соч. С. 15.
- ²³ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 2883. Л. 74.
- ²⁴ Там же. Л.83.
- ²⁵ Там же. Л. 23.
- ²⁶ Наполеоновский кодекс – французский гражданский, коммерческий и уголовный кодексы норм буржуазного права, выработанных при личном участии Наполеона.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 2883. Л. 41.

В.В. Беляков

ГАЗЕТА «РУСЬ» О ЗАХВАТЕ ТУНИСА ФРАНЦИЕЙ

В предыдущей статье Н.А. Жерлицына рассмотрела вопрос о реакции официальной России на установление французского протектората над Тунисом в 1881 г. Интересно, однако, познакомиться и с тем, как реагировала на это событие российская общественность. В качестве примера приведем публикации еженедельной газеты «Русь». Ее издателем и редактором был Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), сын выдающегося русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859). Поскольку И.С. Аксаков считался одним из идеологов славянофильства, публикации газеты (она выходила в 1880–1886 гг. в Москве) отражали воззрения лишь одной, но весьма влиятельной части российского общества.

2/14 мая 1881 г. «Русь» следующим образом отозвалась на захват французскими войсками Бизерты. «Вот еще вопрос, неожиданно выскочивший на политическую арену, – вернее сказать, вызванный самой Францией. Подвластное тунисскому бею племя хрумиров (точнее – крумиров. – В.Б.) сделало набег на алжирскую территорию, принадлежащую Франции. Французское правительство воспользовалось этим случаем, чтобы пожать дешевые военные лавры, доставить некоторое удовлетворение славолубию своей нации, показать, что демократическая, в сущности же буржуазная республика умеет отстаивать честь Франции оружием, а вместе с тем испытать свою новую армию, сделать первую пробу – хоть несколько, хоть некоторую ее часть обкурить порохом. Разумеется, сначала, как водится, французское правительство поспешило успокоить переполошившуюся было Европу, особенно Италию, что дело идет только о наказании хрумиров. Лавры, конечно, были дешевы, потому что сам тунисский бей объявил, что сопротивляться силой не будет, и только протестовал о нарушении его прав. Хрумиры потерпели поражение при первой встрече, но вместе с тем одна французская колонна заняла г. Бизерту, отстоящий совсем в стороне от хруми-

ров и всего в 60 верстах от Туниса. Опять был переполох: в Англии вспомнили, что Бизерта соединяется со Средиземным морем посредством озера, стало быть имеет весьма важное значение с точки зрения морской стратегии; в парламенте сделан был даже запрос о том, но Дилк от лица правительства объявил, что французское правительство удостоверило английского посла Лайонса, что “обладание Бизертой не входит в его планы”. Последовал запрос и в итальянской палате депутатов, но последовал и ответ министра Каироли, что занятие Бизерты не изменяет положения итальянского правительства в Тунисе. По общему мнению, впрочем, тайная цель экспедиции: заставить бея признать французский протекторат. Но так как бей считается вассалом турецкого падишаха, то в Константинополе несколько встревожились таким бесцеремонным отношением к достоинству тунисского сюзерена – султана и хотели бы послать к Тунису несколько военных кораблей. Однако Франция чрез своего посла категорически заявила Порте, что сочтет такую посылку равносильной объявлению войны... И все в Европе спокойны, никто от такого явного нарушения международного права не приходит в то “честное негодование”, каким непременно одушевилось бы до пафоса все “европейское общественное мнение”, если бы что-либо подобное учинила наша Россия»¹.

Автор еженедельного «Политического обозрения», откуда взята эта цитата (вероятно, сам И.С. Аксаков, поскольку оно не подписано), указал и на цель экспедиции – навязать Тунису французский протекторат, и на то, что подобные действия со стороны России вызвали бы совершенно иную реакцию. Вряд ли он знал о приведенной в предыдущей статье резолюции канцлера А.М. Горчакова на телеграмме тунисского бея, призывавшего Россию помочь его стране: «Попробовали бы мы сделать подобную штуку (то есть захватить, как Франция, чужую территорию. – В.Б.), как

бы вся Европа восстала!» Двойные стандарты, наблюдаемые нами и поныне, уходят, как видим, корнями в конец XIX в.

Для И.С. Аксакова причина подобной политики двойных стандартов была предельно ясна. «Пора, кажется, убедиться, – отмечалось в том же “Политическом обозрении”, – что у нас нет искренних и честных друзей в Европе, нет даже платонических доброжелателей, – что никакими учтивостями, предупреждениями и уступками не снискать нам расположения от Запада. Тут исторический враждебный инстинкт, действующий даже сильнее очевидных расчетов»². Вывод, по нашему мнению, не потерял своей актуальности и поныне.

В следующем номере газеты, когда исход тунисской экспедиции Франции был уже ясен, редакция «Руси» посвятила ей еще более пространный комментарий. «Самое крупное, или вернее – эффектное событие в политике последних дней – это присвоение себе Францией Туниса. Говорим – присвоение, хотя, конечно, Франция готова всячески отчураться от такой грубой характеристики ее намерений и действий. Удивительный мир – этот мир европейской дипломатии и внешней политики вообще, мир условной, заведомой лжи, поклоняющийся лишь наружному декоруму, требующий лишь одного: соблюдения международных приличий! Qui trompe-t-on ici? Кого здесь обманывают? Невольно вырывается простодушный вопрос у иного наблюдателя современных исторических дел, – вопрос простодушный потому, что собственно никого и не обманывают, разве себя самих. Но в сущности нет даже и никакого самообмана, – а только сохранение *благовидности*, предпринимаемое некоторой совестью: это именно то лицемерие, которое многие моралисты признают как бы данью уважения к незыблемым законам нравственной истины. В области же внешней политики приходится поневоле сжигать некоторые дешевые жертвы, или попросту лгать из уважения к принципам “международного права”, так как каждой державе эти принципы могут подчас и понадобиться для опротестования действий чужой державы, хоть бы России, например! Чего не писали и немцы, и англичане, и особенно

французы по поводу совершенно законного возвращения себе Россией отнятой у нее в 1856 г. и прирезанной к Румынии части Бессарабии, – хотя за эту небольшую часть Румыния обогатилась целой приморской областью – Добруджей?! А захват Австрией Боснии и Герцеговины не возмущил ни единого из этих рьяных защитников международного права, хотя нет ни одного европейца, который бы не ведал, что “временная оккупация” этих провинций не более, как наглая ложь и означает именно захват, тем более возмутительный, что он не явился результатом какой-либо военной победы, а совершен в мирное время у союзного государства, да еще под предлогом дружеской услуги! Как витийствовали французские публицисты по поводу албанцев, вынужденных уступить жалкий городишко Ульцин Черногории, и по поводу нашего похода против “вольнолюбивых” текинцев, – а вот теперь сами французы захватывают Тунис. Но они не захватывают, нет! Они только “подчиняют Тунис своему протекторату”... Всякому было ясно, что усмирение хрумиров только предлог, что виды Франции простираются далее, и однако же “совершившийся факт”, совершенный, нужно признаться, быстро и ловко, произвел сильное впечатление в Европе. Подойдя близко к Тунису, несмотря на протесты Порты, французы принудили бея подписать с ними трактат, в силу которого, сохраняя за беem призрак государя, юридически и фактически подчиняют себе и бея, и всю страну»³.

«Русь» рассматривала захват Францией Туниса в контексте европейской политики. Напомним, что в результате войны с Пруссией в 1870–1871 гг. Франция лишилась Эльзаса и части Лотарингии и должна была выплатить Пруссии контрибуцию в размере 5 млрд. франков⁴. Поэтому, как считала газета, французы нуждались в военном успехе, даже если он осложнит их отношения с союзниками. «Англия дуется, “Times”, да и все лондонские газеты ворчат, обвиняют Францию в лицемерии, признают ее действия опасными для европейского мира, нарушающими права Турции, но все, конечно, ворчанием только и ограничится. Италия негодует, и с полным, конечно, основанием, ибо и права ее, и инте-

ресы на Средиземном море одинаковы с Францией, но негодует бесплодно. Политическая немощь “единой” Италии обнаружилась и на сей раз, но ярче чем прежде. Зато Бисмарк поспешил поздравить Францию с успехом и радуется, по-видимому, вполне искренне. Да и как не радоваться: прежде всего такая политика Франции охлаждает ее отношения к Англии и Италии, следовательно лишает ее надежных союзников; затем она все-таки может наделать Франции еще немало хлопот, так как, по последним известиям, поднимаются на французов некоторые независимые арабские племена, покорение которых потребует времени, людей и денег, а главное отвлекает на некоторый срок думы французов от Эльзаса с Лотарингией и от отместки Германии. Понятно, что Бисмарк категорически заявил послу Франции в Берлине, что Германия нисколько не намеревается стеснять Францию относительно тунисской ее экспедиции! <...> Французы, разумеется, в восторге вовсе не потому, конечно, чтоб их прельщало такое африканское будущее, но потому, что так жаждали они восстановления своей внешней чести и политического в Европе “престижа”! Без сомнения, такой успех упрочивает положение республиканского правительства сильнее, чем какие-либо внутренние наиболеальнейшие мероприятия...»⁵.

Подробно комментировала газета и ближайшие последствия захвата Францией Туниса. «Франция не на шутку врезалась в тунисскую западню и, вероятно, охотно бы отдала назад свои дешевые победоносные лавры, если б ей могли возратить ее алжирское status quo месяца за четыре тому назад!» – писала «Русь» 11/23 июля 1881 г.⁶ В доказательство газета приводила осложнение отношений Франции с Англией и особенно с Италией, а также события в Алжире. «Французы не могли не смутиться, но легкомысленно надеясь, что дело обойдется, что Англию можно будет как-то ублажить уступками по торговому трактату, Италию – ласковыми словами, стали поговаривать о необходимости захватить в сферу своих интересов и Триполи, как вдруг в самом Алжире вспыхнул мятеж: некоторые арабские племена, под

предводительством Бу-Амема, восстали,⁷ учинили по городам страшную резню французских колонистов, и казалось прочно усмирившийся, подчинившийся игу “высшей культуры” Алжир снова стал не безопасен на своих границах. А французский военный министр до того был убаюкан мыслью, что все обстоит благополучно, к вящей славе французского оружия, что тотчас по заключении трактата с тунисским беєм велел войскам возвращаться назад. Между тем, ввиду настоящих событий, потребовалось напротив двинуть немедленно в Алжир тысяч 20, и происходит следующее зрелище французской распорядительности: в то самое время, как одни суда vyplывают из южных портов Франции, нагруженные солдатами для новых битв с врагами, другие суда, нагруженные французскими солдатами, возвращаются назад после “успешной и достолавной кампании!”

К довершению бед, в Триполи действительно скопляется гроза на Францию, т.е. на ее владычество в Африке. Турция перевозит туда исподволь войска, там происходят совещания арабских племен... Вступить в борьбу с ними и с Триполи, это значит вступить в борьбу с Турцией, это значит поднять уже не один местный, колониальный, а европейский вопрос: вот пред чем очутилась внезапно Франция! Она сорвала сначала сердце на Альберте Греви, брате президента, алжирском генерал-губернаторе. Его сменили. Назначили новых генералов. Одним словом, тунисский вопрос усложнился алжирским и триполитанским, и дипломатическими мудренными комбинациями. Французы гnevаются и еще пуще гnevаются оттого, что среди всего этого бранного гула слышится им, или их слуху мерещится, насмешливое хихиканье Германии»⁸.

Автор комментариев в газете «Русь» по поводу захвата Францией Туниса не возвысил свой голос в защиту тунисского народа от колониальной экспансии. Но он ярко и убедительно разоблачил лицемерие европейских держав, прикрывавших международный разбой рассуждениями о приоритете права и руководствовавшихся в своих действиях двойными стандартами.

Примечания

¹ «Русь», № 25, 1881, с. 7–8.

² Там же, с. 8.

³ Там же, № 26, 1881, с. 10.

⁴ История дипломатии. Том первый. М., 1941, с. 525.

⁵ «Русь», № 26, 1881, с. 10.

⁶ Там же, № 35, 1881, с. 8.

⁷ Восстание племен улед сиди шейх в Западном Алжире в 1881 г. было последней вспышкой продолжавшейся полвека вооруженной борьбы алжирского народа против французских колонизаторов. См.: Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. Второе издание. М., 1966, с. 238.

⁸ «Русь», № 35, 1881, с. 9.

А.Н. Хохлов

ПОЗИЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА КИТАЯ ЮАНЬ ШИКАЯ В ОТНОШЕНИИ КОНФУЦИАНСТВА И ЕГО ПОПЫТКА РЕСТАВРАЦИИ МОНАРХИИ В КИТАЕ¹

Синьхайская революция, поначалу охватившая большинство провинций Центрального и Южного Китая вслед за успешным восстанием местного гарнизона Учана 10 октября 1911 г., завершилась в январе 1912 г. отречением от престола маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 г., и установлением в этой стране республиканской формы правления. Провозглашение в одной из крупнейших стран Азии республики вызвало широкий всплеск положительных эмоций в кругах общественности наиболее развитых государств Европы и Америки.

За ходом революционных событий в соседнем Китае с огромным вниманием следили и россияне, о чем свидетельствуют, например, материалы российской столичной и провинциальной прессы. Так, выходившая в Чите газета «Забайкальская новь», суммируя высказывания столичной печати, 19 октября / 1 ноября 1911 г. сообщала: «Русские ведомости» посвящают совершающимся в Китае событиям не лишенную самого живого интереса статью. Газета пишет: «Легенда о „недвижном Китае“ не так давно, но зато окончательно сдана в архив человеческих заблуждений. Более внимательное и точное изучение Китая показало, что эта страна, вмещающая на своей территории почти четвертую часть всего человечества, не умерла, не застыла, а так же беспрестанно движется в поисках лучшего будущего... Ознакомление с духовной жизнью Китая дало нам представление об очень высокой степени цивилизации, достигнутой китайским народом... можно в общем сказать, что как культурный тип китайцы с их широко разработанным рационалистическим мировоззрением представляют высший культурный тип среди народов желтой расы (здесь и далее курсив мой. – А.Х.)».

Оценки последующих событий в Китае после провозглашения этой страны респуб-

ликой, судя по сообщениям зарубежной прессы, в том числе российской, нередко полны пессимизма, что заставляет более критически оценивать положение дел в тогдашнем Китае. Приводимые факты из жизни этой страны и ее населения не позволяют говорить ни о серьезных переменах в общественной жизни только что провозглашенной республики, ни о существенных изменениях в ее политике, экономике и культуре. Вот что писала по этому поводу выходившая в Харбине газета «Восток» 27 мая / 9 июня 1912 г.: «Революция, несмотря на свою быстротечность, успела порядочно-таки разорить Китай, т.к. китайские бумажные деньги совершенно обесценились, а серебра в стране очень мало. Исчезли главные источники бесчисленных банкирских контор. Они заменяют коммерческие банки, которых у китайцев не имеется, исключая немногих иностранных в крупных портовых городах. Это – очень характерная черта [Китая]: нация коммерсантов до сих пор не додумалась до европейского типа – акционерного европейского капитала... Китаю пока не до протекционизма, ибо китайская фабричная промышленность находится еще в зародыше и к конкуренции совершенно не готова».

Интересно, на наш взгляд, и другое ниже следующее суждение этой же газеты: «Всюду и во всем ощущается какая-то неуверенность, неопределенность, недоверие к настоящему и будущему положению... Быстрое приведение в порядок [основ] нового строя, который для главной массы народа совершенно не понятен, положительно невозможно. Во время подъема и движения революции народная масса верила и ожидала отмены тяжелых налогов и поборов, что главное для народной массы, а таковые теперь, после [совершившегося] переворота, остаются все те же или еще тяжелее...».

Касаясь общего положения молодого республиканского Китая и считая его безвыходным, харбинская газета «Восток» 24 июня / 7 июля 1912 г. подчеркивала: *«Китай в данный момент представляет картину беспримерной анархии. Хуже всего то, что не предвидится и конца этой анархии, т.к. Китай оказался в заколдованном круге: ни одна из борющихся [политических] партий не получила перевеса, почему и признание иностранными державами происшедшей в нем перемены не может быть достигнуто, а это в свою очередь прямо отражается на его [внешнем] кредите...»*

Никакого правительства на самом деле не существует: китайский “великий человек” Юань Шикай, на которого возлагалось так много надежд, в действительности оказался рядовым мандарином, а премьер-министр Тан Шаои даже подал в отставку и буквально бежал из номинальной столицы государства...».

Созвучную оценку административной деятельности Юань Шикая, продолжавшего управлять страной старыми методами, принятыми до свержения маньчжурской династии, находим в той же газете «Восток» от того же числа, где приводится любопытное интервью с одним китайским революционером (Сюй Панлином). В беседе с корреспондентом газеты «Русское слово» в Брюсселе этот деятель заявил: *«Вы думаете, Китай это теперь республика. По внешнему виду это, может быть, и верно по отношению к Южному Китаю, насквозь пропитанному ненавистью к маньчжурам. Но на севере все осталось по-прежнему. В этот приезд я пересек северные провинции и лично убедился, что народ там совершенно не понимает [существа] республики, считает басней рассказ о низложении [цинского] императора и принимает Юань Шикая за простого министра или вице-короля богдохана»*.

Обращаясь к внешнеполитической ситуации Китая после провозглашения республики, что, однако, не спасло страну от экономического засилья западных держав, газета «Восток», отмечая некоторое оживление торгово-промышленной деятельности после временной остановки в период революции, тем не менее 12/25 июня

1912 г. была вынуждена констатировать: *«После сильного народного подъема в период [Синьхайской] революции наступила черная полоса жизни, когда силою вещей приходится отдавать себя в руки тех самых иностранцев, от которых Китай так долго и страстно пытался избавиться»*. О кризисном состоянии Поднебесной свидетельствовало и серьезное напряжение в правительственных войсках в связи с невыплатой жалования рядовому составу, на что указывала харбинская газета «Восток» 19 июня / 2 июля 1912 г.: *«За последние четыре месяца были частые солдатские бунты только из-за задержек уплаты жалования солдатам, что происходило лишь потому, что в данное время нельзя считать, что в Китае все благополучно и спокойно – до спокойствия еще слишком далеко»*.

Для понимания внутривластного состояния Китая в условиях недавно провозглашенной республики небезынтересным представляется и высказывание пекинского корреспондента английской газеты «Таймс». Журналист приводит вывод знатоков современной жизни Китая о том, что «молодой Китай ничем не отличается от старого, что представительное правление в нем невозможно, что республика – лишь новое название для старого деспотизма, что на высших местах [постах] едва ли найдется шесть честных людей [из десяти], что центробежное течение в провинциях усиливается...».

Новое правительство совсем не знает истории и не хочет воспользоваться ее уроками. Оно бессильно воздействовать на провинции, что особенно заметно в его борьбе с культурой мака для добывания опиума. В целом ряде провинций (Юньнань, Сычуань и др.) маком засевают целые территории... Отменив старое правило, в силу которого никто не может служить в той провинции, где он родился, правительство страшно усилило провинциальный партикуляризм. Назначение чисто местных чиновников только облегчает стремление провинций к автономии и исключает возможность установления строгой централизации...

Обращение властей с населением ужасно, массовые казни практикуются по-

прежнему. Таможенные пошлины за последние три месяца упали на 10%, торговые налоги дали дохода меньше на 350 тыс. фунтов».

В корреспонденции, предназначенной для английской публики, для нашего сюжета особенно важен следующий пассаж: *«Общественное мнение все надежды возлагает только на одного Юань Шикая... Если он облечет себя диктаторской властью, возьмет в свои руки верховное и неограниченное руководство делами, то это будет первый шаг к тому, чтобы гарантировать Китаю период возрождения и мира. К этому склоняется общественное мнение страны»*².

На фоне приведенных выше фактов, почерпнутых из материалов прессы того времени, нетрудно понять причины легкого прихода к власти Юань Шикая не только накануне отречения от престола маньчжурской династии, но и в последующий период, когда его избрали временным президентом Китая. Этому в немалой степени содействовал сам Сунь Ятсен, избранный в Шанхае его сторонниками временным президентом Китайской Республики после первых успехов революционеров в борьбе против цинского режима. Добровольно сложив свои полномочия президента и приехав по приглашению Юань Шикая в Пекин, Сунь Ятсен после беседы с хитрым и более опытным в политических делах царедворцем, в интересах единства Юга и Севера страны, заявил о своей поддержке Юань Шикая³, согласившись возглавить Комитет по строительству новых железных дорог в Китае.

Чтобы лучше представить характер административной деятельности Юань Шикая в должности временного президента (с февраля 1912 г.) и, в частности, в области законоотворчества, в которой явно чувствуются дух и влияние древнекитайских стереотипов мышления, обратимся к его двум декретам. В первом из них от 8/21 июня 1913 г. говорилось: «В государстве с республиканским строем суверенные права находятся в руках населения, поэтому руководящий принцип государственной жизни [должен] быть определен в соответствии с желаниями большинства населения. Эти же

последние (т.е. желания) сводятся к стремлению поддерживать существование (*шэн-цунь*) и достигнуть благосостояния (*дэ-ли*). Так как органы административной власти оказались бессильными оказать населению надлежащую защиту и покровительство, то последнее вместо благосостояния терпело бедствия, а вместо сохранения существования подвергалось опасности и гибели. Когда я из лона природы был призван на пост президента республики, я не мог переносить вечных бедствий и страданий безвинного населения. Вступив [же] в исполнение в преисполненное опасностями и затруднениями время, я вполне был готов без сожаления пожертвовать [своей] жизнью и своим личным счастьем. Считая, что мы, китайцы, являемся потомками интеллигентной и просвещенной расы, насчитывающей за собою несколько тысяч лет существования, и как таковые приобретаем высоким и гуманным принципам философов и мудрецов древности, и полагая, что мы должны успешно бороться со злом и навсегда покончить с убийствами, а также не допускать братоубийственной войны между людьми как членами одной и той же семьи, я поэтому стойко переносил всякое издевательство и брал на себя ответственность и [вопреки всему] всеми силами стремился сдерживать бурный напор волн [народного негодования]. Однако моей искренности оказалось недостаточно, чтобы повлиять на людей, а доверие, которым я пользовался, не могло помочь мне в том отношении, чтобы изменить создавшееся [критическое] положение.

Начиная с сентября минувшего [1912] года и вплоть до настоящего времени, бедствия, выпавшие на долю населения, и потери, которые ему пришлось перенести, достигли весьма значительных размеров. Вследствие смутного времени, не сделано было никаких успехов в области законодательной работы, на которую возлагалось столько надежд, а вследствие этого, остановилась и деятельность административных органов. Кроме того, партийные раздоры и несогласия особенно усилились, [причем] исчезло ясное понимание различий между правдою и ложью, назначение на должность затруднялось всевозможными пре-

пятствами, и у правительства не оказывалось в [его] распоряжении достаточного личного состава. В конце концов явилось опасение тирании со стороны наиболее крайних элементов населения. Причиной всему этому было то [обстоятельство], что я не отличаюсь какими-либо нравственными достоинствами и способностями, [в силу этого] оказался не в состоянии успешно справиться с возложенными на меня обязательствами. Бесконечно скорбя и печалась дни и ночи по этому поводу, я только постоянно желал, чтобы быть в состоянии вместе с безвинным мирным населением проливать слезы сочувствия. Пока ветер и вода находятся в постоянной борьбе друг с другом, волны не могут успокоиться. Пока продолжается трение магнита о железо, вылетание электрических искр будет непрерывно продолжаться. Боясь прибегать к угрозе возобновления вооруженных действий, являющихся большим злом, я питал надежду, что... умеренные партии, посоветовавшись со своею совестью, сами прекратят свою [бурную] деятельность. Подобный образ моих действий был вызван отнюдь не робостью с моей стороны. Ради спасения государства и населения следует молиться Небу, чтобы оно ниспослало продолжительное существование народу, но не надо препятствовать прогрессу нации неумеренным проявлением страстей. В настоящее время наибольший вред для населения происходит от того, что оно неправильно уясняет себе истинную сущность республиканского строя. В большинстве случаев отдельные лица стараются красивыми фразами прикрывать свои дурные действия и под предлогом общей пользы преследуют свои личные интересы. Лица эти доходят даже до того, что сопротивление воле отца и оставление на произвол судьбы матери считают свободой, а нарушение законов рассматривают как равноправие. Но они не знают, что в государстве с любым строем, касается ли это Китая или других стран, неизменно проводится в жизнь принцип соблюдения законов, следование установленным населением правилам.

Стараясь скрывать все дурное и выстав-
лять все хорошее, я не допускал дурного
отношения даже к тем лицам, которые по-

зволяли дурное отношение ко мне. Поэтому
я желаю, чтобы военные повиновались рас-
поряжениям начальства, не позволяли себе
совершать действий, не входящих в круг их
обязанностей, и не вмешивались в вопросы,
которые их не касаются. Кроме того, я же-
лаю, чтобы главные деятели революции бе-
регли свою репутацию, удерживали своих
помощников [сторонников] от совершения
дурных действий и не допускали, чтобы
разные приспешники революции, прикры-
ваясь их именами, производили беспоряд-
ки, клонящиеся к потрясению основ госу-
дарства. При таких условиях зло сменится
гармонией и согласием, и население будет
спасено от угрожающей ему гибели. Я же
со своей стороны ради блага всех граждан
республики со всею искренностью примусь
за реформы в области государственного
управления, чтобы содействовать миру во
всем мире и обеспечить [Китайской] Рес-
публике вечное наслаждение безграничным
благодеянием. Хотя мне, быть может, и
не удастся совершить всего этого, тем не
менее у меня есть соответствующая воля и
желание и я надеюсь, что это мое заявление
будет услышано всеми моими соотечест-
венниками»⁴.

Какими бы мотивами социальной дема-
гогии не руководствовался Юань Шикай
при издании данного декрета, нельзя при
всех оговорках не признать его довольно
трезвый подход к оценке тревожной ситу-
ации в Китае, стоявшем на грани граждан-
ской войны. Особенно важны для понима-
ния попыток Юань Шикая вывести страну
из глубочайшего кризиса его настойчивые
усилия к сохранению, хотя бы в частично
урезанной форме, столь популярного среди
широких слоев населения конфуцианства.
Это явно видно из текста другого декрета
Юань Шикая от 9/22 июня 1913 г., где об
учении Конфуция и его всеобъемлющем
значении для китайского общества говори-
лось следующее: «При учреждении госу-
дарства руководящий принцип зиждется на
той или иной системе политики правитель-
ства. Последняя же с течением времени ме-
няется в зависимости от того, какого рода
теория и учение господствуют в данную
эпоху. В Китае почитание Конфуция нача-
лось в царствование ханьского императора

годов правления У-ди, который отвергнул сочинения ста других авторов и сделал классические книги (*лю-цзин*) главными книгами для изучения. С этого времени началось приведение всех теорий и учений к одному принципу. Учение Конфуция, если вдуматься в него, представляется и всеобъемлющим и великим, оно подходит для всех веков и эпох и находится в соответствии с различными обстоятельствами. Согласно этому учению, то время, когда между государем и подданными существуют правильные отношения, называется “малое благополучие” (*сяо-кан*), а когда государство является общей собственностью народа – “великое единство” (*да-тун*). В течение ряда последующих [после У-ди] поколений государи исключительно руководствовались принципом достижения “сяо-кан”, чтобы укрепить власть и авторитет монарха. С течением времени многочисленные комментаторы доктрин Конфуция придали им весьма распространенное толкование, и пользовавшиеся неограниченной властью тираны получили возможность принуждать ученых писать свои сочинения в духе этой доктрины. За последнее время, когда государственный строй в Китае сменился республиканским, некоторые [лица] стали говорить, что доктрины Конфуция находятся в несоответствии с современными теориями о свободе и равенстве, а наиболее легкомысленные лица даже утверждают, что следовало бы отменить приношение жертв в память Конфуция. Однако это лишь показывает, что такие лица не только незнакомы с истинным учением Конфуция, но даже не имеют правильного понятия о равенстве и свободе.

Конфуций появился на свет в период неограниченного господства знати. Грустя о том, что его великие доктрины не получают распространения, и сожалея о невежестве народа, он вернулся домой, чтобы записать деяния Яо и Шуня и исправить шесть классических книг (*лю-цзин*). В сочинении “Чунь-цю” он говорит, что после беспорядков и волнений наступает период полного спокойствия и мира, а в “Книге церемоний” (Ли-цзи) он говорит, что за периодом “сяо-кан” наступает период “да-тун”. Именно отсюда ведет свое начало республианизм.

В древние времена философы Янь-цзы, Цзэн-цзы и Мэн-цзы, а позднее философы Гу [Ян-у], Хуан [Цзун-си] и Ван [Янь-мин] сумели с достаточной полнотой раскрыть и разъяснить конфуцианское учение, которое благодаря этому получило все большее распространение, и, в конце концов, способствовало учреждению республики. Изучая историю нескольких тысячелетий и знакомясь с учениями китайских и иностранных философов, приходишь к убеждению, что Небо послало Конфуция на землю, чтобы он стал учителем для 10 тыс. последующих поколений. Однако *в республиканском государстве суверенные права принадлежат населению и должна быть уважаема свобода религии*. Несколько времени тому назад Совет министров циркулярной телеграммой запросил провинции прислать ответы относительно мнения, которого придерживается большинство населения в отношении принесения жертв Конфуцию. В настоящее время [ответы] еще не все получены. А между тем в телеграмме Ин Чанхэна заключается ходатайство, чтобы в учебных заведениях во всем государстве по-прежнему продолжалось чествование памяти Конфуция путем жертвоприношений. Признавая это ходатайство в высшей степени правильным, считаю необходимым, чтобы по получении из всех провинций ответов немедленно самым детальным образом были выработаны применительно к признакам республиканского строя и на основании древних обычаев соответствующие законоположения, касающиеся принесения жертв в честь Конфуция в знак уважения к его памяти и увековечения его культа.

В настоящее время преступных учений и неуважения к закону, когда неповиновение считается равноправием, а отсутствие страха – свободой, когда нравственные качества населения пали столь низко, каким же образом может существовать [наше] государство? Тревожась по этому поводу и днем и ночью, я в примерах древности старался найти тот руководящий принцип, от осуществления которого зависели бы слабость и мощь, гибель и существование государства, и ныне пришел к убеждению, что четыре конфуцианские добродетели: церемонии, справедливость, честность и

стыд могут [отвлечь людей] от дурного и направить их на путь истины. Надеюсь, что следование этим добродетелям улучшит человеческую природу. Я молюсь о том, чтобы существование государства было обеспечено на долгие годы, а основы республики были укреплены навеки. Соответствующие обязанности в этом отношении лежат и на всех гражданах [Китайской Республики]⁵.

Для лучшего понимания отношения Юань Шикай к проблеме конфуцианства в условиях становления нового республиканского режима следует, на наш взгляд, обратиться к его речи, произнесенной 10 октября 1913 г. по случаю принесения им клятвы в связи с вступлением на пост полноправного президента Китая. О том, как происходила эта торжественная церемония, позволяет судить донесение российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского, который имел возможность в составе дипломатического корпуса участвовать в знаменательном для Китая и других стран государственном церемониале. Вот что писал 4 октября (по ст. стилю) Крупенский по этому поводу А.А. Нератову, управляющему делами МИД России:

«10 октября [нового стиля] состоялась торжественная церемония принесения присяги вновь избранным президентом Китайской Республики. В этом официальном китайском празднестве впервые после двухлетнего перерыва принимал участие и дипломатический корпус в полной парадной форме...

По заранее выработанному и одобренному дипломатическим корпусом церемониалу посланники в сопровождении личного состава миссий, военных агентов [атташе] и начальников [посольских] отрядов прибыли в экипажах к императорскому дворцу, южная часть коего предоставлена императором [малолетним Пу И] республиканскому правительству для устройства подобных церемоний. У ворот Тяньаньмэнь все чины дипломатического корпуса должны были выйти из экипажей и следовать далее чрез внутренние ворота [императорского] дворца, окружая посланников, несомых на легких носилках. В воротах [храма] Тайхэдянь прибывающих встречали главный церемо-

ниймейстер Лу Чжэнсян и министр иностранных дел Сунь Баоци... После с лишком часового ожидания приглашенные проследовали в зал "Тайхэдянь", т.е. тронный зал "Совершенной гармонии", или "Согласия в природе". Зал этот предназначался при монархическом правлении Китая для приема новогодних поздравлений, поздравлений императора с днем рождения и некоторых других церемоний...

Все присутствующие китайцы были в европейском платье, военные – в голубых [расшитых] золотом мундирах, сановники – во фраках и цилиндрах, члены [депутаты] парламента – в [гражданских] сюртуках...

Около 11 час. Юань Шикай вошел в зал в предшествии Лу Чжэнсяна, Сунь Баоци, Лян Шии и чинов канцелярии президента... Юань также был в военной форме голубого цвета с золотом. Войдя на возвышение и ответив на поклон присутствующих, он отчетливо прочитал формулу присяги Конституции, которая, между прочим, еще окончательно не выработана, а затем произнес речь... Члены [депутаты] парламента прокричали троекратное ура в честь президента и затем трижды отвесили ему поклоны...

Церемония закончилась парадом войск Пекинского гарнизона, на [прохождение] которого президент со всеми приглашенными на торжество смотрел из павильона на Тяньаньмэнских ворот[ах]. Вечером был раут в Вайцзяобу [МИД], а на другой день [состоялся] парадный завтрак для начальников [глав дипломатических] миссий и после него прием у жены президента, garden party [угощение в парке] у южного дворцового озера, где теперь живет Юань Шикай.

Любопытные факты, касающиеся тревожной обстановки в Пекине в период инаугурации Юань Шикай, приведены в упомянутом донесении российского посланника, который, в частности, отмечал: «Всюду были приняты усиленные меры предосторожности... Опасения эти имели основания, ибо за день до торжеств был раскрыт заговор [о покушении] на жизнь Юань Шикай, во главе которого стоял помощник начальника сыскной полиции в Пекине, ставленник бывшего премьера Чжао Бинцзюня. Заговорщики имели письменное

сношение с Сунь Ятсеном и Хуан Сином и глава [заговорщиков] должен был лично бросить бомбу в Юань Шикая во время принесения им присяги. Старания [главы заговорщиков] изменить церемониал так, чтобы стоять рядом с президентом, якобы для охраны его, возбудили подозрение. За ним начали следить, и полиции удалось собрать достаточно улик для его ареста, предания военному суду и казни»⁶.

К сожалению, в архивном деле к донесению российского посланника от 4 октября не приложен текст речи, с которой Юань Шикай выступил 10 октября 1913 г. в присутствии видных китайских сановников и членов дипломатического корпуса. Этот документ в виде газетной вырезки нам удалось обнаружить только среди других архивных материалов, причем во французском переводе, появившемся 5 октября 1913 г. в пекинской газете «Журнал де Пекин». В этой газете, в частности, говорилось: «Великая религия (конфуцианство) во все времена была великой опорой для [нашей] страны, и хотя она в течение 4 тыс. лет подвергалась поправкам и изменениям, ее сущность всегда сохранялась благодаря неизменности [основополагающих] доктрин. Впрочем, своей чистой теорией она порой вводит [некоторых] людей в заблуждение».

Примечательным разъяснением позиции Юань Шикая в вопросе о конфуцианстве может служить найденная нами в архиве китайская брошюра в английском переводе под названием «The general policy of the Chinese government», т.е. «Общая политика китайского правительства». Текст этой брошюры, датированной 20 ноября 1913 г., опубликован в газете «Peking Daily News». В ней по поводу конфуцианства сказано следующее: «Конфуцианство в течение двух тысячелетий (а не четырех, как говорил Юань Шикай) было главным выражением мыслей народа. Сейчас многие люди в своей жизни руководствуются ошибочной идеей, полагая, что коль скоро произошла трансформация Китая из монархии в республику, в дальнейшем нет необходимости придерживаться доктрин Конфуция. Такие люди не только не понимают Конфуция, но и республиканизм. Между тем администра-

ция придерживается того взгляда, что наряду с предоставлением народу полной свободы относительно верований мы должны превратить конфуцианство в основу для этических учений. Церемонии и обычаи в [нашей] стране обладают такой огромной силой, с которой ничто не может сравниться, и это должно стать основанием для национальной солидарности [сплочения]». «Если мы, – подчеркивалось в брошюре, – отбросим церемонии и этические учения и в управлении народом будем опираться только на меры наказания, то на нас со всех сторон обрушатся бесчисленные несчастья».

Примечательно, что некоторые видные деятели Китая, признавая огромное влияние идей конфуцианства на широкие слои населения страны, предлагали придать конфуцианству статус государственной религии. Это, однако, не встретило должной поддержки со стороны Юань Шикая. Памятуя о существовании в Китае четырех неких тайских народов (которые придерживались различных религиозных воззрений), Юань тем не менее считал целесообразным сохранить систему конфуцианских обрядов, связанных с почитанием Конфуция и особенно с жертвоприношениями Небу⁷.

В 1914 г. Юань Шикай заявил, что в связи с признанием факта почитания миллионами китайцев Конфуция и в целях установления для населения страны моральных стандартов, необходимо следовать тому, чтобы при церемониях в честь Конфуция присутствовали и осуществляли руководство ими официальные лица – чиновники высокого и низкого ранга. При этом президент подчеркивал: «Хотя административную систему можно реформировать соответственно требованиям времени, церемонии и обычаи следует всеми способами сохранить, иначе говоря, в этом случае Китай может сохранить свою специфику, отличающую его от других стран»⁸.

Юань Шикай считал, что конфуцианство имеет важное значение для подрастающего поколения. В отличие от Сунь Ятсена, признававшего возможность лишь теоретического изучения конфуцианства в школе, Юань Шикай стремился ввести преподавание дисциплин, знакомивших учащихся с

содержанием древнейших конфуцианских сочинений («Лунь-юй», «Мэн-цзы» и других). Этот факт нельзя не учитывать при оценке политики президента Юань Шикая в первые годы существования Китайской Республики.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ Рассматриваемый в данной работе сюжет почти не был предметом специального исследования в отечественной историографии, хотя из биографий общего типа следует упомянуть публикацию В.С. Кузнецова в журнале «Вопросы истории» (2002, № 8, с. 39–59) в рубрике «Исторические портреты». В конкретно-историческом плане он довольно скупо представлен и в зарубежной литературе, в том числе в публикациях КНР. Среди последних можно, пожалуй, в качестве примера назвать книгу трех китайских авторов (Сунь Кэфу, Фань Шушэна и Гуань Цзе) под названием «Юань Шикай цзун Кун фу-би чоу-цзюй» («Шутовской спектакль, разыгранный Юань Шикаем по поводу почитания Конфуция в связи с его монархическим переворотом»). Эта книга, по своему небольшому объему скорее напоминающая брошюру, вышла в Пекине в 1975 г. в популярной серии публикаций, рекомендуемых для прочтения с целью приобретения знаний по истории (под китайским названием «Ли-ши чжи-ши ду-у»). Возможно, по этой причине приводимые авторами документы, свидетельствующие о почитании Юань Шикаем Конфуция и его учения, даны в весьма кратком изложении, причем без ссылок на первоисточники.

Из работ по данному вопросу, написанных западными исследователями, можно упомянуть опубликованную в 1977 г. книгу американского автора Эрнеста Юнга под названием «Президентство Юань Шикая» с подзаголовком «Либерализм и диктаторство в раннереспубликанском Китае» (Young Ernest P. The Presidency of Yuan shi-k'ai. Liberalism and dictatorship in early republican China. Ann Arbor, the University of Michigan, 1977).

² «Восток» (Харбин), № 160. 5/18 октября 1912 г.

³ Подробнее об этом см. статью Хань Мина, сотрудника Института истории Педагогического университета Центрального Китая, под названием «Сунь Чжуншань жан вэй Юань Шикай юань-нин синь тань» («Новый подход к выяснению причин уступки Сунь Ятсеном своего [президентского] места Юань Шикаю»), прочитанный на Международной конференции, посвященной Сунь Ятсену, и опубликованный в ее материалах, а также статью под заголовком «Лиши ды сюаньцзэ» («Исторический выбор»), вышедшую в Гуанчжоу в 1986 г. в виде отдельного оттиска.

⁴ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1913, д. 137, л. 175–180.

⁵ Там же, л. 170–173.

⁶ Там же, л. 316–319.

⁷ Впрочем, от точного исполнения обряда «ко-утоу», широко применявшегося в сношениях с дипломатами иностранных государств в период правления маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.), президенту Китайской Республики пришлось отказаться, по крайней мере, до провозглашения себя императором.

⁸ «Чжэнфу гунбао» (Пекин), 25 сентября 1914 г.

И ЭТО ВСЕ О НЕМ Штрихи к портрету А.А. Смирнова

В № 17 «Восточного архива» за 2008 г. была опубликована статья, посвященная 150-летию со дня рождения крупного русского дипломата, последнего царского посланника в Египте Алексея Александровича Смирнова (1857–1924)¹. Востоковед по образованию, он провел в Египте почти два десятилетия и внес существенный вклад в развитие отношений между нашими странами. Вскоре после публикации статьи нам удалось обнаружить два свидетельства, добавляющие новые штрихи к портрету А.А. Смирнова.

В статье отмечалось, что самым трудным периодом работы А.А. Смирнова в Каире были последние годы его жизни. В начале 1920 г. в Египет хлынул поток беженцев с юга России, и дипломатический агент и генеральный консул, каковым все еще считало А.А. Смирнова египетское правительство, «фактически стал “отцом” русской колонии в Египте», причем «много преуспел в предоставлении им (беженцам. – В.Б.) необходимой и неотложной помощи»². И такое утверждение, несомненно, справедливо. К фактам, приведенным в статье, добавим еще один. В мае 1920 г. А.А. Смирнов добился перевода 300 русских беженцев из лагеря в Тель аль-Кебуре, располагавшегося на краю пустыни, в более благоустроенный лагерь в Сиди Бишр. Он находился в пригороде Александрии, рядом с побережьем Средиземного моря³.

Однако далеко не все беженцы знали о добрых делах А.А. Смирнова и тем более ощутили на себе его заботу. Об этом свидетельствуют воспоминания генерал-майора Федора Петровича Рерберга (1868, Тифлис – 1928, Александрия)⁴, прошедшего через оба лагеря русских беженцев – и в Тель аль-Кебуре, и в Сиди Бишре. «У нас были различные нужды, самые разнообразные, в которых англичане не могли прийти нам на помощь, и никто нам не помог, – писал он.

– Нам приходилось слыживать, что в Каире существует какой-то русский посол Смирнов, получающий содержание и играющий какую-то роль, но не потрудившийся за целый год ни единого раза показать нам свое превосходительное лицо, не поинтересовавшийся знать, как живут в пустыне его соотечественники, в чем нуждаются, чем и кому мог бы он помочь! Вообще, насколько мне известно, я ни разу не слышал за три года, чтобы этот Смирнов пальцем бы шевельнул для кого-либо из несчастных русских беженцев!»⁵

К критике А.А. Смирнова Ф.П. Рерберг вернулся в своих воспоминаниях еще раз, когда писал о посещении летом 1921 г. лагеря в Сиди Бишр леди Конгрив, супругой командующего британскими войсками в Египте и председателем Комитета помощи русским беженцам. «Удивительно, что даже в этот раз русский посол в Каире Смирнов не расстарался нас посетить, – сетовал автор, – хотя бы из вежливости к леди Конгрив потрудился бы приехать, чтобы ее приветствовать от русского имени!»⁶

То, что Ф.П. Рерберг, несмотря на свое весьма высокое общественное положение, ничего не знал о помощи А.А. Смирнова беженцам, не означает, конечно, что такая помощь не оказывалась. Но это говорит о том, что русские дипломаты не информировали беженцев о своих действиях в их поддержку. Что же касается того факта, что А.А. Смирнов, по свидетельству Ф.П. Рерберга, ни разу не побывал ни в Тель аль-Кебуре, ни в Сиди Бишре, то, вероятно, причиной этому было состояние здоровья посланника. Вскоре после прибытия в Египет русских беженцев он заболел так называемыми «нильскими нарывами», которые в конце концов и стали причиной его смерти⁷.

В статье также отмечалось, что «литературное мастерство А.А. Смирнова привле-

кало внимание современников»⁸. Это подтверждают воспоминания другого русского дипломата, С. Чиркина⁹, побывавшего в гостях у А.А. Смирнова в Каире в 1911 г., по пути из Южной Азии в Россию. «Завтрак у посланника прошел в интимной, уютной обстановке. Нас было трое: посланник, старый холостяк, Саблер¹⁰ и я. <...> Как о дипломате о нем не приходилось слышать – его карьера не проходила на боевых постах, но он был известен как незаурядный поэт, и стихи его часто появлялись в печати и пользовались успехом»¹¹.

Приведенные свидетельства Ф.П. Рерберга и С. Чиркина не меняют нашего общего представления об А.А. Смирнове как о крупном дипломате и маститом литераторе. Но они добавляют новые краски к его портрету, нарисованному в статье.

Литература

1. *Горячкин Г.В.* Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова // Восточный архив, № 17, 2008.

2. *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. М., 2001.

Примечания

¹ *Горячкин Г.В.* Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова // Восточный архив, № 17, 2008, с. 54-65.

² Там же, с. 60, 61.

³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 317, оп. 820/3, д. 193, л. 135-136.

⁴ *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. М., 2001, с. 29.

⁵ *Рерберг Ф.П.* Воспоминания. Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф-1, д. М-86, л. 1503.

⁶ Там же, л. 1524.

⁷ *Горячкин Г.В.* Указ. соч., с. 63.

⁸ Там же, с. 62.

⁹ К сожалению, о самом С. Чиркине нам ничего не известно. Его воспоминания, как и воспоминания Ф.П. Рерберга, хранятся в архиве Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф-2, д. М-185.

¹⁰ Саблер Георгий Владимирович, секретарь А.А. Смирнова, убит в первые дни революции. Там же, л. 174-183.

¹¹ Там же, л. 177.

В.Е. Колупаев

СЕМЬЯ ШЕРЕМЕТЕВЫХ В МАРОККО

История русской эмиграции XX в. достаточно серьезно изучается отечественными учеными. Помимо таких традиционных районов существования российских диаспор, как Европа и Северная Америка, научный поиск ведется и в других местах, в том числе в государствах Арабского Востока и Африки. Там исследователи также открывают новые страницы, связанные с пребыванием наших соотечественников. Одно из таких государств – Марокко.

Основу данной статьи составляют рукописные воспоминания, хранящиеся в семье одного из потомков русских эмигрантов в Марокко – Полины Петровны де Мазьер (в девичестве Шереметевой). Статья дополнена сведениями, полученными автором благодаря личным контактам с представителями русской общины в Марокко, и материалами приходских архивов в марокканских городах Рабате и Касабланке, где до наших дней стоят русские православные храмы, построенные в 1920–1930 годы.

Мама Полины де Мазьер, Марина Дмитриевна Шереметева (в девичестве Левшина), была последним представителем русской эмиграции «первой волны» в Марокко. Она родилась 12 декабря 1908 г. в старинной дворянской семье Левшиных. 11-летней девочкой вместе с родителями Марина покинула пределы Родины. Ее отец, Дмитрий Федорович Левшин, генерал-майор, воевал после революции в одном из белых формирований на юге России. Семья Левшиных отплыла из Новороссийская в марте 1920 г. на последнем английском пароходе.

Беженцев высадили на греческом острове Лемнос, где они прожили два года в палаточном лагере. Семье Левшиных помогла выбраться в континентальную Европу бабушка по линии матери, Голенищева-Кутузова. Ее супруг в свое время был посланником при дворе австрийского императора. Подолгу живя в Европе, семья познакомилась с представителями королевских семей, поэтому личная просьба о помощи к английской королеве¹ возымела действие и

семья Левшиных перебралась во Францию. Но жизнь от этого стала не намного легче: отцу, вчерашнему генералу, пришлось работать садовником в пригороде Парижа.

Марина Левшина получила специальность сестры милосердия. Вскоре она познакомилась со своим будущим мужем, Петром Петровичем Шереметевым. На следующий день после свадьбы молодые уехали в Марокко. Там у них родились дети. Ныне в Рабате живет дочь Шереметевых Полина Петровна. Выйдя замуж за местного французского архитектора, она стала носить фамилию де Мазьер. Полина Петровна записала некоторые сведения и впечатления о русской жизни в Марокко. Воспользуемся ее рукописью.

«Мы, Петровичи, дети Петра Петровича Шереметева, правнуки Сергея Дмитриевича, родились в Марокко. Почему в Марокко? А вот так. Когда нашей бабушке Елене Богдановне пришлось уехать из Москвы осенью 1924 г., после того, как летом их выселили из дома на Воздвиженке, в котором они до тех пор жили под охранной грамотой Ленина, она, после остановки в Кумне – прибалтийском имении ее родителей бар[онов] Мейендорф, приехала с четырьмя младшими детьми в Париж. Там мой отец снова начал учиться, сдал экзамены и поступил в национальную школу агрикультуры города Рен (в Бретани). В 1929 г. школа повезла своих студентов в Марокко на учебное путешествие. Страна ему понравилась. Ему показалось, что там он сможет более благоприятно устроить свою жизнь, избежать безработицы, которая тогда угнетала Францию, и [необходимости] “вариться в эмигрантском соку”, который совершенно не был ему по душе. <...>

В то время как наш отец начинал организовывать свое существование в Кенитре (тогда Порт-Лиоте), ему покровительствовала и помогала семья его будущей жены, Марины Дмитриевны Левшиной, чья сестра, Надежда Д. Шидловская, уже жила там с семьей»².

Муж Надежды Дмитриевны Шидловской (в девичестве Левшиной), штабс-капитан лейб-гвардии конной артиллерии Сергей Николаевич Шидловский, участвовал в Первой мировой войне, воевал в гражданскую, прошел через беженские лагеря Галлиполи. Затем он оказался в Париже, где в 1922 г. состоялась его свадьба с Надеждой Левшиной. Венчал их митрополит Евлогий (Георгиевский).

Здесь уместно сделать небольшое отступление и пояснить причины, по которым семья специалиста в области сельскохозяйственного производства Петра Шереметева оказалась в Марокко. Страна активно осваивалась европейцами. К 1928 г. количество французских ферм увеличилось на 515³. В этой связи историк Марокко Н.С. Луцкая пишет: «В сельском хозяйстве Марокко с первых дней протектората начал складываться новый сектор – европейский, современный, капиталистический, оснащенный новейшими машинами, использовавший последние достижения сельскохозяйственной науки»⁴. Именно специалистом такого плана был потомок русских аристократов Петр Петрович Шереметев. Он работал агентом по продаже сельскохозяйственной техники, поэтому семья обосновалась в городе Порт-Лиоте (Кенитра), экономическом и торговом центре страны.

Полина де Мазьер так вспоминает этот период русской жизни в Марокко: «При всей этой бедности все же был слуга Али, который прекрасно научился говорить по-русски. <...> Впоследствии Али проворовался и исчез.

В Кенитре не было церкви, и священник изредка приезжал из Рабата. Тогда приспособивали в теткинском доме гостиную и столовую для богослужения. Все отовсюду собирались. Мальчики прислуживали. Все пели хором. Было всегда чинно и красиво. Священник приезжал тоже крестить и хоронить, а в особенности детей, которых в эти 30-е годы умирало очень много от разных болезней, связанных с климатом, от отсутствия врачей, лекарств, средств. Очень много малышей лежит на кенитринском кладбище, как, впрочем, и на других»⁵.

Позвольте здесь привести биографические сведения об упомянутом выше свя-

щеннике. Это архимандрит Варсонофий (Толстухин). Он родился в 1887 г. в городе Елифань Тульской губернии, окончил городское училище, в возрасте пятнадцати лет поступил в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. В 1911 г. был пострижен в монашество, в 1922 г. посвящен в сан иеромонаха. После революционных событий 1917 г. Финляндия обрела независимость, Валаамский монастырь оказался на ее территории. В связи с возникшими разногласиями в среде православного духовенства по вопросу юридического статуса Финляндской православной церкви, оказавшейся вне связи с соотечественниками в СССР, в 1922 г. иеромонах Варсонофий (Толстухин), будучи в оппозиции официальной линии, был сослан на остров Коневец. Он оставался там до 1926 г., после чего переехал в Болгарию, где жил в монастыре преподобного Иоанна Рыльского. Из Болгарии отца Варсонофия (Толстухина) вызвал митрополит Евлогий (Георгиевский) и пригласил его в Париж. Священник некоторое время был вольнослушателем Богословского института Святого Сергия, служил в церкви обители-приюта «Нечаянная радость» в Гарган-Ливри во Франции. В 1927 г. иеромонах Варсонофий (Толстухин) был направлен на служение в город Рабат, Марокко. Там под его руководством был построен храм Воскресения Христова, освященный в 1932 г. Он был настоятелем этого храма до своей кончины 31 марта 1952 г., погребен в русской часовне на европейском кладбище в Рабате⁶.

П.П. де Мазьер продолжает в своих воспоминаниях: «В 1938 г. родители переехали в Рабат, тогда с тремя детьми: Петр[ом] (Дмитрий, близнец, умер в Кенитре), автор[ом] сей прозы, и малюткой Натальей, которая тоже вскоре должна была умереть.

Жизнь переменилась, хотя бедность была сравнительно все та же: концы с концами сводились с трудом. Но город был больше, была церковь, общество расширилось. Родители пели в хоре по субботам и воскресеньям и нас тоже гнали на клирос. После литургии, все, какие бы не были, оставались обедать в церковном саду, под беседкой. Ели то, что было, но всегда был

борщ, и его разливал во главе стола архимандрит Варсонофий. <...>

Был еще один элемент нашего общества, который нас связывал с “той” жизнью, – это были няни. У нас таковой не было. Мамашина няня осталась жить в Париже у бабушки. Но их все же было три: няня толстовская – толстенная, круглая бабуля в фартуке и в платочке, няня балашовская – Катя. Худошавая “интеллигентная”, в шляпке и в длиннополых платьях 20-х годов, сто раз перештопанных; и няня мальцевская, малюсенькая Фимочка.

Катя и Фимочка воспитывались в одном и том же училище и, живя в разных городах, встречались с наслаждением и тогда сидели, часами перебирая воспоминания, их звали “подруженьки”.

Из трех Фимочка была к нам самая близкая. Она иногда приходила “к графине на дачу”, хотя мы жили в квартире, но, видимо, удобнее, чем своя, на другом конце города. Приходила пешком, потихоньку – долго шла, она же тогда была совсем старая. У “графини” она отдыхала, душу отводила, оставалась на несколько дней, много рассказывала: Мальцевы, муж и жена, были убиты большевиками, и Фимочка, собрав трех осиротелых детей, из коих один почти грудной, решила, что ее святой долг был привезти их графине Мальцевой – их бабушке, которая давно жила в Париже.

Я, к сожалению, не помню точно и никто наверняка не записал рассказы о том, как Фимочка, оставив в России жениха, пробиралась через всю Европу с одной мыслью в голове: доставить ей порученных судьбою ребят единственной у них оставшейся родственнице. <...>

У нас в доме очень много занимались музыкой. У матери был прекрасный голос, она училась петь в Париже до замужества, и ей обещали профессиональную блестящую карьеру. Увы.

Отец играл на виолончели, еще в Москве учился в Гнесинском музыкальном училище в одном классе с Хачатуряном, играл на рояле, на гитаре, имел абсолютный слух. Если б не революция, он, несомненно, был бы музыкантом, как впрочем, и его старший брат Николай – первая скрипка в театре Вахтангова. В детстве он играл в семей-

ном оркестре. В Рабате он стал руководить хором. <...>

При том времена были трудные. Война в Европе, хотя далека, но все же таки обременяла. Мать, после смерти второго ребенка, тяжело заболела туберкулезом. Вечно отсутствовала, лежала в госпиталях, оперировалась, где-то отдыхала.

Жизнь шла своим чередом. Соблюдались посты, церковные обряды. На Рождество устраивалась елка – по крайней мере, за месяц до его наступления, по вечерам, вырезались из бумаги папильотки, финтифлюшки, склеивались бумажные цепи, приготавливались елочные украшения. Разыгрывались шарады, много пели. На Крещение гадали.

На Страстную собирались со всех уголков Марокко многие, у которых не было церкви. Кто кого у себя принимал. Располагались, как могли. Весь дом был занят приготовлениями к празднику. Повсюду стояли тазы, миски с молоком. Готовили творог на Пасху. Волновались: свернется ли вовремя? Но в тоже время родители ходили на все, дети почти на все богослужения и строго постились. В пятницу, вернувшись с выноса плащаницы, нам, детям, поручали красить яйца. Уже в субботу днем дядюшка Сергей Николаевич Шидловский брал под свое руководство устраивание пасхального стола. Тут каким-то чудом появлялись – мясо, колбасы, курятина и даже как-то раз целый жареный поросенок. Весь дом кипел. Но трапеза была еще далека. Нужно было простоять всю заутреню и литургию. Возвращались домой после трех утра, кто пешком, кто на велосипеде. Следующие два, три дня дома были открыты, столы накрыты весь день. Все ходили Христа славить.

Вообще-то жили совсем по-русски и даже по старинке, так, как в России уже давным-давно не жили.

Но все же вокруг нас существовал иной мир, и мы все-таки жили – меньшинство в меньшинстве – во французской среде, окруженной арабской страной. С французами мы, ясно, жили близко, ходили в школу, потом в лицей. Главное, нас не только учили на французском языке, но по-французски... Наши друзья были французы, мы ходили к

скаутам, позднее – на вечеринки. Родители, со своей стороны, были очень общительные, красивые, обаятельные. К ним тянулись все. Они охотно пели, и все от их пения просто с ума сходили.

Естественно, люди, которые составляли их общество, были несравненно богаче. И мы все жили – теперь это мне ясно – в каком-то вечном противоречии и до какой-то степени в раздвоении. С одной стороны, далекая, почти мифическая Россия, которая все больше и больше уходила в какую-то нереальность, с другой – французский прагматический, логичный мир, в котором, собственно говоря, ничто нас не приготавлило жить.

К этой картине надо еще добавить арабское окружение, которое, хотя мало значило, но все же не только существовало, а имело еще свое влияние на наше развитие и наше миросозерцание. Живя в колониальной системе и из-за этого не чувствуя нужды изучать арабский язык – это марокканцы должны были изучать французский язык, – мы в некоторой мере игнорировали окружающий нас мир. Была прислуга, более или менее привязанная к дому, были клиенты моего отца, которые регулярно нас приглашали на сверхъестественно богатые пиры. Ездили на праздники в деревни, где под шатром, сидя на подушках, гостям подавали жареных на углях целых баранов. Пили горячий мятный чай, тогда как деревенские люди – мужчины в белых джеллабах, женщины в пестрых кафтанах – танцевали под аккомпанемент флейты и барабанов.

Соседи, сослуживцы, знакомые приносили на мусульманские праздники подарки и угощения с необыкновенной щедростью восточных и бедных стран. И так мы пропитывались этой культурой. Родители, хотя не старались нас к ней привлечь – и без того было трудно поддерживать все русское, но все-таки не отталкивали. Не позволяли никакого надменного к ней отношения и не давали искажать язык, как это обыкновенно было принято во властвующей среде... Отец выучил арабский язык по необходимости. Его уважали все, и в особенности его арабские знакомые, за исключительную честность и благородство.

Так мы жили, русские Шереметевы в Северной Африке, в арабской стране, пропитанной французской культурой, поддерживая какую-то частицу русскости, русского быта, духа. Но мы уже были не те же и, как все эмигранты, откуда бы они ни взялись, мы постепенно становились “другими”, сверх национальные, космополиты, не принадлежавшие ни к какой определенной культуре, никакому определенному обществу. Испытывая все положительные и в то же время отрицательные моменты этого состояния, определенную способность ко всему приспосабливаться, чувствовать себя везде “дома”; знакомство с разными мирами, разными миросозерцаниями. Имея возможность понимать эти миры “изнутри”, быть некими посредниками. Но в то же время чувство определенного одиночества»⁷.

Несколько слов о судьбе матери Полины де Мазьер, Марины Дмитриевны Шереметевой. После смерти мужа русская графиня некоторое время была парижанкой, затем несколько лет прожила в США. После провозглашения независимости Марокко в марте 1956 г. молодое государство объявило национализацию и иностранцы, в том числе русские, стали покидать страну. Что такое национализация, русские знали не понаслышке, все это уже было хорошо известно из фактов собственной национальной истории. Отъезд русских эмигрантов принял массовый характер, когда в Рабате открылось посольство Советского Союза. Многие боялись, что их депортируют в СССР. Ехали туда, где могли устроиться. Кто мог – в бывшую метрополию Марокко, во Францию, или в другие европейские страны. А кто не имел там связей, те, в большинстве случаев, уезжали в США.

Но графиня Шереметева вернулась обратно, в свою скромную квартирку, где в аскетической, почти монашеской спальне висели у нее русские иконы, украшенные полотенцем, на тумбочке лежал молитвенник на церковно-славянском языке. Салон украшал портрет отца, на котором можно было видеть молодого статного человека в военной форме, на соседней стене – еще одно памятное фото, изображающее сцену в лесу, когда молодой император Николай II с супругой отправляются на охоту, а за спи-

ной у них видна фигура Дмитрия Левшина. К семейным реликвиям можно добавить еще книги. Поразительно, что в своих скитаниях, после изгнания из родных мест, эти люди сохранили как самое дорогое иконы и книги – святыни, составляющие культурное и интеллектуальное богатство, без которого невозможно сохранить русскую нацию.

Марина Дмитриевна многие годы была активным руководителем русской ассоциации в Марокко, принимала деятельное участие в жизни русской колонии. Святейший Патриарх Московский Пимен в 1970-х годах пригласил группу соотечественников из Марокко посетить Родину и совершить паломничество к святым местам в России. В составе этой группы страну посетила и М.Д. Шереметева.

В мае 1998 г., «в день столетия установления дипломатических отношений между Марокко и Россией, ей был вручен российский паспорт, и она была восстановлена в российском гражданстве»⁸.

Из уважения к заслугам и принимая во внимание девяностолетний юбилей, в декабре 1998 г. Святейший Патриарх Алексей II наградил своей благословенной грамотой старейшую прихожанку Воскресенского храма в Рабате М.Д. Шереметеву.

В ноябре 2001 г. Марина Дмитриевна скончалась, похоронена она в Рабате, рядом со своим мужем графом Петром Петровичем Шереметевым.

Примечания

¹ Александра, английская королева, дочь датского короля Христиана, сестра датского короля Фредерика VIII, сестра русской императрицы Марии Федоровны.

² Мазьер Полина Петровна, де. Мы Петрови-чи. Рабат, Марокко. Частный архив. Фонд не описан.

³ См.: Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М.: Наука, 1973. С. 67.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Мазьер П.П., де. Указ. соч.

⁶ Письмо из Экзархата, № 538, от 13.7.1946; Послужной список архимандрита Варсонофия (Толстухина); Клировая ведомость. Воскресенский храм, Рабат, Марокко. Архив. Фонд не описан.

⁷ Мазьер П.П., де. Указ. соч.

⁸ Бабкин С. Грамота патриарха вручена графине Шереметевой // Русь Державная. М., 1999, № 2 (57).

Н.Л. Крылова

АСТА БИЗЕРТСКАЯ
По следам встреч с А.А. Манштейн-Ширинской
(Тунис, Бизерта, 2006–2008)

Дочь потомственного российского дворянина старшего лейтенанта Александра Сергеевича Манштейна, командира эсминца «Жаркий», пришедшего в Тунис в 1920 г. в составе эскадры русского императорского черноморского флота из Крыма – последнего оплота белого движения в Европейской России, Анастасия Манштейн-Ширинская встретила меня поздно вечером на пороге своего (своего ли?) дома на улице Пьера Кюри в Бизерте. Этой встрече предшествовал недолгий, но очень выразительный телефонный разговор с незнакомой мне лично женщиной, которой, по замыслу, предстояло стать «объектом моего исследования»¹. Узнав об этом, она не удивилась, а проявила милую благожелательность, какое-то нынче ненормальное даже добросердечие и абсолютное гостеприимство (хотя, повторяю, мы до этого момента не знали друг друга): «*Приезжайте, дорогая, как-нибудь устроимся!..*»

* * *

Навсегда оставившая Россию Черноморская эскадра из трех десятков кораблей была по решению союзников по Антанте переведена в город-порт Бизерту – французскую военно-морскую базу в Тунисе. С эскадрой туда прибыло в общей сложности около или свыше (по разным данным) шести тысяч русских моряков с семьями и гражданских лиц, образовавших в Тунисе русскую эмигрантскую колонию – самую крупную в то время на африканском континенте. Среди них была и семья Манштейн.

Но это было без малого век назад. Сегодня Анастасия Манштейн-Ширинская (близкие зовут ее просто Аста) – последняя представительница русских эмигрантов первого поколения в Тунисе. И, несомненно, личность неординарная во многих отношениях. Настоящая Женщина, она, несмотря на солидный возраст, не потеряла обая-

ния своего пола, очаровательной непосредственности, даже некоторого кокетства, но такого милого, ненавязчивого. Образованная в надежных традициях дореволюционной русской педагогики, приумноженной французской образовательной школой первых декад прошлого столетия, эта женщина оказалась весьма скромной в оценке собственных знаний и сообщила мне при первой же встрече: «*Я бы хотела быть исследователем. Но больше всего в исторических науках. Только я редко могла прочесть какой-нибудь исторический труд. Преподавание математики – это была полная необходимость. Единственное, что я могла преподавать. Кто бы приходил ко мне в тунисской Бизерте того времени брать частные уроки французского языка, когда все и так говорили по-французски и русским языком никто не интересовался? Я должна была семью кормить. Я была на очень маленьком уровне сама в математике. Но я хорошо очень знала, что надо в классе средней школы и какие программы он [ученик] прошел в предыдущем году, а какие программы его ждут на будущий год. Посему у меня были частные ученики от самого первого класса гимназии до последнего. А дальше я никакой высшей математики не знала и никогда не учила.*»

А вот когда я вижу людей, которые зависят только от себя самого, когда нет ответственности по отношению или к своим детям, или отцам, или мужу и они могут уехать куда-нибудь в древний Иран или Вавилон, и копают землю и разыскивают... вот это меня бы увлекло.

И еще я не люблю писать...»

Последнее ее признание все же расходится с реальностью. Анастасия Ширинская – автор замечательной книги воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка», неоднократно изданной в России уже в новом веке. И по существу все ее публикации и публичные

и камерные выступления – своеобразная ода бесконечному человеческому терпению, выдержке и надежде людей на трудном пути русской эмиграции – первой в череде эмиграционных волн, последовавших после Октябрьской революции. Но одновременно это и гимн тем силам русской земли, которые несла в себе эта «первая волна» и которые дали ей возможность выжить на чужих берегах: духовному богатству, гражданскому достоинству и многовековой культуре покинутой Отчизны.

Мои надежды на сотрудничество и совершенно необходимый для этого человеческий контакт полностью оправдались: 96-летняя Анастасия Александровна, весьма критичная к собственному слогу, обнаруживала редкий дар рассказчицы, остроумной и наблюдательной, точной в описаниях и оценках, с поразительно цепкой памятью, сохранившей, несмотря на преклонный возраст, массу замечательных подробностей эмигрантского бытия русских моряков – офицеров и матросов, членов их семей, кадетов и гардемарин – своих соотечественников и современников, воплощающих пафос обыденной жизни.

Мы встречались не раз – осенью 2006 и 2007 гг., весной и осенью 2008 г. – в ее квартире, где Анастасия Александровна просто вспоминала. Боялась, что рассказывает немного тенденциозно, пристрастно, с выраженным личным оттенком, иногда пафосно или, напротив, слишком иронично...

Но оказалось, что ее воспоминания, в присущей ей манере их излагать, богаче, насыщенней многих исследовательских изысков и способны быстрее приблизить нас к пониманию превратностей эмигрантского бытия, донести до современника эхо стремлений, надежд, радостей и разочарования людей иной эпохи. Не манекенов истории, а именно живых людей, чья духовная миссия оценивается выше, чем личный успех или обогащение и уже практически не присуща основным массивам эмигрантов следующих потоков.

Исследовательский и гражданский интерес к личности Анастасии Манштейн-Ширинской объясним еще и тем, что она – «последний могиканин» первой волны русской эмиграции в Тунисе. Ее судьбу можно

назвать и необычной, и уникальной уже хотя бы потому, что, будучи заброшенной в «нетипичную» зону расселения русской эмиграции, в Африку, эта женщина, одна из немногих русских эмигрантов, оказалась замечательно верной приютившей ее стране, оставшись здесь навсегда, мужественно оберегая родные могилы, православный храм и дорогу к нему.

И в то же время, несмотря на все жизненные передраги и невзгоды, ею перенесенные, Анастасия Манштейн-Ширинская не изменила своей исторической родине ни де-юре (не поменяв российское подданство на французское или местное гражданство – так было принято в семье Манштейнов), ни де-факто, сохранив Россию в своем языке, вере, в душе. Россию, в которую она бесконечно верит, верит в ее неисчерпаемые возможности, в ее могучую культуру, которая, как она утверждает, *«может воспроизводиться только на межпоколенческом уровне. А если эта связь поколений прервана, ее так нелегко восстановить! Но прервана ли она полностью? Я думаю, что не прервана. Когда я слышу Вас, когда читаю Ваши книги, или мне иногда некоторые пишут письма необыкновенные, то я, зная все-таки хорошие слои западной культуры (они, конечно, не стадами ходят, и я не стада знаю, но есть те, которые очень культурные, очень интересующиеся всем люди; у меня есть и у тунисцев такие знакомые, и в Германии были такие знакомые, и во Франции), понимаю, что еще такая культура где-то задержалась»*.

В этом последнем фрагменте последнего интервью осенью 2008 г. я получила комплимент своей – нашей с Анастасией Манштейн-Ширинской – Родине и самой себе. А комплимент такой Женщины не только льстит, но и обязывает. Обязывает быть такой же искренней и честной, как и «Объект моего исследования».

Описание «феномена Ширинской» – задача очень непростая для исследователя. С одной стороны, потому что слишком много об этой женщине уже сказано, снято и написано. И, прежде всего, исследователям и широкому читателю хорошо известна биография самой Анастасии Ширинской в контексте русского эмигрантского присут-

ствия в Тунисе². Все это превратило ее в своего рода культовую фигуру со всеми вытекающими из этого статуса положительными и отрицательными сторонами.

С другой стороны, по той же причине происходит неизбежная увлеченность исследователя подобным объектом. Ибо последний настолько пленителен, что зачастую бывает трудно соблюсти надлежащую дистанцию, отвечающую требованиям объективности социологического наблюдения. Действительно, когда общаешься с Анастасией Александровной Ширинской, бороться с этим чувством сложно, хотя понятно, что подобная «завороженность» объектом мешает исследователю критически его оценивать и вовремя обнаружить признаки субъективизма в ореоле исследуемого образа. Именно поэтому в основу описания данного феномена был положен метод изучения истории при помощи устных источников. В данном случае это были интервью и записи устных бесед с Анастасией Александровной, воспроизведение которых, прежде всего, предоставит читателю самому проникнуться силой и обаянием образа этой женщины.

Готовя предлагаемую ниже статью, автор использовал из всего массива интервью с Анастасией Ширинской (в расшифрованном виде он составляет 400 с лишним страниц) те их фрагменты, которые посвящены ее размышлениям о вопросах, исконно волновавших русскую эмиграцию: Россия и вера, жизнь на чужбине, мера нравственной ответственности. Их уникальность – в комментариях к уже известным ее высказываниям, в новых, оригинальных, подчас неожиданных пассажах, развитии и толковании ранее уже озвученных ею мыслей. Поэтому автор постарался воспроизвести их с возможно минимальными собственными комментариями и отсылками к другим авторам, поскольку сами по себе они представляют практически заверченный текст – мысли русской женщины, всю свою сознательную жизнь проведенной вне России и делящейся с новым поколением русских своими размышлениями и соображениями по фундаментальным вопросам духовно-нравственной жизни и культуры соотечественников, ныне живущих в иноэтнической

и иноконфессиональной средах, о сложнейших переплетениях человеческих судеб и человеколюбии в высшем понимании этого слова. Не менее актуальны они и для нас, ее современников, живущих в Отчизне и также пытающихся комфортно обустроиться в многоэтничном поликультурном пространстве современной России, возрождать в себе истинную духовность как инструмент, необходимый для гармоничного сосуществования в новом мире.

Мультикультурная Бизерта

Бизерта начала XX столетия – это, по словам Анастасии Ширинской, «большая смесь».

Из интервью 2007 г.:

«Когда мы пришли в 1920 г., европейской части Бизерты было только 25 лет³. То есть французы тоже чувствовали себя не совсем у себя. И вот мы тоже попали в это же время. Но арабы нас хорошо приняли (собственно говоря, они нас и не принимали. Это Франция нас приняла, но не у себя, а в протекторате). И здесь было очень много этнических и социально-классовых разделений, даже между французами – и “французские” французы, которые приезжали из Франции и потом работали и участвовали в разных общественных делах, и “черные ноги”, особенно если приезжали из Алжира (совсем “черные ноги”), и там была смесь с эльзасцами, которые еще в 1870 г. попали в Алжир, а некоторые из Испании попали в Алжир. Это, значит, все подразделялось. И были “итальянцы-макароники” и тоже видные очень, которые из посольства, и это были уже другие итальянцы, “не макароники”. Это была элита.

А русские сами по себе. Как корабль, как крейсер в океане. Это не мое сравнение. Так написал один француз. Этот француз был инспектор народного просвещения, мне кажется. Это тот, который, будучи совсем мальчиком, полюбил русский хор и вообще потом возлюбил все русское. И стал изучать нашу литературу, историю, музыку... И все потому, что он услышал случайно на похоронах Василия Семеновича Махрова, как группа людей, скромно, но очень

строго одетых, отдельно от всех стоящая под дождем и холодным ветром, вдруг запела хором. (Это были наши панихиды по-гребальные). И как этот хор направил всю его жизнь. Это был чистый француз, в то время мальчик лет 12–14-ти. И вот он прибавляет: русские как крейсер посередине океана, носились, куда хотели, причем будучи привязанными к месту из-за отсутствия денег, возможностей, паспортов⁴... А нас было в общей сложности больше шести тысяч. Кирилл (К.В. Махров. – Н.К.) подсчитал, что мы составляли пятую часть тогдашнего населения Бизерты!»⁵

Рассказывая о «новейшей истории» бизертского порта, Анастасия Ширинская напоминает о том, что, например, для ее отца в 1920 г. он не был совсем уж незнакомым.

Из интервью 2007 г.:

«Было очень большое движение в порту. Сюда регулярно заходили русские с 1900 г. В гардемаринское плавание – которое учебное – выходили из Балтики, папа был здесь в 1908 г. Но каждый год они останавливались в Бизерте. В 1907 г. была эпидемия на “Цесаревиче”, умерли два матросика, которые здесь, в Бизерте, похоронены. Они шли потом на Сицилию, в порт Аугусто, заниматься там стрельбищами».

В то же время можно сказать, что русские эмигранты попали в поистине уникальное городское пространство, где «постоянное сношение с внешним миром выработало в жизни города некоторые характерные черты, пережившие века: гибкость мышления, а также способность приравниваться к создавшемуся положению – в самых трудных условиях всегда находила Бизерта свой, иногда совершенно новый путь. В таких местах легче живется» (с. 7)⁶.

Из интервью 2008 г.:

«Сама Бизерта располагает к покою. Multiculturelle - мультикультурность – вот что здесь было, очень смешанные культуры, и нужно как будто бы жаловаться. Но это, наоборот, самое благоприятное для понимания друг друга! И еще какой-то фактор частный играет роль – вот как в Париже, где эта культурная смесь раздражает, делает жизнь напряженной. А есть такая мультикультурность, как в Бизерте – под нашим солнцем, с нашим морем. Би-

зерта – самая северная в Африке и находится посреди Средиземного моря. А ведь это Средиземное море, соединяющее разные культуры – и восточные, и западные. А мы посередине Средиземного моря. И с нашим Карфагеном, и с финикийцами, которые здесь были, и русскими, которые принесли сюда что-то славянское. Здесь еще сама по себе благоприятная территория. Вот этот мыс, Белый Мыс – самая северная точка Африки».

Основные контакты с местным разнорасовым, многоконфессиональным населением города начали складываться после того, как семьи русских эмигрантов «спустились с корабля на сушу». Это были по преимуществу небогатые итальянские, французские, а также местные мусульманские семьи ремесленников и торговцев. В большинстве случаев это были контакты-зависимости: от торговцев, от работодателей, от служащих городской администрации. Но среди них были и представители более высоких слоев местного населения.

Каждый квартал, каждая улица имели свою этнокультурную окраску: «Маленькая Сицилия», «Квартал джербиентов» (выходцев с о-ва Джерба), «французское общество» с ул. Табарко и др.

Из интервью 2006 г.:

«Что до местного населения, то то, что здесь появились “странные” русские, и многие живут на кораблях своей особой какой-то, неизвестной им жизнью, с их праздниками, привычками, не пугало его, думаю, вызвало обыкновенное любопытство и нередко удивление. Нет, боязни нас не было. И поэтому довольно скоро начались контакты разные. Такие, которые были возможны для нас и для них, не знающих друг друга. Потом у нас даже был “свой” булочник. Он скоро научился печь нам пасхальные куличи. И конечно, облегчал наше положение весь пестрый национальный портовый мир Бизерты».

Контакты осуществлялись по преимуществу через детей. В домашней лексике «оседали» и закреплялись идиомы и выражения соседей-иностранцев, вроде выражения «прекрасная идея», ставшего, по словам Анастасии Ширинской, «эталоном в измерении честолюбивых достижений» (с. 229).

Одновременно весь социокультурный контекст интервью А.А. Ширинской, а также ранее опубликованных воспоминаний пронизан утверждением о существовании некоего чувства европейской – «белой» – солидарности перед подавляющим арабским большинством. В то же время в русских переселенцах той эпохи сложно усмотреть инициаторов создания этнического или расового водораздела. Скорее этому способствовала сама атмосфера протектората с ее утвердившимся для африканцев глубинным статусным разделением на «колонию» и «метрополию», принятым, в свою очередь, в данном обществе со всей его этно-конфессиональной и социокультурной стратификацией.

Опираясь на рассказы А.А. Ширинской, а также ориентируясь на косвенные данные, отдельные замечания и высказывания наших соотечественников (свидетелей, очевидцев и участников эмигрантской драмы в Африке), встречающиеся в переписке, путевых заметках, других источниках, фиксировавших повседневность и воссоздававших атмосферу жизни русской колонии в Африке в начале прошлого века⁷, хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, возникшими именно при рассмотрении этого контингента.

Это, прежде всего, та социальная дистанция, которую «белая» русская колония, несмотря на весь драматизм своего эмигрантского статуса, сохраняла между собой и аборигенами. Историками уже накоплен достаточно надежный и убедительный материал, свидетельствующий о том, что для русских эмигрантов, оказавшихся в Африке, это состояние было почти «типичным». Возможно, в многоконфессиональной, полиэтнической Бизерте того исторического периода это состояние носило менее выраженный характер по сравнению с бытием русских, скажем, в Абиссинии (Эфиопии) или Бельгийском Конго, когда наряду с вынужденной необходимостью, а также любопытно-романтическим восприятием экзотики африканской действительности, в которую они волею судеб погружались на неопределенное время, большинство русских эмигрантов все же оставались здесь представителями своей страны, своей стра-

ты, с веками утвержденным образом жизни, взаимоотношениями с окружающей средой, а также своей расы⁸. В этом смысле пребывание в Африке отчасти обеспечивало многим из них условия и бытовые атрибуты, близкие к оставленным в России, а также и ощущение своей привилегированности, основанной не столько на разнице в цвете кожи, сколько на образовании, воспитании, принадлежности к определенной социальной группе. Знаменателен в связи с этим и комментарий самой А.А. Ширинской.

Из интервью 2006 г.:

«Можно ли говорить, что русская эмиграция каким-то образом участвовала в консервации колониальной системы и сохранении присутствия европейской культуры в Тунисе? Наверное, да. Конечно, мы примкнули к европейской культуре. Все-таки надо сказать, что почти половина людей сразу же сошла на берег весной 1921 г. И по лагерям распределилась. И хотя они постепенно уезжали – находили родственников в Америке или Европе, скандинавских странах и уезжали в Канаду, в Бразилию – все же соприкасались мы тесно, хотя в повседневной жизни наша нищета нам все-таки мешала постоянно общаться с французской интеллигенцией».

Дух привилегированности витал над образованной частью эмигрантского русского корпуса, осевшей в Тунисе. Особенно с конца 20-х годов, когда, по утверждению Анастасии Ширинской, русские в Бизерте перестали быть иностранцами. Они были заняты практически во всех сферах жизни города. Представители русского дворянства получали вполне определенные деловые предложения, связанные с их профессиональной деятельностью. К.В. Махров в своей статье упоминает о предложениях со стороны посланника маршала Лиоте (в то время генерального резидента марокканского протектората), сделанных адмиралу, командующему Русской эскадрой в Тунисе в связи с набором инженеров и техников высшего разряда. Власти протектората и адмиралтейство в самом Тунисе начали набор работников из числа русских эмигрантов⁹.

В своих путевых заметках по Африке журналист-эмигрант Владимир Ткачев,

описывая белую колонию, правда, Бельгийского Конго, называл ее население «немного космополитическим» по характеру. Там было немало русских из числа служащих коммерческих фирм и банков, инженеров, врачей... Здесь, замечал Ткачев, «русские чувствуют себя, несмотря на изнурительный климат, относительно комфортно, ощущая себя в привычной среде»¹⁰. Мы привели эту цитату ради ее концовки. «Привычная среда». Вот, пожалуй, то ключевое словосочетание, которое дает возможность говорить о представителях русской эмиграции первой волны в Африке в парадоксальном, на первый взгляд, контексте их социально-культурной и этно-расовой привилегированности.

Анастасия Ширинская со свойственными ей наблюдательностью и объективностью описывает будни своей семьи и окружающих ее людей – французов, арабов, итальянцев, русских – в постоянном контексте «белого единства» (термин З. Шаховской)¹¹, хотя в несколько ином, менее прагматичном, срезе: говорит об учителях-французах юных эмигрантов, подчеркивает внимание к русским со стороны французской администрации и всевозможные – моральные и материальные, публичные и камерные – формы их поддержки, лояльность и почтительное отношение французов-наимателей к русской прислуге и т. п. Первая ученица Анастасии Ширинской – 11-летняя француженка, дочь владельцев «Гранд Ориент Отель». В этом же доме преподавала музыку Евгения Сергеевна Плотто. Обеих женщин принимали с какой-то «невысказанной благодарностью» (с. 245).

Из интервью 2008 г.:

«Например, мать Евгении Сергеевны Плотто-Иловайской, Мария Аполлоновна Кульстрем¹², жена градоначальника Севастополя, она принимала Государя Императора, который назвал ее [по имени] Марией Аполлоновной – запомнил. Это в семье было известно. Так Мария Аполлоновна очень просто ходила во французские семьи (это, между прочим, Алик Плотто говорит о бабушке, они все ее очень уважали). Она сидела, штопала их белье, а когда надо было садиться за стол завтракать или обедать, они ее как почетную гостью са-жали, понимаете? Отношение было хоро-

шее, уважительное. Я думаю, что неуважения никто бы не потерпел».

Зинаида Шаховская более утилитарно, что ли, оценивала бельгийскую колонию в Матади 1927 г. Определяя свою эпоху как породившую «столько же авантюристов, сколько и чиновников», она не идеализировала ни интеллект, ни культуру окружающих ее бельгийцев, однако отзывалась о них с уважением. «Они рисковали и за это должны были быть хорошо вознаграждены. Это были бельгийцы-труженики, которые умели делать хорошо то, что делали»¹³. А точнее, она описывала собственное состояние историко-культурной маргинальности, положение аристократки дореволюционной России с определенным набором социально-экономических привилегий, которые смогла ей предложить администрация колониальной Африки, аристократки, волею судеб помещенной в деловой, неромантический мир европейской буржуазии, тех капиталистических отношений, от которых впредь зависело благополучие ее самой и ее семьи.

В сущности, давая близкие Шаховской оценки французского окружения в Бизерте, не заблуждаясь насчет интеллекта и культуры местных французов, Ширинская все же практически во всех своих беседах и интервью положительно отзывается о французах, составлявших в этом французском протекторате костяк колониальной администрации. Она утверждает, что только благодаря французам они выжили, упоминает имена адмиралов Гранклемана, Жэна, многое сделавших для того, чтобы помочь своим бывшим союзникам, оказавшимся в Тунисе; адмирала Варнея, морского префекта Бизерты, который, будучи свидетелем зарождения союза между моряками России и Франции, вместе с французскими моряками старой школы горячо сочувствовал и симпатизировал русским коллегам; адмирала Эксельманса, французского префекта в Бизерте, который активно хлопотал перед своим правительством о решении участи русской эскадры, изыскивал средства для учащих Морского корпуса. При этом за проявленную о русских моряках заботу был отстранен от должности и долгое время находился в

опале. И в своих мемуарах, и в устных воспоминаниях она одинаково тепло говорит и о первой рождественской елке в Африке, устроенной детям русских моряков французами прямо на корабле, и о французских офицерах, сопровождавших юных кадетов в Сфаят и ощущавших всю неловкость своих надзирательских обязанностей за белыми военными, и о своих соседях-французах, и о преподавательницах во французской школе в Бизерте, о героизме французских морских офицеров, их гражданской позиции и профессиональной солидарности с моряками-черноморцами.

А.А. Ширинская ссылается в своей книге на некоторые хранящиеся в ее доме любопытные документы, адресованные адмиралом Эксельмансом председателю Совета министров Франции Эдуарду Эррио и своему непосредственному, морскому министру (последний датирован 4 ноября 1924 г.), в которых он хлопочет о судьбах членов экипажей русских судов и их семей, призывая к особому вниманию к предстоящему «сухопутному» бытию и молодых, и старых людей: «Для каждого из них придется принять решение, так как невозможно их бросить на произвол судьбы... Французскому правительству надлежит объявить русским о широкой амнистии... Они должны быть свободны или использовать эту амнистию, или обосноваться в стране, которая им подойдет» (с. 216-217).

Из интервью 2006 г.:

«Знаете, он [адмирал Эксельманс] так был настойчив, так убедителен, что морской министр дал свое согласие составить специальные списки по различным категориям. И вот в первой такой категории, она называлась “главы семей”, список открывался папиным именем: Манштейн, 36 лет, старший лейтенант, 4 дочери – 11, 7, 6 лет, младшей 3 месяца; и что он просит работу топографа или наблюдателя за городскими работами недалеко от Бизерты, потому что дети учатся здесь. Там еще были другие категории, много разных, они всех, весь состав охватывали: и молодых холостых, и тех, кто был женат, но без детей, и родителей, которые на иждивении, и много других еще, но всех учли. И все они так горячо

хлопотали! И сам Эксельманс, и его заместитель контр-адмирал Гранкельман. Он объяснял там, в своем Министерстве, что все русские, о которых он печется, все высоко нравственны, порядочны и трудолюбивы. И что многие из этих русских бок о бок воевали в Первой мировой войне с французами против общего врага».

Из интервью 2007 г.:

«Французский адмирал Эксельманс, который был здесь в 1924 г., он много русским помог. Нельзя говорить – “французы”! Ведь это Париж делал такой закон, что если ты не примешь подданства, то, вот, с работой: даже хорошо проработал, уходи. Эксельманс, который был префект, он был отстранен от своей работы за то, что он очень русским помогал, потому что уже в Тунис приезжала франко-советская комиссия, чтобы забирать корабли. Чтобы спускать наши флаги на наших кораблях. Это был ужасный день – 29 октября 1924 г., когда на всех кораблях, где был Андреевский флаг, флаг Петра Великого, великих русских моряков, спускали этот флаг. Потому что в России уже развевался красный флаг третьего Интернационала. А что для моряков, которые приносили присягу, это означало?.. И адмирал Эксельманс это очень хорошо понимал. Будучи моряком и порядочным рыцарским человеком, он старался помочь русским найти работу и обещал, что флаги никто другой не возьмет и что им отдадут флаги на руки с уважением. Но все равно, когда 29 октября 1924 г. в 17 часов 25 минут раздалась команда «На флаг и гюст!» и через минуту флаг спустился, у всех моряков была одна и та же мысль: видишь ли ты, Великий Петр, видите ли вы, Синявин, Ушаков, Нахимов, ваш флаг спускается! И это ужасно люди переживали. У всех в глазах это выражалось. А мы маленькими были тогда. Мне было 12 лет, мы стояли на корме “Георгия Победоносца”, несколько детей, их матери, какие-то старички, потому что моряки были на другом корабле. Накануне Эксельманс всем пожал руки, обещал, что с честью он отдаст все флаги нам, нашим отцам. Но, конечно, корабли увели в арсенал и наши моряки больше этих кораблей не видели».

В 1956 г. Тунис обрел независимость. Но лишь в 1963 г. французский флот окончательно покинул Бизерту.

Наблюдательная от природы, А. Ширинская говорит о заметном различии в культурах европейцев и тунисцев, богато иллюстрируя это своими бытовыми комментариями, в том числе и в гендерном срезе.

Из интервью 2008 г.:

«Слишком разная жизнь. Не было у тунисцев принято, как у нас, у русских: подругу приглашаешь домой, приходят вместе; одни могут остаться спать, даже позвонить домой (тогда, правда, звонков не было), если идти вместе поздно, а знакомые французы живут, например, в Корнише, тогда уговариваются родители, что дети останутся у них, вот.

С тунисцами это было невозможно... Вы не могли тунисских девушек просто так встретить: дочерей не выпускали нигде! Если они учились, то только во французских религиозных заведениях, где хорошо смотрят, где прививают хорошие манеры. А так не было девочек в школах...

Сейчас, я думаю, более свободно, потому что много девочек тунисских учатся, потому что Бургиба создал le statut de la femme [статус женщины]¹⁴, и девочки были обязаны ходить в школу, чем большинство тунисских мужчин были недовольны. Я не знаю, привыкли ли они теперь... Мне недавно один очень умный и такой любящий свою семью тунисец признался, что когда умер Бургиба, который первый дал девочкам и женщинам возможность учиться, то масса тунисских мужей – и таких порядочных, хороших, которые любили семью! – очень надеялась, что новый президент Бен Али уничтожит эту свободную школьную систему и le statut de la femme будет аннулирован. А Бен Али его утвердил. То есть то, что происходит в президентском дворце, еще не значит, что [то же самое], происходит на кухне. И посему многие были потом страшно расстроены, что Бен Али не упразднил этой системы и этот статус женщин, утвержденный Бургيبой.

...И все равно, тунисские женщины не выходят замуж за русских мужчин, а наоборот, потому что Коран не разрешает,

потому что наши женщины (и ваши женщины) для нас, но наши – не для вас...»

Россия и вера

Природа так сконструировала человека, что он не может руководствоваться в своих действиях лишь рассудком; при этом психологическая потребность верить заложена и в отдельном индивиде, и в обществе в целом. Религиозное чувство, как подчеркивал С.Н. Булгаков, утверждая универсальность этого понятия, является внутренним свойством, неотъемлемой органической потребностью человеческого духа. Устанавливая связь между умом и сердцем человека, религия обеспечивает «активный выход за пределы своего “я”, живое чувство связи этого конечного и ограниченного “я” с бесконечным и высшим расширением нашего чувства в бесконечность в стремлении к недостижимому совершенству»¹⁵.

Эта проблема была и остается важной, животрепещущей для русской эмиграции в целом и конкретно для ее легендарной представительницы – нашей Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской, женщины истинно православной, мужественно и достойно сохраняющей свою веру в конфессионально пестром мире Туниса.

Из интервью 2006 г.:

«Россия прочно связана с русской культурой. Тысячелетней. А на чем основаны культуры? Я живу, например, в стране, в Тунисе. Уже 86 лет. По Тунису трудно судить о культуре, специально связанной с верой. Потому что это страна мультикультурная. Здесь было очень много культур. Говорят (я читала), что в Бизерте было когда-то пять христианских церквей. Правда это или нет, я не могу знать. Но я о таких исторических предположениях читала... То есть в Тунисе было очень много разных культур и все они связаны с религией. Потому что религия – это самый главный повод людского волнения и людского понимания, потому что каждый понимает Господа Бога по-своему. Великое дело – это, скорее, не различие народов, а различие их культурного развития. Когда человек культурный, он понимает другого. Он

знает, о чем говорит. И легче друг друга понять....

Религия, мне кажется, по-разному выражается, в зависимости от темперамента людей. Она связана с происхождением, с характером. Я поясню. Речь идет о тех русских славянах, которые, спустившись с Карпат, пошли на восток. О них речь. И крестил русских славян Владимир в 988 г. И что удивительно: вся религия православная христианская – от греков, но православие у греков и у русских славян вылилось в разные формы, потому что характер между любовью, притяжением мистики славянской совершенно отличается от греков Средиземноморья, которые замечательными коммерсантами были, а русские в целом никогда специальными коммерсантами не были».

Из интервью 2008 г.:

«И, безусловно, религия выливается в форме, понятной для людей разных. Разные люди и на Юге, и на Севере. И на Западе. И на Востоке. Я чувствую, что очень разные по характеру, по пониманию, по реакциям. Религия играет колоссальную роль для народа, и она очень по-разному выражается...»

Из интервью 2008 г.:

«Как взаимосвязаны Россия и вера? Думаю, что наследие веры не генетическое. Во мне ее поддерживали. Поддерживали, потому что мы жили на кораблях в непреходящем состоянии любви к России, в истинном понятии о Родине. Это был не только кусок земли, это было средоточие всей ее культуры. А одна из составных культуры – это ее религия.

Безусловно, вот я живу в магометанской стране, мои дочки во Франции, они такие же христианки (хотя теперь нельзя сказать, что Франция – христианская страна). Но мои дочки – верующие православные... У них не всегда тот же склад, что у меня».

Когда речь идет о процессах интеграции в среде «классической» эмиграции, к которой относится описываемый А.А. Ширинской контингент, то предполагается не только экономическая и политическая адаптация, вплетение этих групп в социально-экономическую ткань страны-реципиента с обязательным соблюдением ее законов

и правил, но и культурная ассимиляция. Последняя связана с процессом замены культурных качеств и ценностей, типичных для прежнего образа жизни, новыми. Социологи отмечают, что, как правило, дети первого поколения эмигрантов не являются ни истинными представителями своей бывшей культуры, ни полноправными представителями новой культуры. Результат ассимиляции и смены ценностей проявится лишь в третьем поколении¹⁶. Именно об этом непростом процессе, который обычно остается на долю последующих поколений, размышляет А.А. Ширинская, возвращаясь к нему практически во всех своих интервью.

Из интервью 2006 г.:

«Кто мои дети уже больше: французы или русские? Это смотря по каким параметрам высчитывается. Но я, собственно, по-настоящему не могу сказать: по каким критериям считают? Может быть, по отношению к обсуждаемым нами вопросам у них будет больше русского, чем французского. А в окружении и общении, то, что они будут делать через час или два – это принадлежит к образу французов, которые их окружают... Или вот Катя Запольская...».

Обращение к семье Запольских в разных контекстах воспоминаний А.А. Ширинской не случайно: соучастники общего эмиграционного процесса, соседи, прихожане одной церкви, близкие друзья в третьем поколении – члены этого большого семейного клана воплощают в себе все нюансы и особенности адаптационных процессов, происходивших с русскими, оказавшимися в Тунисе в начале прошлого столетия, в том числе билингвизм второго и третьего поколений и связанные с ним социокультурные особенности поведения, реакции «распада русскости» его носителей. И еще межпоколенческая трансформация памяти и привязанности к приютившей их предков Бизерте и родовому гнезду – «Вилле Запольских» в Корнише¹⁷, основному пункту нынешних разногласий в семье.

Из интервью 2008 г.:

«Юра, Миша, Елизавета, Екатерина и Ирина – пять внуков лейтенанта Запольского Димитрия Валериановича. И разные

они. Вот, Ирина (одна из трех дочерей Юрия и Нины Запольских. – Н.К.), ей абсолютно неинтересны наши русские истории. Она полностью к ним равнодушна. Сама она могла заработать деньги, не то чтобы это человек неспособный... Но она вышла замуж за человека (они, кажется, работали на том, что перевозили умерших из госпиталя куда-то...) и мечтала о жизни, которую вели среднего уровня французы. И говорят, что у нее очень красиво все, и везде белый мрамор, и хороший очень автомобиль... Единственно, что я очень хорошо понимаю, это то, что она очень любит собак!..

У Кати, почему-то я помню, ее родители, Юра и Нина, всегда между собой все время говорили по-французски, большие, чем по-русски. И дети их поэтому в русском языке испытывают трудности, которых нет у Сергея (старшего сына Анастасии Александровны. – Н.К.), но есть уже у моих дочерей. И почему-то она всегда хотела, чтобы ее называли не Катя, а Катия, с ударением на последнее “я”. А меня это всегда возмущало. Но я знаю, что я права, потому что каждый человек, живя, как я в своей долгой жизни наблюдала, в поликультурном мире, где много культур стекается, все же должен хранить свое достоинство, с уважением относиться к себе и собеседнику, имеющему право на свое мнение. Но до этого трудно сразу дойти большинству. Вот, как Катя. Правда, она теперь это оставила. Теперь этого у нее уже нет...

Получается, что все дочери (Запольские. – Н.К.) профранцузски настроены. Нет, но смотрите, Катя приезжает сюда. И как она в тот раз говорила, что вот так приезжать трудно: никто не знает заранее, когда одна из пяти семей Запольских придет сюда и как распределить между пятью присутствием в доме в Бизерте, может, лучше продать, разделить... Но она сказала, что хочет занять себе дом в Бизерте все-таки. Значит, у Кати желание не потерять Бизерту. И ее муж, видите, он приезжает с нею и он с нами легко находит себе отдых и родственность какую-то с нами, хотя он совершенно не русский и не принадлежит нашей эмиграции и даже не православный, знаете ли. Но мы его

очень хорошо чувствуем между нами (это – Пьер, которого Вы видели здесь). В этой семье Катя – сильная личность, и она его “слепила”, мне кажется, но сама Катя мало что знает о России.

Из них казался самым приверженным и привязанным к Бизерте Миша. А теперь жена у Миши русская, которая никогда не знала Бизерту и которой Бизерта неинтересна. Это можно было почувствовать. А его брат Юра женат на француженке, прелестной Анн. Она такая милая, она так вошла в семью, что они с полуслова друг друга понимают. И Юра, который был сорванец, он занимается православной церковью и здесь, когда приезжает, он и в церковь ездит в Тунис, и поет в хоре, и понимает, очень привязан к Бизерте и к русской церкви».

Нет, видимо, необходимости в данном сюжете подчеркивать, насколько важна моральная и социальная функция религии, а также деятельность религиозной общины (сколь бы малочисленна и структурно причудлива она ни была) для поддержки стабильности личности, ее комфорта в иноэтническом (инорасовом), иноконфессиональном окружении. Особенно ярко это проявлялось в сообществе наших соотечественников, занесенных на Африканский континент ранней эмиграционной волной, в начале XX столетия. Не последнюю роль в складывании их гражданских судеб сыграла религиозность этих людей как социально мобилизующий, консолидирующий, духовно укрепляющий фактор, поскольку религиозная вера в понимании большинства этих людей оставалась необходимым социальным свойством личности и общества, являющимся своеобразным краеугольным камнем поступков личности и социальных процессов¹⁸. Сами соотечественники-эмигранты не раз подчеркивали, что, несмотря на то, что люди все разные, живут кружками, но, пожалуй, более всего объединяет их церковный вопрос. Причем действуют не столько религиозные, сколько романтические основания¹⁹. Но даже у тех из них, кто не мог назвать себя истинно верующим, потребность оставаться внутри религиозной традиции была очень велика: ведь они выросли, сформировались в этой системе, в

ней было и оставалось средоточие всех их духовных и социальных связей. Кроме того, для многих из них духовный и социальный смысл русской революции, изгнавшей их из России, состоял не просто в стремлении обустроить общество без опоры на самодержавную власть и другие веками установленные авторитеты. Для тех из них, для которых «вера – весьма разумное основание для поступка»²⁰, это выглядело как чудовищная попытка «устроиться на Земле без Бога», что наносило сокрушительный удар по существовавшим в их обществе высшим ценностям, духовной культуре личности, морально-нравственным нормам, и поныне признаваемым эмигрантским сообществом в подавляющем своем большинстве. Их жизненной формулой была и оставалась любовь ко Христу и России.

Из интервью 2007 г.:

«Что для нас была религия и церковь? То, что мы собирали на содержание священника по копейкам (не епархия его содержала, а мы сами), сами на свои деньги строили церкви. Мы выписывали священника с семьей, с детьми. И это казалось нам совершенно нормальным. Например, мы детьми ходили и наши дети ходили в субботу вечером на службу, в воскресенье утром тоже литургия, вечером Всенощная, все праздники праздновались... Но пришел момент, когда все могло прерваться. Это когда предыдущее поколение моих отцов уже лежало в могилах, люди моего возраста с французскими паспортами уезжали во Францию, потому что Тунис стал независимой страной и всех работающих на Францию перевели во Францию, а мы здесь остались, и это был “переход пустыни”: не было священника, церкви разваливались, надежду можно было потерять, тем не менее мы ее не потеряли. Вы знаете, никогда нельзя отчаиваться! Потому что время – необыкновенное понятие времени! – я думаю, что для историка не существует вчера, завтра, сегодня. Для него одно целое. История – это “теперь”».

Из интервью 2008 г.:

«Вот у нас церковь здесь, в Бизерте²¹ – может быть, у меня уже такой возраст, что со мной не пытаются спорить, но я

при церкви никогда и никаких раздоров не допущу! Кому церковь принадлежит? Только Богу! В нее всякий имеет право прийти и подойти к кресту, но при условии вести себя достойно, никого там хамски не толкать, чтобы раньше подойти... Даже там, и Ницце, где живут мои дети, есть новые русские, из тех русских, которые где-то страшно разбогатели. То, что не к их чести, собственно говоря. И хотят, кажется, свою роль при церкви играть: кто первый подойдет к кресту...»

Из интервью 2007 г.:

«Но знаете, и христианин может быть ближе к мусульманину, чем к другому христианину. И я в этом абсолютно уверена, всю жизнь проживя в мультикультурной среде. Я уверена также, что я иногда с неграмотным человеком при вере, при подходе с уважением к религии, которому она необходима, я уверена, что мы лучше друг друга поймем и почувствуем. Может быть, это так и нужно? Потому что это вырабатывает веротерпимость. Помню в одной книге рассказов для детей (это была французская книга) описан жонглер, который становится перед статуей Божьей матери. Ему говорят: “Что ты делаешь?” А он ответил: “Выражаю любовь к Ней молитвой, которую я могу изобразить с помощью того, что я лучше всего делаю”. Это у меня на всю жизнь осталось. Это гениально. Это дает вам великий урок веротерпимости».

Из интервью 2007 г.:

«Не так давно один русский²² – он получил Нобелевскую премию – говорит вдруг так спокойно: “Да всем в мире известно, что Россию никто завоевать не сможет. Совершенно это ясно, что Россия не погибнет!”

И я думаю, что наши офицеры, которые приносили присягу, в это верили и старались передать детям. Бывало, некоторые стеснялись, что они бедные, что они беженцы, но вере своей в Россию не изменяли...

Я всегда считала, что нельзя идти против своей страны. Я бы не пошла. И мои родители бы не пошли. Надежда, что Россия – не Советский Союз, а Россия – возродится, никогда не покидала нас».

Из интервью 2008 г.:

«Конечно, мы всегда надеялись, что будут перемены, но сказать, когда это случится, было очень трудно. Одно было ясно: то, что мы могли, то, что наши родители, наши отцы могли передать свою религию, передать своих писателей, свой язык и веру – конечно, то, что было в их возможностях передать – они это передали. Не задаваясь вопросом, когда и как это будет».

Из интервью 2007 г.:

«Завершая наш разговор о любви и вере, могу сказать, что те, которые попали за границу, последние русские офицеры, которые еще приносили присягу до революции, никогда не теряли ни любви к России, ни веры в то, что она возродится...

...Мне часто говорили: «Как вы можете еще любить страну, которая вас вышвырнула...» Для меня и моих родителей Россия всегда была Россией. Ее, действительно, мучили; так эти русские люди, которые там оставались и которым приходилось молчать, они, может быть, больше, чем мы здесь, страдали! Так что как можно разлюбить человека любимого, которому приходится трудно жить? Это невозможно».

Литература

1. *Ширинская, Анастасия.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003.
2. *Булыгин П.П.* Русские в Абиссинии // Сегодня. Рига, №165, 21.6.1928.
3. *Вавилов Н.И.* Страна для философии земледелия замечательная // Природа. М., октябрь 1987.
4. *Хренков А.В.* Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке. М., 2001.
5. *Панова М.А.* История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе // Cahiers du Monde Russe, 46/3, Juillet-Septembre 2005.
6. *Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. М., 1998.*
7. *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

8. *Волков С.В.* Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.

9. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. 1–3. Париж, 1933.

10. *Шаховская З.* Таков мой век. М., 2006.

11. *Ткачев Вл.* В Бельгийском Конго // Возрождение. Париж, 7.7.1929.

12. Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002.

13. *Булгаков С.Н.* Христианская социология // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. М., 1997.

14. *Сусоколов А.А.* Национально-смешанные браки и семьи в СССР. Ч. 1. М., 1990.

15. *Крылова Н.Л.* Социокультурный аспект жизни русских соотечественников в Африке // Восток. 1999, №6.

16. *Саймак Кл.* Паломничество в Волшебство. Братство талисмана. М., 2002.

Примечания

¹ По материалам, в первую очередь, интервью, а также документам из личного архива, полученным во время четырех встреч с Анастасией Манштейн-Ширинской в период 2006–2008 гг., подготовлена к печати авторская монография «Неизвестная Анастасия Ширинская: три портретных наброска в формате эмигрантской семьи (исследование через интервью)», фрагменты которой вошли в данную работу.

² Общее количество публикаций и даже приводимая ниже их часть показывают реальный масштаб этой личности: действительно, трудно даже представить, сколько работ самого разного жанра и творческого уровня так или иначе рассказывают об этой женщине: слабых и сильных, случайных и хорошо продуманных, небрежных и тщательно фактологически выверенных, пафосных и обыденных. Достаточно полистать подборки материалов из веб-сайта Letopisi.ru «Время вернуться домой» «Анастасия Ширинская в зеркале российской прессы», изданной Библиотекой-фондом «Русское зарубежье» (Оргкомитет проекта «Русский Карфаген». М., 2007), «Русская легенда Северной Африки». М., 2006, в которых собраны материалы, так или иначе касающиеся образа А.А. Ширинской в российских СМИ, попавших в Интернет (подборка осуществлена Галли Монастыревой, называющей себя правнучкой капитана второго ранга Нестора Монасты-

рева), где наша героиня предстает то «живой русской легендой», то «хранительницей духовного наследия российских эмигрантов Бизерты», то «компасом для современных людей», то «нашим человеком в Африке», то «хранительницей православия в Тунисе», то «сиротой великой России» и т.п. Упоминается она и в трудах Кнорринга и фон Берга (имеются в виду очерки-воспоминания В.В. фон Берга «Последние гардемарины (Морской корпус)», Трилогия. Париж, 1931, и Н.Н. Кнорринга «Сфаят. Очерки из жизни Морского корпуса в Африке». Париж, 1935, изданные под общим названием «Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг.». М., 1998), а также в крупных, академического уровня работах А.В. Плотно, К.В. Махрова, М. Пановой и российских историков-африканистов, посвященных разным аспектам истории Черноморской эскадры, осевшей в Тунисе. Наконец, об Анастасии Манштейн-Ширинской снят ряд документальных — профессиональных и любительских — фильмов, последний из которых, «Анастасия Бизертская» В. Лисоковича, удостоен Золотой медали на фестивале «Парижская весна» в 2008 г.

³ Основанная финикийцами задолго до Карфагена, в начале IX в. до нашей эры, Бизерта сыграла важную роль в истории, прежде всего благодаря своему уникальному географическому положению. Старый порт надежно укрывал всех, кто оказывался в этом уголке африканского континента. За свою многовековую историю этот город сменил много названий — Гиппон, Акра, Диаритус, Бензерт, Бизерт, Бизерта. Как и большинство городов Средиземноморья, она пережила множество войн. Финикийцы, пунийцы, ливийцы, варвары, арабы, испанцы, турки, французы — все оставили след в ее культуре, образе жизни ее коренных жителей. Начиная с XVI века Бизерта — порт, облюбованный пиратами. Считают, однако, что корсары того времени, обогатив город и снискав ему отчаянную славу, не ожесточили его жителей. Изгнав в XIX в. пиратов и разбойников, город зажил степенной и размеренной жизнью рыбаков и земледельцев. В 1881 г. Тунис, формально считавшийся владением Османской империи, был захвачен Францией, навязавшей тунисским беям протекторат. В это время порт был полностью запущен и засыпан. Потребовалось еще несколько лет, чтобы через песчаный перешеек прорыть канал, непосредственно соединивший открытое море с озером Бизерты. Изъятыми из русла канала тысячами кубометров земли были засыпаны морские лагуны и разветвления каналов старого порта. На полученной таким образом насыпи площадью 750 га был возведен современный город. В 1895 г. порт был открыт для международной торговли. Тогда же он перешел во владение военно-морского флота Франции. (По материалам «Полностью запущен и засыпан». Le-topisi.Ru — «Время вернуться домой»).

⁴ Речь идет о письме г-на Фернана По, этнического француза, с детства жившего в Тунисе и искренне сумевшего привязаться в тот период к русским эмигрантам, а через них к русской культуре. Оригинал письма, написанного по-французски, находится в личном архиве А.А. Манштейн-Ширинской и любезно был предоставлен ею в распоряжение автора. Оно начинается словами: «*Мне кажется, что я их (русских. — Н.К.) всегда знал, даже после того, когда я их открыл, а это уже гораздо больше. Даже несмотря на то, что я до сих пор не знаю, понял ли я их полностью*» // Личный архив А.А. Манштейн-Ширинской. Фонд не описан (Тунис, г. Бизерта).

⁵ А.А. Ширинская имеет в виду работу К.В. Махрова (сына русского эмигранта, белого офицера В.С. Махрова, пришедшего с Черноморской эскадрой в Бизерту в 1920 г.), живущего ныне в Париже и подготовившего к выходу в свет в издательстве «Русский путь» сборник воспоминаний современников под названием «Русская колония в Тунисе. 1920–2000 гг.» (находится в производстве) // Личный архив А.А. Манштейн-Ширинской. Фонд не описан (Тунис, г. Бизерта).

⁶ Ссылка дана на книгу Анастасии Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка», изданную в Санкт-Петербурге в 2003 г. Далее по тексту ссылки на нее будут даваться в круглых скобках.

⁷ См., например: Булыгин П.П. Русские в Абиссинии // «Сегодня». Рига, № 165. 21.6.1928; Вавилов Н.И. Страна для философии земледелия замечательная // «Природа». М., октябрь 1987, с. 53, 55; Хренков А.В. Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке. М., 2001, с. 94–96. Подобные сюжеты затрагивают и журналисты, например, Константин Парчевский, известный своими репортажами о российских эмигрантах («Вокруг света», январь 1999 г. Рубрика «Исторический розыск»), и др. По этому вопросу см. также: Панова М.А. История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе // Cahiers du Monde Russe, 46/3, Juillet–Septembre 2005; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. М., 1998; Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001; Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999; Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. 1–3. Париж, Библиотека «Иллюстрированной России», 1933; Шаховская З. Таков мой век. М., 2006; Дневник матроса крейсера «Генерал Корнилов» Александра Брута // Личный архив А.А. Манштейн-Ширинской. Фонд не описан (Тунис, Бизерта) и многие другие.

⁸ Как писал о своих новых знакомых, русских, Ф. По: «Русские были не рабы, не сицилианцы, не мальтийцы, не греки, не югославы, не французы из Франции. Мы их чувствовали и

признавали как европейцев, но с севера и с севера дальнего и для нас неопределенного». И далее он комментирует: «Несмотря на все это, русских и нас объединяло то, что мы были владельцами. Наши родители построили с большими трудностями, усилиями и жертвами свои домики в деревне на красивой земле, где каждый выращивал замечательные овощи (поначалу), потом фруктовые деревья и, наконец, несколько видов цветов. Выращивали то, что полезно. К тому же и эти русские, и мы жили в Мегрин-Кото, что означает, на очень скромной, но все же возвышенности. Это нас возвышало, до некоторой степени, по отношению к рабочим, которые жили в Сите-Лискюр (Cité Lescure), на равнине» // Личный архив А.А. Манштейн-Ширинской. Фонд не описан (Тунис, г. Бизерта).

⁹ Махров К.В. Указ. соч., с. 3 авторской части рукописи // Личный архив А.А. Манштейн-Ширинской. Фонд не описан (Тунис, г. Бизерта).

¹⁰ Ткачев Вл. В Бельгийском Конго // «Возрождение», Париж, 7.7.1929.

¹¹ Цит. по: Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002, с. 39.

¹² Строго говоря, Мария Аполлоновна Кульстрем была не матерью, а мачехой Евгении Сергеевны: мать рано скончалась, и отец женился вторично на сестре, Марии Аполлоновне, которая, будучи теткой Евгении Сергеевны, и стала затем ее мачехой.

¹³ Шаховская З. Указ. соч., с. 38.

¹⁴ Личный статус – отрасль мусульманского права, регулирующая важнейшую сторону правового положения мусульман. Предметом данной области являются брачные, семейные и наследственные

отношения, взаимные обязанности родственников, опека, попечительство и некоторые другие смежные вопросы. К этой области мусульмане относятся особенно трепетно, поскольку большинство норм по личному статусу содержится в основополагающих источниках – Коране и сунне.

¹⁵ Булгаков С.Н. Христианская социология // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 2. М., 1997, с. 50–52.

¹⁶ См., например: Сусоколов А.А. Национально-смешанные браки и семьи в СССР. Ч. 1. М., 1990, с. 36; Моррис Ричард А. Системы иммиграции и социальная адаптация. Опыт российских иммигрантов в США. Доклад на Международной научной конференции «Государственные и общественные институты содействия адаптации российских эмигрантов». Институт истории РАН, 10–11.12.1997, с. 3.

¹⁷ Дословно: побережье; курортная зона Бизерты.

¹⁸ Подробнее см.: Крылова Н.Л. Социокультурный аспект жизни русских соотечественников в Африке // Восток. 1999, № 6, с. 44–64.

¹⁹ «Вокруг света», январь 1999. Рубрика «Исторический розыск».

²⁰ Саймак Кл. Паломничество в Волшебство. Братство талисмана. М., 2002, с. 89.

²¹ Речь идет о храме Святого благоверного князя Александра Невского в Бизерте, построенном в 1937 г. на средства эмигрантов из России.

²² А.А. Ширинская имеет в виду выступление Жореса Алферова во время вручения ему Нобелевской премии.

Т.А. Аникеева

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ ТУРЕЦКОЙ «ПОВЕСТИ О КАДИИ И ВОРЕ»

Жанр народной повести (*halk hikâyesi*) долгое время, вплоть до середины XX в., являлся неотъемлемой частью турецкой городской культуры. Это некогда бытовавший исключительно в устной форме, а впоследствии и записанный прозаический текст новеллистического или фантастического содержания с поэтическими фрагментами. Одной из особенностей этого жанра является его существование одновременно как в устном, так и в письменном виде, что делает его пограничным между литературной традицией и фольклором.

Говоря о книжном бытовании городской повести, мы подразумеваем записи различных версий сюжетов *хикайатов*, поначалу рукописные, а затем и печатные издания текстов, осуществленные в XIX в. в виде литографий и типографским способом и рассчитанные на широкий круг читателей, прежде всего в городах. Что же касается параллельного устного бытования городской повести, то исполнение *хикайатов* было распространено, например, в Стамбуле в самом начале XX в. и в 1910–1920-х годах¹. В 1950-е годы, по сведениям В. Эберхарда, исполнение городской повести на юго-востоке Турции все еще могло конкурировать с печатной литературой и кинематографом². В маленьких городках Анатолии, по данным И. Башгёза, искусство *меддаха*-сказителя (то есть исполнителя повестей) сохранилось вплоть до 60–70-х годов XX в.³

Рукописные варианты городских повестей были широко распространены на территории всей Турции и Закавказья вплоть до конца XIX в. По всей видимости, изначально они представляли собой так называемые «сказительские либретто», являвшиеся обязательным элементом механизма передачи устной традиции: усвоение традиционных формул, структуры довольно большого объема текста происходит у сказителя или его ученика не только по памяти. В качестве примера можно привести рукописи народных повестей, относящиеся преимуще-

ственно к концу XVIII в. и хранящиеся в собрании Института восточных рукописей РАН: *Арзу ве Канбар* (1779 г.), *Исмаил-шах* (конец XVIII–XIX в.), *Тахир ве Зухра* (1266 г.х.), *Фархад ве Ширин* (1757–1758 гг.)⁴. Кроме того, нельзя не упомянуть собрание рукописей турецких народных повестей Российской национальной библиотеки (РНБ)⁵.

Что касается печатных изданий текстов, то техника литографирования (*taşbasması*), существенно более дешевая, чем типографская печать, получила особенно широкое распространение в начале XIX в. Первые литографии возникли в Стамбуле – как, например, основанная при поддержке Хюсрева-паши знаменитая литография Анри Кайоля⁶. Популярность литографирования оказала сильнейшее влияние на бытование народных повестей. В результате большинство изданий текстов турецкой народной повести первой половины XIX в. осуществлено в технике литографии. Рост грамотности среди населения, развитие книгоиздания, увеличение тиражей печатных изданий – все это в конечном счете не могло не привести к падению интереса не только к рукописному искусству, но и к искусству сказителя, тесно связанному с переписыванием повестей и созданием упомянутых «сказительских либретто». В своей статье, относящейся к 1910 г., спустя почти век после начала реформ, В.А. Гордлевский пишет о стамбульских *меддахах*: «В новом укладе жизни меддахи представляют уже анахронизм. Их рассказы отлились в однообразные, жалкие стереотипы, и даже внимание неприятельской публики в Константинополе по мере приближения рамазана к концу все более и более ослабевает. Невольно меддахи грустят о невозвратных временах, когда на сеансах кофейни битком бывали набиты слушателями»⁷.

Одной из характерных особенностей турецкой городской повести является определенная разница в типах ее сюжетов, обу-

словленная различным происхождением повестей. Исследователи турецкого фольклора (П.Н. Боратав, Ф. Тюркмен, В. Эберхард) выделяют два их основных типа: так называемые «героические» (*kahramanlık*) и «романические», то есть повести «любовного» содержания (*sevgi*). Х.Г. Короглы же разделяет жанр турецкой городской (народной) повести на две категории: «повести книжного происхождения и заимствованные непосредственно из устного фольклора»⁸. К первому типу, как правило, относят цикл рассказов (так называемых *кол*⁹) прозаической версии известного на Кавказе, Ближнем Востоке и в Средней Азии огузского эпического сказания о Кёроглу, получившей широкое распространение в Малой Азии¹⁰, а также ряд других сюжетов, как, например, «Ильбейлиоглу» («İlbeylioglu»), повесть о Шах-Исмаиле («Şah-İsmail»), «Бей Бёйрек» («Bey Böyük»), «Джелалибей и Мехмед-бей» («Celali Bey ile Mehmet Bey»), «Кирманшах» («Kırmanşah»). Большинство этих повестей генетически связано с устной эпической традицией. Так, «Джелалибей и Мехмед-бей» и «Кирманшах» продолжают сюжетные линии турецкого цикла «Кёроглу», при этом не входя в сам цикл повестей о Кёроглу, насчитывающий 24 рассказа¹¹; а повесть «Бей Бёйрек», также довольно широко известная в Турции, в сюжетном плане связана со сказаниями, составляющими огузский книжный эпос «Книга моего деда Коркута» («Китаб-и дедем Коркут»).

Ко второму, «романическому», типу городских повестей принято относить те повести, в основе которых лежит сюжет, повествующий либо о жизни *ашика*-поэта, его любви и обретении им поэтического дара, либо о любви трагической (в основном). Повести героического типа восходят, как правило, к устному эпосу, иногда – к рассказам о реальных событиях. Так, П.Н. Боратав пишет о том, что герой народной повести «Ильбейлиоглу», согласно некоторым историческим сведениям, был беим известного в свое время племени¹². «Романический» тип народных повестей интересен в первую очередь тем, что опирается не столько на ранее бытовавший устный фольклор, сколько на книжные источники и

на литературную средневековую персидскую или арабскую традицию. В качестве примера можно привести бытовавшие в Турции повести «Лейла и Меджнун», «Ферхад и Ширин». Эти сюжеты пришли в турецкий фольклор из произведений Низами Гянджеви («Хусрау и Ширин»), Амира Хосрова Дехлеви (поэмы «Ширин и Хусрау», датированные 1299 г., «Маджнун и Лайли», являющиеся откликами на соответствующие произведения Низами), Абдерахмана Джамии («Лайли и Маджнун»). Существует предположение, что грамотные сказители заимствовали данные сюжеты из классической литературы, а потом они прошли этап «фольклоризации» на родном языке рассказчика. Также к «романическим» повестям относятся, например, «Эмрах и Сельви», «Тахир и Зухра», которые выделяются ярким местным колоритом и не имеют первичного источника в виде литературного произведения.

Некоторые повести включают в себя различные эпизоды, обнаруживающие явное сюжетное родство со сказкой (такие повести выделяются в особую категорию «обрамленных» повестей – так называемых *çerçeveli hikâyeler*). Известная турецкая повесть «Шахмеран», например, содержит повествование о пещере пророка Сулеймана, рассказ о стране обезьян и стране муравьев – то есть сюжеты, широко распространенные в сказочном фольклоре Ближнего Востока (см., к примеру, и повесть о Сейфильмулке, чей сюжет перешел в турецкий фольклор из «Тысячи и одной ночи»). Таким образом, достаточно часто можно встретить включение сказочных эпизодов в текст городской турецкой повести. Впрочем, у исследователей нет единого мнения на этот счет. Зачастую источниками сюжетов некоторых повестей являются известные сказочные циклы: в таком случае повесть представляет собой как бы отдельный эпизод из этого цикла.

Рукопись «Повести о кадии и воре» из частного собрания¹³ представляет собой один из вариантов рассказа, относящегося к самому известному на Ближнем Востоке сказочному циклу – «Тысяча и одна ночь»: вор при помощи хитрости грабит кадия Багдада. Так как этот сказочный

сюжет генетически связан с «Тысяча и одной ночью», закономерно, что он является одним из весьма распространенных в турецком и персидском фольклоре – так, известно несколько персидских версий данной сказки¹⁴.

Рукопись переплетена в тетрадь. Формат небольшой: размер текста 7,5x14 см. Бумага плотная. 19 листов.

Текст написан черными и красными чернилами, почерком *рик'а*; 13 строк на странице.

Дефекты: на последних четырех листах текст размыт, отсутствует конец сочинения. Пагинации страниц нет, есть кустоды. Укращения и рисунки в тексте отсутствуют. Подпись переписчика, место и дата переписывания отсутствуют.

Начало рукописи:

زمان سابقده ری شهرنده علم و زهدیله موصوف و کمال
معرفتیله معروف بر قاضی و آرای

В тексте повести присутствуют стихотворные строки, начало бейтов выделено красными чернилами.

Известны еще несколько списков данной повести, которые хранятся в Берлинской государственной библиотеке (Naḡāmī ile Baghdād qādīsīnīn sergüzeštisidir) и библиотеке Братиславского университета (описан в каталоге библиотеки: Kādī ile oḡru, № 509¹⁵), а также в рукописном отделе Института восточных рукописей РАН. Здесь находится относимый Л.В. Дмитриевой к XVIII в. список под № 2031, озаглавленный «Хикайат-и кази ма'угр'и»¹⁶, а также рукописная версия данной сказки, датированная не позднее 1852 г. № 2030, озаглавленная «Kāz'ı va ugr'ı»¹⁷. Кроме того, данный текст был издан в Турции литографским способом также ориентировочно во второй половине XIX в., его экземпляр хранится в Центре восточной литературы Российской государственной библиотеки (Hikaue-i uḡru ile qadī, б.м., б.г., на полях издания – богословское сочинение «Наставления Божьего посланника»).

По своему содержанию «Повесть о кадии и воре» может быть отнесена к турецким повестям бытового, приключенческого содержания, распространенным пре-

имущественно в городской среде, так же, как и, например, описанная О.В. Васильевой «Повесть о Сефер-бей-заде» из собрания РНБ¹⁸. Как уже было сказано, вопрос о соотношении сказки и повести-хикайата является одним из важнейших в изучении турецкого фольклора и литературы; включение сказочных эпизодов в текст народной турецкой повести можно встретить довольно часто.

Несомненно, неопубликованная рукопись повести свидетельствует о том, что литографирование и типографская печать, получившие массовое распространение в Турции в XIX в., еще не окончательно вытеснили рукописную традицию так называемых «сказительских либретто», создававшихся как для запоминания текста самим *меддахом*-рассказчиком, так и для прочтения вслух публике. Безусловно, рукопись нуждается в дальнейшем исследовании в контексте турецкой литературной и фольклорной традиций, а также в публикации. Существование рукописных вариантов (а позднее – изданных типографским способом и литографий) повестей одновременно с устной повествовательной традицией является необходимым условием существования турецкой народной повести как жанра, и, соответственно, изучение и публикация их представляют собой особый интерес для филологов и литературоведов.

Литература

1. Гордлевский В.А. Стамбульские меддахи. Он же. Из настоящего и прошлого меддахов Турции // Избранные сочинения. Т. 2. Язык и литература. М., 1961.
2. Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002.
3. Горяева Л.В. Соотношение устной и письменной традиций в малайской литературе: жанры «черита пенглипур лара» и хикайат. М., 1979.
4. Короглы Х.Г. Турецкая народная повесть // Эмрах и Сельви. Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. М., 1982.

5. Каррыев Б.А. Эпические сказания о Керр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.

6. Туманович Н.Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 6. Фольклор (занимательные рассказы и повести). М., 1981, №1 (54).

7. Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР, I-II. М., 1975.

8. Васильева О.В. «Повесть о Сефер-бейзаде» и «Рассказ о Яхья-челеби и шейхе Абу-л-Хиййаре в Ускюдаре»: к вопросу о жанре стамбульского хикайата // Османская империя: события и люди. Сборник статей к 70-летию Ю.Н. Петросяна. М., 2000.

9. Eberhard W. Minstrel Tales from South-eastern Turkey. Berkeley, 1955.

10. Başgöz I. Turkish Folklore and Oral Literature. Bloomington, 1998.

11. Vasilyeva O.V. Oriental Manuscripts in the National Library of Russia // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental MS Research. SPb.-Helsinki. 1996, vol. 2, No. 2.

12. Vasilyeva O.V. The National Library of Russia: New Acquisitions of Oriental Manuscripts in 1992–1996 // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental MS Research. SPb.-Helsinki. 1996, vol. 2, No. 4.

13. History of the Ottoman State, Society and Civilization. Vol. 2. Istanbul, 2002.

14. Boratav P.N. 100 soru'da türk folkloru. Istanbul, 1973.

15. Boratav P.N. Halk hikayeleri ve halk hikayeciliği. Ankara, 1946.

16. Arabische, Türkische und Persische handschriften der universitätsbibliothek in Bratislava. Bratislava, 1961.

ences on a Hikâye Performance // Turkish Folklore and Oral Literature. Selected Essays of İlhan Başgöz. Ed. By Kemal Silay. Bloomington, 1998, p. 76–77.

⁴ Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002, с. 454–479.

⁵ См.: Vasilyeva O.V. Oriental Manuscripts in the National Library of Russia // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental MS Research. SPb.-Helsinki, 1996. Vol. 2, № 2, June, p. 19–35; Vasilyeva O.V. The National Library of Russia: New Acquisitions of Oriental Manuscripts in 1992–1996 // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental MS Research. SPb.-Helsinki, 1996. Vol. 2, № 4, p. 35–47.

⁶ См.: History of the Ottoman State, Society and Civilization. Vol. 2. İstanbul: IRCICA, 2002, с. 152–154; Gerçek Selim Nüzhet. Türk Matbaacılığı. İstanbul, 1939, с. 24–25.

⁷ Гордлевский В.А. Из настоящего и прошлого меддахов в Турции, с. 308. Кроме того, необходимо отметить, что сходный процесс привел к совершенно обратному результату в другой части света – на Малайском архипелаге, где популярность техники литографирования способствовала развитию сказительского искусства: «Качественно новый этап существования жанра (то есть хикайата, повествовательного жанра в малайской традиционной словесности. – моё.) связан с широким распространением литографированных изданий текстов хикайатов. Рост грамотности способствует дальнейшему расширению социальной сферы распространения хикайатов, их демократизации... Следует отметить исключительную популярность этого жанра народного творчества, до сих пор продолжающего свое существование, несмотря на растущую конкуренцию радио и кинематографа» (Горяева Л.В. Соотношение устной и письменной традиций в малайской литературе: жанры «черита пенглипур лара» и хикайат. М., 1979, с. 24–25).

⁸ Короглы Х.Г. Турецкая народная повесть // Эмрах и Сельви. Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. М., 1982, с. 8.

⁹ См.: Каррыев Б.А. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968, с. 80.

¹⁰ См., например, следующие издания повестей: Köroğlu ile Selma, 1959; Köroğlu masalı. İstanbul rivayeti, 1939; Meşhur Köroğlu (hikayesi), 1923; Meşhur Köroğlu, 1201 (1888). Два издания повести о Кёроглу, получившие распространение в Турции, были упомянуты Б.А. Каррыевым (Каррыев Б.А. Указ. соч., с. 88–89).

¹¹ Boratav P.N. 100 soru'da türk folkloru. İstanbul, 1973, s. 55.

¹² См.: Boratav P.N. Halk hikayeleri ve halk hikayeciliği. Ankara, 1946, s. 33

¹³ Рукопись была приобретена И.В. Зайцевым в 2006 г. в Стамбуле на книжном рынке Саххафлар Чаршысы у антиквара Ибрахима Манава.

Примечания

¹ См.: Гордлевский В.А. Стамбульские меддахи // Избранные сочинения. Т. 2. Язык и литература. М., 1961, с. 332–338; он же. Из настоящего и прошлого меддахов в Турции // Там же, с. 300–313.

² Eberhard W. Minstrel Tales from Southeastern Turkey. Berkeley, 1955.

³ Başgöz I. The Tale-singer and His Audience: An Experiment to Determine the Effect of Different Audi-

¹⁴ Персидские рукописные и печатные версии этой сказки см., например (цит. по: *Дмитриева Л.В.* Указ. соч., с. 466): *Туманович Н.Н.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 6. Фольклор (занимательные рассказы и повести). М., 1981, № 1 (54); *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР, I–II. М., 1975, № 1678 и др.

¹⁵ См.: Arabische, Türkische und Persische handschriften der universitätsbibliothek in Bratislava. Bratislava: Die universitätsbibliothek, 1961. S. 369–370.

¹⁶ *Дмитриева Л.В.* Указ. соч., с. 466.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Васильева О.В.* «Повесть о Сефер-бей-заде» и «Рассказ о Яхья-челеби и шейхе Абу-л-Хиййаре в Ус-кюдаре»: к вопросу о жанре стамбульского хикайата // Османская империя: события и люди. Сб. ст. к 70-летию Ю.Н. Петросяна. М., 2000, с. 64–83.

А. Калимуллина

ТАТАРСКИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В фондах Национального архива Республики Татарстан до сих пор остается не изученным целый пласт документов, касающихся истории татарского народа. Это – татарские (мусульманские) метрические книги, представляющие собой неоценимый источник по этнодемографической истории татар.

В фондах этого архива насчитывается более 3 тысяч единиц хранения татарских мусульманских метрик по Вятской (Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды), Казанской (Казанский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Царевококшайский, Цивильский, Чистопольский уезды), Оренбургской (Бугурусланский уезд), Самарской (Бугульминский, Буинский, Самарский уезды), Симбирской (Карсунский, Курмышский, Симбирский уезды), Уфимской (Белебеевский, Мензелинский уезды) губерниям и городу Казани¹.

Метрические книги дореволюционного периода (до 1915 г.) сосредоточены в основной своей массе в фонде Казанской духовной консистории (ф. 4, оп. 3 доп., 6 доп., 7 доп., 8 доп., 9 доп., 10 доп., 12 доп., 15 доп., 177, 180), а также в фондах 1022 – 1027, 1029 – 1046, 1048 – 1063. Метрики с 1916 г. хранятся в фонде Р-2780 (оп. 1).

Наиболее полно сохранились метрические книги по Казанскому уезду Казанской губернии и городу Казани (фонд 4, описи 177, 180, 6 доп.).

Большинство дел, имеющих в Национальном архиве Республики Татарстан, относятся к 1840–1920 гг. Самая ранняя метрика датируется 1829 г. (ф. 1037, оп. 1, ед. хр. 1. Метрическая книга соборной мечети деревни Починок Сердобрашки Казанского уезда Казанской губернии), а самая поздняя – 1934 г. (ф. Р-2780, оп. 1, ед. хр. 75. Метрическая книга мечети деревни Клявляро-

во-Турукляр Казанского уезда Казанской губернии).

Как видно из сохранившихся в некоторых метрических книгах квитанций, метрики заполнялись в двух экземплярах, один из которых отправлялся в Оренбургское магометанское духовное собрание. После образования органов ЗАГС декретом о гражданском браке, о детях и о ведении книг записи актов гражданского состояния от 29 декабря 1917 г. все метрики были переданы в архивы органов ЗАГС, которые, в свою очередь, передали их Национальному архиву Республики Татарстан. Таким образом, в фондах архива отложилось по два экземпляра метрических книг по городу Казани (оп. 177 и 180 фонда Казанской духовной консистории) и по одному экземпляру метрик по губерниям (за некоторые годы по два экземпляра).

Все метрические книги внесены в электронную базу данных (две части: для дел до 1916 г. и после 1916 г.), а в читальных залах можно ознакомиться с их описями на бумажном носителе. Однако в вопросе систематизации и каталогизации метрических книг имеются и определенные проблемы. Дело в том, что фонды и описи формировались по мере поступления дел в архив, что вызывает некоторые трудности с поиском дел. Например, метрические книги Казанского уезда Казанской губернии имеются в описях 177, 3 доп., 6 доп., 7 доп., 8 доп., 9 доп., 10 доп., 12 доп., 15 доп. Эта проблема решена частично в фонде Р-2780, в котором дела сконцентрированы по уездам.

Метрические книги Национального архива относятся к категории особо ценных документов, а потому на них создается страховой фонд и фонд пользования на микрофильмах. Использование микрофильмов помогает уберечь оригинал метрик от ветшания.

Первые метрические книги для православного населения были введены в 1702 г. Петром I. Обязательное ведение метрик для мусульманского населения Российской империи было введено лишь в 1829 г. Форма заполнения метрических книг впервые была определена в 1724 г. Позднее порядок заполнения и набор необходимых сведений менялся, однако в целом общий вид метрических книг был следующим.

Каждая метрическая книга состояла из четырех основных частей:

1. О родившихся (мальчики и девочки подсчитываются отдельно, имя ребенка, дата рождения, имена родителей и обоих дедов и их фамилии, место рождения ребенка).

2. О бракосочетавшихся парах (дата проведения церемонии, имена и возраст молодоженов, имена их родителей и обоих дедов, номер брака у каждого из брачующихся, имена и подписи свидетелей, размер выкупа – махер и выплаченная и невыплаченная части, имам, совершивший обряд, и его подпись).

3. О разводе (имена и фамилии разводящихся и их родителей и обоих дедов, причина развода, вид развода – талак или алах, имена свидетелей и их подписи, дата развода, имя имама, в чьем приходе прошел развод).

4. Об умерших (мужчины и женщины подсчитываются отдельно, имя покойника и дата кончины, имена родителей и обоих дедов, возраст покойника и причина смерти, место захоронения и имя имама, проводившего службу).

На титульном листе метрической тетради должна приводиться сводная таблица с данными о родившихся (мужчины и женщины отдельно), бракосочетавшихся, бракоразводах и умерших (мужчины и женщины отдельно) за год.

Несмотря на строгость заполнения метрик, иногда в них можно наблюдать и ошибки. Наиболее распространенными из них являются:

– неточное указание числа родившихся или умерших²;

– неточное указание возраста молодых, вступающих в брак (например, указан возраст 2 года или 7 лет) или отсутствие данных о возрасте молодых³;

– отсутствие в сводной таблице сведений о зарегистрированных браках или разводах⁴;

– пропуски в регистрации причин смерти, возраста и имен умерших (что в большей степени касается долгожителей)⁵.

Говоря о содержании метрических книг, необходимо отметить их информативность. Из них можно почерпнуть следующие сведения.

1. Метрики позволяют нарисовать словесную картину татарского общества. Для сельского населения, в основной своей массе являющегося крестьянством, этот вопрос не так актуален, как для горожан.

2. Каждая метрическая книга дает богатый материал для выяснения демографической ситуации (рождаемость и смертность, количество детей в семье и детская смертность, средняя продолжительность жизни, причины смерти). Анализ данных метрик показывает, что смертность достигала порой 100% и более. Например, в 1866 г. смертность населения Казанского уезда Казанской губернии составила 116,87% относительно числа родившихся (3811 умерших на 3261 родившихся)⁶. До половины умерших и более – дети, не достигшие 10 лет. Основными причинами смерти являлись:

– заболевания (чахотка, желтуха, горячка, сахарный диабет, опухоли, сумасшествие, у детей ветрянка и эпилепсия);

– различные боли (головные, в животе, в сердце и пр.);

– смерть при родах у женщин в возрасте от 18 до 45 лет;

– смерть по старости для лиц старше 60 лет.

Интересен тот факт, что убийств или суицидов практически не наблюдалось. За 40 лет зарегистрирован единственный случай суицида: в 1873 г. житель села Починок Семитбаша Казанского уезда Казанской губернии Шакир Ахмедович повесился в возрасте 36 лет⁷. Единичны случаи смерти от алкоголизма. А средняя продолжительность жизни составляла 55–65 лет.

3. Состояние института семьи (количество браков, процент разводов и их причины, вопрос многоженства, экономические аспекты брака). Метрические книги свидетельствуют о том, что многоженство среди

татар не было распространено. Действительно, часто регистрировались 5-й, 7-й, даже 12-й браки, но вступали в них после кончины предыдущего супруга или после развода. Наличие 2-й, 3-й супруги можно наблюдать лишь у состоятельных граждан. Причиной тому были престарелый возраст, болезненность или бесплодие первой супруги.

Не подтверждается мнение о раннем вступлении в брак девушек. Средний возраст невест составлял, по данным метрических книг, 20–26, иногда до 30 лет. Юноши женились в 20–30 лет.

Количество разводов различалось в городе и в сельской местности. Если в уезде уровень расторжения браков составлял в среднем 10–30% от числа зарегистрированных браков, то в Казани количество разводов колебалось от 25% (в середине XIX столетия) до 46–48% (к 1913 г.)⁸. Формулировки причин разводов в городе и уезде также различались. Наиболее частой причиной являлось отсутствие любви. Встречаются и такие причины, как отсутствие дружбы, отсутствие развития отношений.

Подводя итог, следует отметить, что при всей своей кажущейся простоте и одинаковости метрические книги являют собой ценный источник по истории татарского народа.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Путеводитель. Издание дополненное и переработанное. Казань, 1999. Справка-ориентировка о наличии метрических книг в Национальном архиве Республики Татарстан.

² НАРТ, ф. 4, оп. 177, д. 146, л. 220, 248, 516, 591; д. 150, л. 19 и др.

³ Там же, д. 135, л. 259; д. 136, л. 57, 121; д. 139, л. 401; д. 150, л. 495 и др.

⁴ Там же, д. 137, л. 289, 291; д. 138, л. 28; д. 146, л. 485; д. 150, л. 371, 401 и др.

⁵ Там же, д. 136, л. 53, 242 об., 317; д. 146, л. 58, 214, 486 и др.

⁶ Там же, д. 136, 137.

⁷ Там же, д. 151, л. 431.

⁸ Там же, ф. 4, оп. 180, д. 22.

Наши юбиляры

ДУАЙЕН КОРПУСА АРХИВНЫХ ВОСТОКОВЕДОВ

Александр Николаевич Хохлову – 80 лет

Давным-давно, 47 лет назад, мне посчастливилось встретиться и познакомиться с Александром Николаевичем Хохловым. Точнее, он сам со мной познакомился, поскольку я был всего лишь дипломником Восточного факультета Ленинградского университета, а Александр Николаевич уже пять лет – научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР.

Полвека более чем достаточно, чтобы сменить исследовательскую парадигму, найти новые научные темы, наконец. Могут измениться и жизненные интересы. Для А.Н. Хохлова смены – перспективы, сдвиги и прочее – означали лишь новые повороты любимых тем, новые находки и, как следствие, новые блестящие публикации. И не более того, ибо он оставался в системе ценностей и методик, избранных им однажды и навсегда.

Наша встреча с А.Н. Хохловым состоялась в здании Архива внешней политики России (сейчас он называется Архив внешней политики Российской империи). Место и идею определило, по крайней мере для меня, принципиальное направление поиска – Восток через русские архивы.

В 2000-х годах мне довелось доложить на ICANAS-37 о базовых принципах архивного востоковедения. Однако без малейшего преувеличения можно сказать, что понимание того, что мы сейчас называем архивным востоковедением, было заложено А.Н. Хохловым в дружеских и весьма поучительных беседах с автором этих строк в годы (замечу, счастливые годы!) моих поисков и находок в АВПР... Вспоминается А.Н. Хохлов той поры всегда живым и открытым, светившимся радостью, когда он делился опытом анализа ярких архивных документов. Таким он пребывает и все эти полсотни лет – обаятельным, добросердечным, мудрым.

Научное долголетие и колоссальные наработки по специальности самым органичным образом сочетаются в нем с неизменной доброжелательностью, готовностью делиться опытом и знанием. Профессионал высочайшего класса, который учил и учит особому направлению в ориенталистике – взгляду на историю через архивный документ. А.Н. Хохлов является одним из старейших и наиболее творчески активных сотрудников Института востоковедения. Значителен его вклад в изучение истории Китая и международных отношений нового времени, истории отечественного востоковедения.

Китаеведческую сторону творчества А.Н. Хохлова ценят его коллеги-синологи. Мне же, волею судьбы оказавшемуся во главе журнала «Восточный архив», хотелось бы подчеркнуть особую значимость его труда на страницах нашего общего журнала. Юбилар стоял у истоков «Восточного архива», он – член редакционного совета журнала. Начиная с первого номера, вышедшего в 1998 г., и до нынешнего А.Н. Хохлов публиковал в «Восточном архиве» статьи, освещающие на основе им лично найденных архивных документов различные аспекты российско-китайских отношений. Именно он привлек внимание («Восточный архив», № 1 и № 6–7) к работе школы российских переводчиков в Кульдже и Урге. Он помог объемно и зримо представить читателям XXI века наших полузабытых журналистов-востоковедов С.Н. Сыромятникова (начало XX в.) и В.Н. Рогова (1937–1945 гг.). По-новому предстает в свете публикаций А.Н. Хохлова фигура нашего легендарного художника-баталиста В.В. Верещагина.

Гуманист по складу характера и певец архивного поиска, А.Н. Хохлов обращался на страницах нашего журнала и к таким своеобразным темам, как гуманитарные аспекты политики России в Китае в 1912 г. и просветительская деятельность русских миссионеров в Сирии и Палестине (конец XIX – начало XX в.).

Человек – пример, архивный востоковед с условным порядковым номером один, А.Н. Хохлов неизменно верен учителям (см. его блистательную публикацию о начале творческого пути С.Л. Тихвинского в «Восточном архиве» № 18, 2009 г.), архивному востоковедению и друзьям-коллегам. От всей души поздравляя Александра Николаевича с юбилеем, мы желаем ему здоровья и активного творческого долголетия.

Да будет легким полет Вашего пера! Да не иссякнут чернила в Вашей чернильнице!!

В.И. Шерemet

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые авторы «Восточного архива»!

Просим вас оформлять материалы для журнала в соответствии со следующими требованиями.

1. Объем статьи не должен превышать 1,0 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами). Текст набирается на компьютере в программе «Word». Размер шрифта – 14, интервал между строчками – 1,5. Выставляются переносы слов, а также номера страниц (справа вверху). Сноски концевые. Предоставляются как распечатка (авторами из Москвы), так и электронная версия (диск, дискета). Текст можно отправить также по электронной почте на адрес редакции.

2. Кроме сносок, статья должна содержать список использованной при ее подготовке литературы, помещаемый перед примечаниями.

3. Необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, его ученую степень, место работы и занимаемую должность, адрес электронной почты.

4. Сноски необходимо оформлять следующим образом. В тексте знак сноски ставится непосредственно за словом, кавычками или скобкой, в зависимости от того, к чему она относится. Например: В конце книги от руки приписана фраза¹. «Привет Вам»². «Привет Вам, Николай Иванович»³.

5. Написание сноски: автор – *курсивом*; сначала фамилия, а затем, через пробел, инициалы без пробела. Затем – название книги, место и год издания, том, номер страницы. Например: *Петров И.Н.* История гарема. М., 2008, т. 12, с. 163.

6. При первом упоминании архива его название дается полностью, например, Государственный архив Российской Федерации, в круглых скобках – сокращение (ГАРФ). В дальнейшем название архива дается в сокращении. Далее через запятую следуют: номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа. Например: ГАРФ. Ф. 121, оп. 6, д. 104, л. 25. Названия фонда и дела приводить не обязательно.

7. При повторной ссылке на источник дается фамилия автора, далее – «указ. соч.», номер страницы. Если были ссылки на два или более сочинения одного и того же автора, то, кроме его фамилии, дается и название сочинения, можно с некоторыми сокращениями. Если ссылки на один и тот же источник следуют одна за другой, то во второй ссылке достаточно указать «Там же» и дать номер страницы или листа.

8. Просьба перед подачей материала убедиться в отсутствии лишних пробелов между словами, включив кнопку «Непечатаемые символы».

9. Обратите внимание на употребление пробелов:

после сокращений всегда пробел;

после знаков препинания всегда пробел;

после № всегда пробел;

до и после тире – всегда пробел.

10. Дописывания или расшифровка слов в тексте заключаются в квадратные скобки. Пояснения автора заключаются в круглые скобки и оформляются так: «Был хороший (теплый. – *Авт.*, или инициалы автора, тоже *курсивом*. – *И.П.*) день». Опушенные фрагменты документов отмечаются знаком <...>.

Редакция не имеет возможности выплачивать гонорары авторам, но и не взимает плату за публикации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

---

¹ «Как Вы себя чувствуете?»

² Там же.

³ Николай Иванович Петров (1905–1995).

НАШИ АВТОРЫ

АНИКЕЕВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: jerlitsina2008@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru.

КАЛИМУЛЛИНА Алсу – ведущий специалист Национального архива Республики Татарстан. E-mail: nart@archive.gov.tatarstan.ru

КОЛУПАЕВ Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской государственной библиотеки. E-mail: kol64@list.ru

КРЫЛОВА Наталья Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: krylovanl@yandex.ru

КУРНИКОВА Оксана Михайловна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: linerohana@inbox.ru.

ЛЕЩЕНКО Нелли Федоровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tokhis@mail.ru

ФРУМИН Дмитрий Валерьевич – кандидат географических наук, научный сотрудник Еврейского университета в Иерусалиме (Израиль). E-mail: mitia.frumin@mail.huji.ac.il

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarhive@yandex.ru